

H. lit. P.

629

i/2

КРИТИЧЕСКІЕ ОШЫТЫ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

•
II.

Щедринъ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о,
Пименовская ул., собст. домъ.

1890.

77 В

H. Lf. P. 629 i

Bayerische
Staatsbibliothek
München

R

Ff 182 / 98189

Книжка эта составилаь изъ фельетоновъ, напечатанныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Условія газетной работы по необходимости должны были съузить задачу и урѣзать самое ея выполнение. Другой сумѣлъ бы можетъ быть переработать эти фельетоны въ нѣчто болѣе связное, исправить и дополнить ихъ, но мнѣ никогда не удавалось справиться съ препятствіями, выражаемыми пословицей: что написано перомъ, того не вырубить топоромъ. Я ничего не измѣнилъ. Надѣюсь однако, что и въ такомъ видѣ книжка кое въ чемъ поможетъ читателямъ Щедрина, а я только и хотѣлъ помочь имъ.

Ник. Михайловскій.

THESE THINGS ARE NOT TO BE
CONSIDERED AS A NEW
INVENTION BUT AS A
RENEWAL OF AN OLD
TRUTH. THE TRUTH IS
NOT A NEW DISCOVERY
BUT A RE-REVELATION
OF SOMETHING WHICH
HAS ALWAYS BEEN
TRUE. THE TRUTH IS
NOT A NEW DISCOVERY
BUT A RE-REVELATION
OF SOMETHING WHICH
HAS ALWAYS BEEN
TRUE.

I.

Отношеніе къ литературѣ.

Почти ребенкомъ Салтыковъ писалъ стихи; двадцати двухъ лѣтъ онъ напечаталъ свою первую повѣсть „Запутанное дѣло“, за которую заплатился нѣсколькими годами невольной службы въ Вяткѣ. Затѣмъ внѣ писательской дѣятельности онъ жилъ подобно большинству образованныхъ русскихъ людей, то есть опять-таки служилъ, писалъ или подписывалъ отношенія и предписанія, подвигался вверхъ по лѣстницѣ табели о рангахъ, хозяйничалъ въ деревнѣ, бывалъ, конечно, въ обществѣ, бесѣдовалъ съ дамами, игралъ въ карты и т. д. Но во всѣхъ этихъ очень обыкновенныхъ житейскихъ положеніяхъ его какъ-то трудно себѣ представить. Мнѣ по крайней мѣрѣ, знавшему Салтыкова въ послѣднія двадцать лѣтъ его жизни, онъ представляется, внѣ литературы и литературныхъ отношеній, чѣмъ-то въ родѣ рыбы, вытащенной изъ воды: безпомощно и неумѣло бьется рыба на берегу, и все ея существо проникнуто одной инстинктивной тоской тяготѣнія къ родной стихіи, безъ которой ей не жить. Такою родною стихіей была для Салтыкова литература. Тяготѣлъ онъ къ ней всѣмъ существомъ своимъ, почти стихійно, какъ бы изъ чувства самосохраненія. Именно такъ мучительно бьется и тоскуетъ рыба, вытащенная изъ воды: нельзя ей остаться на берегу, — уснетъ. Перелетныя птицы тоже такъ тянутъ осенью въ теплые края: нельзя имъ остаться на нашемъ сѣверѣ, — замерзнуть. Лично для Салтыкова самая жизнь наконецъ, со всѣми ея красками и звуками, получила интересъ только въ качествѣ возможности литературной работы и въ качествѣ матеріала, подлежащаго литературной обработкѣ. Онъ и самъ признавалъ непреодолимо стихійный характеръ своей любви къ литературѣ. Въ „Письмахъ къ тетенькѣ“ онъ писалъ:

„Этотъ уголокъ (литература) мнѣ особенно дорогъ, потому что на немъ съ дѣтства были сосредоточены всѣ мои упованія, и она въ свою очередь дала мнѣ гораздо больше того, что я достоинъ былъ получить. Весь жизненный процессъ этого замкнутого, по волѣ судьбы, міра былъ моимъ личнымъ жизненнымъ процессомъ; его незащищенность — моею незащищенностью; его замученность — моею замученностью; наконецъ его кратковременныя и рѣдкія ликованія — моими ликованіями. Это чувство отождествленія личной жизни съ жизнью излюбленнаго дѣла такъ сильно и принимаетъ съ годами такіе размѣры, что заслоняетъ отъ глаза даже широкую, не знающую береговъ жизнь“.

Въ „Приключеніи съ Крамольниковымъ“, этой „сказкѣ-элегіи“, изображающей нравственное состояніе самого Салтыкова послѣ закрытія *Отечественныхъ Записокъ*, герой печальнаго приключенія характеризуется такъ:

„Крамольниковъ былъ коренной пошехонскій литераторъ, у котораго не было никакой иной привязанности, кромѣ читателя, никакой иной радости, кромѣ общенія съ читателемъ... Въ этой привязанности къ отвлеченной личности было что-то исключительное, до болѣзненности страстное. Цѣлые десятки лѣтъ она одна питала его и съ каждымъ годомъ дѣлалась все больше и больше настоятельною. Наконецъ, пришла старость, и всѣ блага жизни, кромѣ одного, высшаго и существеннѣйшаго, окончательно сдѣлались для него безразличными и ненужными... Все разнообразіе жизни представляется фиктивнымъ; весь интересъ ея сосредоточивается въ одной свѣтящей точкѣ“.

Такая специализація жизни, такое сведеніе всего ея пестраго шума къ одной, хотя бы и дѣйствительно свѣтящей точкѣ грозили бы очень печальными слѣдствіями, еслибы дѣло шло о комъ-нибудь другомъ, а не о Салтыковѣ. Какъ бы ни было велико значеніе литературы, но она есть только одна изъ функцій жизни, и если она заслоняетъ собою то цѣлое, которому призвана служить, то это противоестественно, — до такой степени противоестественно, что въ концѣ-концовъ даже просто невозможно. Знаменитыя формулы „наука для науки“ и „искусство для искусства“ были порожденіемъ этого стремленія заслониться отъ жизни щитами самодовлѣющихъ спеціальныхъ функцій. Формулы эти очень торжественно провозглашались, очень яростно защищались, но практически едва ли когда-нибудь осуществлялись въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. Гордо священнодѣйствуя у своихъ олтарей, служители чистаго искусства и чистой науки находятся во власти недоразумѣнія, которое отчасти даже забавно: они

возсылають свои фиміамы куда-то ужасно высоко, къ небесамъ небесъ, а вѣтромъ эти фиміамы отбиваетъ все-таки на землю, и вдыхаетъ ихъ всякій, кто можетъ оплатить продукты чистой науки и чистаго искусства и воспользоваться ими либо просто для развлеченія, либо для своихъ практическихъ цѣлей. А вѣдь цѣли эти не всегда возвышенны; руки у этихъ развлекающихся и пользующихся не всегда чисты: бываютъ въ грязи, бываютъ и въ крови... Такимъ образомъ, при всемъ величественномъ презрѣніи къ нашей бѣдной землѣ, къ нашимъ маленькимъ земнымъ дѣламъ, служители чистой мысли и чистаго воображенія все-таки не выбиваются изъ круга земныхъ дѣлъ и отношеній. Да иначе и быть не можетъ: „всякъ земнородный“ въ концѣ-концовъ непремѣнно на землѣ останется, къ какимъ бы ухищреніямъ ни прибѣгалъ и какъ бы ни старался перепрыгнуть черезъ свою земнородную природу,—такой ужъ ему предѣлъ положенъ. Разница только въ томъ, что можно сознательно оставаться на землѣ, стараясь о доведеніи земныхъ дѣлъ до возможнаго для нихъ совершенства, а можно вырвать изъ жизни одинъ маленькій клочокъ, одну „свѣтящую точку“ и, сотворивъ себѣ изъ нея кумира, отмести остальное, какъ презрѣнія достойное, но въ то же время безсознательно послужить худшему изъ этого остальнаго.

Великое личное счастье Салтыкова и великое счастье русской литературы состояло въ томъ, что рядомъ со стихійнымъ, почти инстинктивнымъ тяготѣніемъ къ литературѣ, какъ профессіи, въ немъ жило сознаніе огромнаго значенія литературы, а слѣдовательно и лежащей на ней отвѣтственности. Онъ часто говорилъ о счастьи, которое ему давала литературная дѣятельность, несмотря на терніи, попадавшіеся на его пути. Литература была для него та „она“, которую поэты и поэтики неотступно преслѣдуютъ своими признаніями, хотя „она“ не всегда даритъ своихъ поклонниковъ лаской и улыбкой, а оказывается подчасъ и очень жестокой; но самыя муки, претерпѣваемыя отъ „нея“, отъ милой сердцу и желанной, только еще болѣе затягиваютъ узы любви, только слабриваютъ и оттѣняютъ общее чувство счастья. Маленькій писатель Пимень, такими трогательными чертами изоб-

раженный въ разсказѣ „Похороны“, говорилъ, что на его памятникѣ (если таковой будетъ на его могилѣ поставленъ) надо надписать: „Литература освѣтила ему жизнь, но она же напоила ядомъ его сердце“. Великому писателю Щедрина памятникъ будетъ поставленъ, и на немъ можно бы было тоже слово, да иначе молвить: „Литература напоила ядомъ его сердце, но она же освѣтила ему жизнь“. Какія бы невзгоды ни постигали Салтыкова на жизненномъ и въ частности на литературномъ пути, онъ былъ все-таки счастливъ; счастливъ сознаніемъ того, что его излюбленное дѣло, мало того—дѣло, безъ котораго онъ жить не можетъ, какъ рыба безъ воды, есть вмѣстѣ съ тѣмъ великое, всеобъемлющее и, какъ онъ иногда говоритъ, „вѣчное“ дѣло. Его „муза“ лишь очень изрѣдка выбивалась изъ-подъ строжайшаго контроля сознанія, подъ которымъ онъ ее постоянно держалъ. Онъ не довѣрялъ своему огромному таланту, мало того — даже не вѣрилъ въ него. Никогда не полагаясь на „вдохновеніе“, онъ работалъ постоянно и упорно, иногда по нѣскольку разъ переписывая и передѣлывая свои рукописи, и въ разговорѣ я не разъ слыхалъ отъ него, что онъ будто бы только упорнымъ трудомъ и беретъ. Въ *невѣріи* своемъ онъ былъ, конечно, неправъ, это слишкомъ ясно, но его *недовѣріе* къ стихійной силѣ таланта имѣло для русской литературы чрезвычайно благотворныя слѣдствія. Именно потому, что его несравненный талантъ выходилъ далеко изъ ряда вонъ и имѣетъ мало соперниковъ во всемірной литературѣ, именно поэтому онъ могъ бы надѣлать большихъ бѣдъ, еслибы его не обуздывало сознаніе. Давно сказано, что быстроногій, попавъ на ложную дорогу, дальше убѣжитъ по ней, чѣмъ тихоходъ; большая и быстрая рѣка натворитъ въ разливъ больше несчастій, чѣмъ ничтожная и вялая рѣченка. Любопытно, что въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ“, а помнится и еще гдѣ-то Щедринъ выводитъ на сцену какъ бы самого себя въ видѣ литератора и влагаетъ самымъ глупымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ (преимущественно „дамочкамъ“) такія обращенія къ нему: „вѣдь вы по смѣшной части!“ или: „я намеднись что-то ваше читала! такъ хохотала! такъ хохотала!“ Сатирика очевидно оскорбляла мысль о томъ, что какая-ни-

будь глупая Марья Потапьевна или еще болѣе глупая Нонночка найдутъ въ его писаніяхъ веселое развлеченіе для себя. Это и теперь можетъ конечно случиться, и тутъ собственно нѣтъ ничего оскорбительнаго, хотя увеселять Марью Потапьевну и Нонночку не особенно лестно и пріятно. Но еслибы Салтыковъ вздумалъ служить „искусству для искусства“ и распустилъ свой искрометный заразительный юморъ по-вѣтру, не сдерживая его опредѣленной, сознательно выработанной программой, мы имѣли бы не Щедрина, какимъ теперь его знаемъ, не великаго будильника, а именно только блестящаго писателя „по смѣшной части“. Его писаніями увеселялись бы тѣ, кому и безъ того живется весело, и увеселялись бы можетъ быть на счетъ и въ ущербъ тѣхъ, кому живется слишкомъ горько. Къ счастью, щедринская единственная „свѣтящая точка“ не имѣла ничего общаго съ двусмысленнымъ искусствомъ для искусства. Это не былъ кумиръ, ревниво требующій исключительнаго поклоненія, это была дѣйствительно „свѣтящая точка“, единственная въ томъ смыслѣ, что по обстоятельствамъ жизни сатирика въ ней и только въ ней сосредоточивались всѣ лучи жизни. Въ своей страстной привязанности къ литературѣ Салтыковъ дошелъ постепенно до того, что всѣ явленія жизни—крупныя и мелкія, трагическія и комическія, яркія и блѣдныя, возвышенныя и отвратительныя—оказались ничтожными въ сравненіи съ литературой и получили для него интересъ только въ своемъ литературномъ отраженіи. Это было бы уродство, еслибы онъ въ то же время не требовалъ отъ литературы, чтобы она въ свою очередь отражала въ себѣ всѣ явленія жизни. При этомъ условіи его восторженные разсужденія о литературѣ являются только оригинальными комментаріями къ евангельскому тезису: „въ началѣ бѣ Слово“.

Въ „Кругломъ годѣ“ нѣсколько скучающихъ въ Ниццѣ русскихъ людей придумываютъ развлеченіе: составляютъ изъ себя „коммиссію объ искорененіи“ сначала „всего“ а потомъ специально литературы, ибо при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что „ничто не будетъ надлежащимъ образомъ искоренено, покуда не будетъ искоренена литература“. Когда одинъ изъ членовъ коммиссіи предложилъ „одну часть про-

изведеній литературы сжечь рукою палача, а другую потопить въ рѣкѣ, литераторовъ же водворить въ уѣздный городъ Мезень“,—авторъ не выдержалъ и произнесъ защитительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, читаемъ:

„Милостивые государи! Вамъ, конечно, не безъизвѣстно выраженіе: *scripta manent*. Я же, подъ личною за сіе отвѣтственностью, присовокупляю: *semper manent, in secula seculorum*! Да, господа, литература не умретъ! Не умретъ во вѣки вѣковъ!... Все, что мы видимъ вокругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ,—одна литература вѣчно останется цѣлою и непоколебленною. Одна литература изъята изъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Несмотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи человѣчества, при которомъ можно бы было съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ. Ибо ничто такъ не соприкасается съ идеею о вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ“.

Въ томъ же „Кругломъ годѣ“ племянникъ Оединька Неугодовъ сообщаетъ автору о своихъ служебныхъ успѣхахъ и между прочимъ о томъ, что онъ засѣдаетъ въ комиссіи „о мѣрахъ, которыя надо принять на случай могущаго быть свѣтопреставленія“. Авторъ освѣдомляется, не предстоятъ ли въ томъ числѣ какія-нибудь мѣропріятія по адресу литературы. Оединька отвѣчаетъ: „Въ настоящую минуту могу сказать вамъ только одно: рѣшено предложить г. Майкову написать, на случай свѣтопреставленія, гимнъ“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ свѣдѣніе это даетъ автору поводъ для слѣдующаго замѣчанія: „Даже комиссія на случай могущаго быть свѣтопреставленія—и та прежде всего сочла нужнымъ открыть это торжество гимномъ. Почему она такъ поступила? А потому просто, что, благодаря гимну, смягчатся черезчуръ суровые тоны торжества, и затѣмъ—кто же знаетъ?—быть можетъ и самое свѣтопреставленіе будетъ отмѣнено“. Но и независимо отъ этого отдаленнаго событія, авторъ всѣми возможными способами старается убѣдить суроваго Оединьку Неугодова, что гнать литературу не годится, что она даже ему, Оединькѣ, необходима. „Даже дамочки отвернутся отъ тебя,—говоритъ онъ,—ибо и онѣ понимаютъ, что неприлично и скучно по цѣлымъ часамъ только жестикулировать, но надо

по временамъ и поговорить. И поговорить не о лишеніи правъ состоянія, а о Дюма-фисѣ, о Бело, о Монтепэнѣ, т.-е. все-таки о литературѣ... Квартира, въ которой ты живешь, пиджакъ, который надѣтъ на твоихъ плечахъ, чай, который ты сію минуту пьешь, булка, которую ты ѣшь—все, все идетъ оттуда. Еслибы не было литературы, этого единственнаго сборнаго пункта, въ которомъ мысль человѣческая можетъ оставить прочный слѣдъ, ты ходилъ бы теперь на четверенькахъ, обросшій шерстью, лакалъ бы болотную воду, питался бы сырыми злаками и акридами..." И далѣе: „Я страстно и исключительно преданъ литературѣ; нѣтъ для меня образа достолюбезнѣе, похвальнѣе, дороже образа, представляемаго литературой; я признаю литературу всецѣло, со всѣми уклоненіями и осложненіями, даже съ московскими кликушами“.

Не черезчуръ ли ужъ это? Не безумно ли слѣпа та любовь къ литературѣ, которая обнимаетъ даже „московскихъ кликушъ“ и литературные сюжеты для разговора съ „дамочками“ въ свободное отъ жестикуляцій время? Есть вѣдь въ литературѣ своего рода волки и овцы, и нельзя же любить единовременно и овцу и волка,—чѣмъ-нибудь да надо пожертвовать. Есть литература, зовущая къ истинѣ, къ подвигу, къ идеалу, и есть литература пасквиля, доноса, лжи, скоморошества, издѣвательства надъ честью и совѣстью. Салтыковъ на себѣ испыталъ всю низкую злобу, на которую способна эта послѣдняя. И не ему бы, кажется, какъ лично претерпѣвшему и какъ свидѣтелю многихъ чужихъ претерпѣній, простирать любящія объятія къ литературѣ вообще.

Дѣло объясняется очень просто. „Осложненія и уклоненія“ въ родѣ „московскихъ кликушъ“ и прочаго печальнаго или позорнаго отребья литературы „порою бываютъ мучительны, но вѣдь они пройдутъ, исчезнутъ, растаютъ и навѣрное одни только усилія честной мысли останутся незыблемыми“. „Таково мое глубокое убѣжденіе,—прибавляетъ сатирикъ,—не будь у меня этого убѣжденія, этой вѣры въ литературу, въ ея животворящую мощь, мнѣ было бы больно жить“. Салтыковъ желаетъ, чтобы вся жизнь, во всѣхъ ея подробностяхъ, со всѣми ея мучительствами и мученіями, возвышенностями и низменностями, радостями и печальми, отражалась въ „свѣ-

тящей точкѣ“ литературы. Чтобы было все равно, какъ въ сказкѣ: на небѣ солнце и въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ и въ теремѣ мѣсяцъ. Пусть все, что пресмыкается и летаетъ, смѣется и плачетъ, торжествуетъ и терпитъ поражение въ жизни,—пусть все это отражается въ литературномъ зеркалѣ. „Литература имѣетъ право допускать заблужденія, потому что она же сама и поправляетъ ихъ“. Но никто, никакая посторонняя сила не должна сюда вмѣшиваться, бросая свой мечъ Бренна на ту или другую чашку вѣсовъ, оказывая покровительство однимъ элементамъ литературы и насильственно подавляя другіе. Безъ этого посторонняго вмѣшательства все само собой перемелется, и животворящая мощь литературы вынесетъ изъ свободной борьбы мнѣній только чистое, свѣтлое, а вся муть осядетъ на дно житейскаго моря и пропадетъ тамъ пропадомъ. Туда ей и дорога, а не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ сами по себѣ московскія кликуши и литературные сюжеты для игривыхъ собесѣдованій съ „дамочками“ представляли что-нибудь цѣнное. При полной свободѣ печати вредъ, приносимый ими, былъ бы ничтоженъ,—они растаяли бы въ лучахъ правды, яко таетъ воскъ отъ лица огня, потому-что въ концѣ-концовъ не могутъ они выдержать открытую, прямую борьбу съ „усиліями честной мысли“. Еслибы же они и сохранились частью, то лишь въ качествѣ Сенькиной шапки, въ качествѣ подлиннаго выраженія аппетита извѣстной части общества. Они были бы даже полезны этою подлинностью выраженія совершенно опредѣленныхъ житейскихъ теченій и настроеній. Истина не манна небесная, питавшая евреевъ въ пустынѣ. Она не готовая съ неба людямъ сваливается, а достигается трудными путями всесторонняго изслѣдованія, и на путяхъ этихъ нельзя обойтись безъ заблужденій. Но истина и заблужденіе должны быть поставлены лицомъ къ лицу, безъ постороннихъ покровителей, хотя бы и истины, безъ постороннихъ препятствій, хотя бы и заблужденію.

Такъ объясняются странныя на первый взглядъ указанія Салтыкова на заслуги Бело и признанія въ любви къ московскимъ кликушамъ. Область литературы была для него до такой степени священна, что самымъ ненавистнымъ ему элементамъ онъ предоставляет какъ бы право убѣжища въ ней.

Такое право убѣжища признавалось въ старые годы за храмами, куда могъ правомѣрно укрыться самый отъявленный и уличенный преступникъ. По мнѣнію Салтыкова, разъ чело-вѣкъ выступилъ на литературное поприще, онъ уже тѣмъ самымъ становится неприкосновеннымъ и подлежитъ лишь литературному же суду и расправѣ. Салтыкову казалось непре-рекаемо яснымъ, что на опубликованіе, путемъ печати, не-вѣрныхъ фактовъ можно и должно отвѣчать только опровер-женіемъ и опубликованіемъ фактовъ вѣрныхъ; на неправиль-ную аргументацію — аргументаціей правильной; на литератур-ное нападеніе — литературной же защитой. Онъ былъ въ этомъ отношеніи радикальнѣйшимъ изъ радикаловъ. Въ 1880 г. онъ былъ за границей, лѣчилъ и писалъ въ *Отечественныя За-писки* статьи, озаглавленные „За рубежомъ“. Мимоходомъ сказать, мнѣ, завѣдывавшему тогда редакціей *Отечествен-ныхъ Записокъ*, приходилось подчасъ туго отъ той нетерпѣ-ливой настойчивости, съ которою Салтыковъ требовалъ свѣ-дѣній о той или другой статьѣ, о цензурныхъ опасностяхъ, о томъ, когда выйдетъ наша книжка и т. п. Онъ и за гра-ницей былъ полонъ своимъ любимымъ дѣломъ; мыслью и сердцемъ жилъ въ редакціи. Не даромъ онъ писалъ въ „За рубежомъ“: „Легко сказать: позабуди, что въ Петербургѣ су-ществуешь цензурное вѣдомство, и затѣмъ возьми одръ твой и гряди; но выполнить этотъ совѣтъ на практикѣ право не легко“. Такъ вотъ въ этомъ самомъ 1880 году шли довольно оживленные толки о предстоящей замѣнѣ административнаго воздѣйствія на литературу воздѣйствіемъ судебнымъ. Салты-ковъ отнюдь не радовался этой замѣнѣ. Газетные толки о ней онъ отмѣтилъ въ „За рубежомъ“ нѣсколькими ворчли-выми страницами на ту тему, что чѣмъ же собственно „су-дебные скорпіоны“ лучше „скорпіоновъ административныхъ?“

Литература неприкосновенна, но за то она честно испол-няетъ свои обязанности, зоветъ общество къ добру и правдѣ, караетъ зло и неправду... Таковъ былъ идеалъ Салтыкова, — идеалъ, слишкомъ удаленный отъ дѣйствительности. Этотъ разладъ дѣйствительности съ идеаломъ и былъ тѣмъ ядомъ, которымъ литература напоила сердце сатирика, хотя литера-тура же освѣтила его жизнь.

Салтыковъ очень интересовался исторіей новѣйшей русской литературы и часто, въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, задавалъ себѣ мучительный вопросъ, — отчего все это такъ странно и печально и срамно вышло? Исходнымъ пунктомъ его размышленій были обыкновенно сороковые годы. Литература того времени отнюдь не была его идеаломъ, хотя бы уже потому, что она была связана по рукамъ и по ногамъ. Были въ ней и такіе изъяны, которые стояли внѣ прямыхъ отношеній со связанностью. Тѣмъ не менѣе ей удалось, какъ говоритъ Салтыковъ въ „Кругломъ годѣ“, — „отыскать извѣстные идеалы добра и истины, благодаря которымъ она не задохлась; она же создала тѣ человѣчныя преданія, ту честную брезгливость, которая выдѣлила ее изъ общаго строя жизни и дали возможность выйти незапятнанною изъ-подъ ига всевозможныхъ давленій“. Двѣ черты особенно характерны для литературы сороковыхъ годовъ. Во первыхъ, это была литература серьезно убѣжденная; во вторыхъ, она не имѣла доступа къ практической жизни. Нынѣ убѣжденность исчезла, влеченіе къ идеаламъ стинуло, традиція литературной брезгливости оборвалась и вмѣстѣ съ тѣмъ литература вступила въ общеніе съ жизнью, съ практическою злобою дня. Есть ли какая-нибудь причинная связь между серьезною убѣжденностью литературы сороковыхъ годовъ и ея изолированностью, между нынѣшнимъ оскудѣніемъ идеаловъ и общеніемъ литературы съ практическою жизнью? Салтыковъ рѣшительно отвѣчаетъ: нѣтъ. „Изолированность, — говоритъ онъ, — конечно имѣетъ свою красивую, а отчасти и полезную сторону, потому что она ставитъ литературу въ положеніе жены цезаря, которой не должно касаться даже подозрѣніе въ податливости; но было бы въ высшей степени неестественно и даже оскорбительно, еслибъ эта же самая изолированность сдѣлалась безсрочною и составила бы окончательную цѣль существованія литературы“. Общеніе съ жизнью „всегда было и всегда будетъ цѣлью всѣхъ стремленій литературы“. Оно само по себѣ не могло бы ни умалить идеалы литературы, ни тѣмъ менѣе упразднить ихъ. Напротивъ, идеалы могли бы найти здѣсь для себя лишь поправку, опору и развитіе, а никакъ не смерть. Но —

„на дѣлѣ какъ-то совершенно неожиданно вышло, что жизнь посту-

пилась литературѣ не существенными своими интересами, не тѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, которое составляетъ источникъ ея радостей и горестей, а только безчисленной массой пустяковъ. И въ то же время сдѣлалось яснымъ, что старинный афоризмъ „не твое дѣло“ настолько заматерѣлъ и вѣлся во всѣ закоулки жизни, что слабымъ рукамъ оказалось совершенно не подѣ-силу бороться съ нимъ. И такимъ образомъ въ концѣ-концовъ оказалось, что литература искала общенія съ жизнью, а обрѣла общеніе съ пустяками,—какая неожиданность можетъ быть горше и чувствительнѣе этой?“

И въ рассказѣ „Похороны“ Салтыковъ со вздохомъ вспоминаетъ то время, когда „была замкнутость, явленіе, конечно не особенно плодотворное, но охранявшее литературный декорумъ и положившее начало нѣкоторымъ литературнымъ преданіямъ, на которыя не безъ пользы можно сослаться и нынѣ“.

Въ „Письмахъ къ тетенькѣ“ Салтыковъ опять возвращается къ этой терзающей его темѣ. На этотъ разъ онъ сравниваетъ литературу сороковыхъ годовъ со сказочной царевной, которая „была заключена въ неприступномъ чертогѣ и только дремала, окутанная сновидѣніями“. „Но въ основѣ этихъ сновидѣній,—продолжаетъ онъ,—лежало „человѣчное“, такъ-что ежели литература не принимала дѣятельнаго участія въ негодованіяхъ и протестахъ жизни, то не участвовала и въ ея торжествахъ. Вотъ почему и „замаранность“ была въ то время явленіемъ исключительнымъ, ибо гдѣ же и какъ могла „замараться“ царевна, дремлющая въ волшебныхъ чертогахъ?“ Она пыталась временами выглянуть изъ своего очарованнаго замка, выйдти изъ сферы возбужденія благородныхъ чувствъ вообще, но тотчасъ же получала щелчокъ и вновь удалялась въ волшебные чертоги. А когда выходъ въ жизнь былъ ей наконецъ предоставленъ, она, замученная и заподозрѣнная, столкнулась съ хлынувшей въ литературу „улицей“, и перевѣсъ оказался не на ея сторонѣ. Литература въ наше время повидимому чрезвычайно оживлена, но въ сущности это вовсе не литература, „это только шумъ и гвалтъ взбудораженной улицы, это нестройный хоръ обострившихся вождѣлій, въ которомъ главная нота, по какому-то горькому фатализму, принадлежитъ подозрительности, сыску и безшабашному озлобленію“. „Дѣло въ томъ, что вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, улица

представляет собой только матеріалъ для литературы, а у насъ напротивъ она господствуетъ надъ литературой. Во всѣхъ видахъ господствуетъ: и въ видѣ частной инициативы, частнаго насилія, и въ видѣ непререкаемо-возбранающей силы“.

Въ „Пестрыхъ письмахъ“ отмѣтчикъ и корреспондентъ, а также трактирный завсегдатай Подхалимовъ, рассказывая автору о позорныхъ нравахъ, господствующихъ въ его газетѣ, нахально замѣчаетъ: „Печать-то вѣдь сила? Такъ ли, отче?“ Эти слова поражаютъ автора. Онъ вспоминаетъ, что гдѣ-то, когда-то онъ слыхалъ эти самыя слова, но не въ этой обстановкѣ и не изъ устъ Подхалимова. Да, онъ слыхалъ эти слова, вѣрилъ въ нихъ, гордился ихъ смысломъ, но „никогда, никогда, даже въ самые черные дни не могъ себѣ представить, чтобы сила печати могла осуществиться въ тѣхъ поразительныхъ формахъ, въ какихъ узналъ ее здѣсь, въ эту минуту! Какимъ образомъ это случилось? Какое злое волшебство передало эту силу въ руки Подхалимовыхъ?“ Размышляя о причинахъ этого зловолшебнаго явленія, Салтыковъ приходитъ къ такому заключенію. Въ ту достопамятную пору, когда литературѣ были не то чтобы уже настезь отворены, но все-таки пріотворены двери въ практическую жизнь, разныя литературныя направленія оказались слишкомъ несходными, чтобы придти къ какому-нибудь соглашенію. Это и понятно, пока рѣчь идетъ о соглашеніи по существу. „Но дѣло въ томъ, что въ пылу споровъ по существу утрачено было изъ виду, что печать и сама-по-себѣ, въ качествѣ общественной силы, требуетъ огражденія, для всѣхъ мнѣній и партій одинаково обязательнаго“. Соглашенія по этому пункту не состоялось, общаго литературнаго дѣла не оказалось. Мало того: „въ самомъ непродолжительномъ времени состоялись вѣроломства, предательства, отступничества, въ сопровожденіи цѣлой свиты легкомыслій, свидѣтельствовавшихъ о полномъ отсутствіи дисциплины“. Слова „печать“, „литература“ утратили всякій объединяющій смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно должно было пасть и общественное значеніе литературы.

Итакъ, та единственная точка, которая освѣщала и грѣла Салтыкова съ измалѣтства и до сѣдыхъ волосъ и до могилы,

оказалась безсильною, поруганною. Онъ никогда не терялъ увѣренности, что это пройдетъ, какъ сонъ, какъ тяжелый кошмаръ, и свѣтящая точка разгорится и все освѣтитъ и согрѣетъ. Но дѣйствительность все-таки обдавала его ужасомъ и отвращеніемъ. Чтобы оцѣнить всю глубину этого ужаса и этого отвращенія, надо помнить, что мы имѣемъ дѣло съ человекомъ, совершенно исключительно преданнымъ литературѣ, для котораго въ ней вся жизнь сосредоточивалась. И въ довершеніе ужаса литература, въ томъ высокомъ смыслѣ, какъ ее понималъ Салтыковъ, гибла, благодаря, въ значительной степени, собственнымъ своимъ порожденіямъ. Это было какъ бы матереубійство. Въ самомъ храмѣ литературы, въ которомъ такъ благоговѣнно молился Салтыковъ и чистоту котораго онъ такъ оберегалъ, раздавались дикіе окрики: „мошенники пера, разбойники печати!“ Салтыковъ справедливо говорилъ, что если эти, въ сущности совершенно бессмысленныя, но вполне постыдныя слова появились въ литературѣ, такъ значитъ и подлинно въ ней завелись мошенники пера и разбойники печати. Дѣйствительно, кто, кромѣ таковыхъ, осмѣлится сказать эти слова, клеймя ими не шантажъ, не пасквиль, не клевету, а „образъ мыслей“?

Объ этихъ измѣнникахъ общему литературному дѣлу Салтыковъ говорилъ часто, но говорилъ, какъ публицистъ, и ни разу не возсоздалъ эту позорную фигуру, какъ художникъ, что охотно дѣлалъ съ другими литературными типами. Онъ точно боялся, что у него не хватитъ красокъ для художественнаго воплощенія объекта его особеннаго, преимущественнаго негодованія. Слишкомъ это негодованіе было сильно, и охваченный имъ художникъ не могъ обьективировать волновавшее его явленіе во всей его жизненной цѣльности. Но онъ подходилъ къ этой задачѣ. Такова удивительная сказка „Христова ночь“, въ которой воскресшій Богъ благословляетъ всю природу, благословляетъ людей, пострадавшихъ отъ неправды, указываетъ путь спасенія всѣмъ творящимъ неправду, — всѣмъ, кромѣ предателя-Іуды...

Если, однако, Салтыковъ скорбѣлъ объ отсутствіи или распаденіи общаго литературнаго дѣла, такъ изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ исключалъ изъ своихъ симпатій только из-

мѣнниковъ общему дѣлу печати. Еслибы эти измѣнники не были измѣнниками, т.-е. не прибѣгали бы къ пріемамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ литературной полемикой, они были бы въ глазахъ Салтыкова все-таки врагами. И не одни они. Напрасно стараются увѣрить, что Салтыковъ стоялъ внѣ партій. Его великій талантъ поднималъ его надъ всѣми нашими партіями, но умомъ и сердцемъ онъ принадлежалъ вполне, детально опредѣленному направленію. Утверждать противное значитъ забывать не только такіе частные факты, какъ полемика Салтыкова со „Старѣйшей Всероссійской Пѣнокоснимательницей“, но и тотъ общій фактъ, что онъ былъ редакторомъ журнала съ совершенно опредѣленной фізіономіей. Мнѣ кажется, что съ точки зрѣнія самого покойника нельзя нанести его тѣни большаго оскорбленія, какъ это забвеніе его редакторской дѣятельности. Онъ очень дорожилъ ею. Я помню то глубокое огорченіе, которое причинило ему закрытіе *Отечественныхъ Записокъ*. Огорченъ онъ былъ не только фактомъ закрытія, который обрывалъ его любимую дѣятельность и заставлялъ его идти писать, какъ онъ выражался, „въ чужое мѣсто“; онъ огорчался и формой, въ которую былъ облеченъ прискорбный фактъ, — формой, до известной степени какъ бы выдѣлявшей лично редактора изъ общей бѣды журнала. Говорятъ, будто онъ часто расходился со „своими“. Не правда, съ своимъ журналомъ онъ никогда не расходился. Но онъ держался того мнѣнія, что „довольно странно представить себѣ Бѣлинскаго, отъ времени до времени понюхивающаго съ Булгаринымъ табачокъ“ („Похороны“). Многіе изъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы нынѣ посчитаться съ великимъ покойникомъ хоть „свойствомъ“, если не родствомъ, получали отъ него въ свое время хорошіе щелчки; но онъ ихъ никогда и не считалъ „своими“.

Безъ сомнѣнія, условія русской печати не особенно благопріятствуютъ образованію опредѣленныхъ литературныхъ партій и направленій. Салтыковъ понималъ это и скорбѣлъ, что вполне соотвѣтствуетъ его требованію, чтобы въ литературѣ отражались всѣ оттѣнки жизни. Въ „Мелочахъ жизни“ онъ сопоставляетъ европейское газетное дѣло съ русскимъ. Въ Европѣ дѣло поставлено такъ: „правильна или

неправильна идея, полезно или вредно направлѣніе, которому служить данная газета, это вопросъ особый; но несомнѣнно, что и идея, и направлѣніе существуютъ, что они высказываются въ каждой строкѣ журнала, не смѣшиваясь ни съ какими другими идеями и направлѣніями. Издатель знаетъ, что онъ издаетъ; подписчикъ знаетъ, на что онъ подписывается“. У насъ, конечно, должно бы было быть то же самое, потому что это нормальный порядокъ. Но, по обстоятельствамъ, наши газеты распредѣляются только по двумъ категоріямъ: ликующихъ и трепещущихъ. „Содержаніе для первыхъ представляетъ веселая диффамация и всѣхъ сортовъ балагурство, иногда впрочемъ замѣняемая благонамѣреннымъ бѣшенствомъ; содержаніемъ для послѣднихъ служить агонизирующая тоска въ виду завтрашняго дня и ежедневная разработка шкурнаго вопроса“. Затѣмъ рисуются соотвѣтственные типы газетчиковъ: Иванъ Непомнящій и Ахбѣдный. Въ концѣ концовъ оба они равно погрязаютъ въ „мелочахъ жизни“. Но Непомнящій погрязаетъ съ веселіемъ, потому что за душой у него нѣтъ никакой идеи, никакого направлѣнія, — онъ просто кувыркается и самъ не знаетъ откуда и зачѣмъ онъ появился на аренѣ газетной дѣятельности; за-то онъ знаетъ, что прочно приладился къ даннымъ условіямъ и что ничто не грозитъ ему ни завтра, ни послѣ завтра. Ахбѣдный, напротивъ, очень хорошо знаетъ, зачѣмъ онъ явился въ литературу, но вынужденъ ежедневно дрожать надъ вопросомъ: „пройдетъ или не пройдетъ?“

„Русскій читатель, защити!“ — вырывается у Салтыкова въ рассказѣ „Похороны“. А въ „Мелочахъ жизни“ онъ дѣлаетъ маленькій смотръ русскимъ читателямъ. Есть „читатель-ненавистникъ“, есть „солидный читатель“, есть „читатель-простецъ“. На всѣхъ на нихъ плоха надежда. Есть, наконецъ, „читатель-другъ“. Есть онъ, Салтыковъ въ этомъ не сомнѣвается, но этотъ читатель заробѣлъ, затерялся въ толпѣ, и между нимъ и писателемъ нѣтъ постоянного непосредственнаго общенія. Временами общеніе становится возможнымъ. „Такія минуты, — говоритъ сатирикъ, — самыя счастливыя, которыя испытываетъ убѣжденный писатель на трудномъ пути своемъ“. Но „покуда мнѣнія читателя-друга не будутъ при-

ниматься въ расчетъ на вѣсахъ общественнаго сознанія съ тою же обязательностью, какъ и мнѣнія прочихъ читательскихъ категорій, до тѣхъ поръ вопросъ объ удрученномъ положеніи убѣжденнаго писателя останется открытымъ“.

У Салтыкова было много читателей-друзей. Пускай же они памятують, какъ любовно относился къ нимъ суровый сатирикъ, какъ размягчалось его сердце при мысли о нихъ. Въ союзѣ убѣжденнаго писателя съ читателемъ-другомъ онъ видѣлъ залогъ торжества литературы, — конечно, не той литературы, которая въ своемъ злобномъ предательствѣ или безпутномъ скоморошествѣ уподобляется нечистоплотному и неразумному животному басни, подрывавшему корни дуба, лишь бы сейчасъ наглотаться желудей. Животное это достигаетъ своей цѣли, — наѣдается желудями, но вмѣстѣ съ тѣмъ печатное слово лишается того уваженія и вліянія, которыя ему приличествуютъ.

Да возродится же, хоть въ память Салтыкова, союзъ убѣжденныхъ писателей съ читателями-друзьями...

II.

Вѣра въ будущее.

Когда на могилѣ Салтыкова пѣли „вѣчную память“, то многимъ вѣроятно приходило въ голову, что вотъ въ данномъ случаѣ это слово не минется, что это не просто составная часть обряда, для всѣхъ покойниковъ одинаковаго, а точная формула подлиннаго и несомнѣннаго факта. Ничто не вѣчно подъ луною, преидеть и сама земля и солнце когда-нибудь погаснетъ, а потому говорить о чьей бы то ни было вѣчной памяти мы можемъ только въ условномъ смыслѣ. Но достоверно, что пока не перестанетъ звучать русская рѣчь, Салтыковъ не забудется. А до этого во всякомъ случаѣ такъ далеко, такъ далеко, что мы въ своей человѣческой ограниченности смѣло можемъ называть это вѣчною памятью. Не даромъ Салтыковъ, будучи литераторомъ до мозга костей, находилъ, какъ мы видѣли, что ничто такъ не соприкасается съ идеей о вѣчности, какъ представленіе о литературѣ. Не

даромъ онъ постоянно думалъ о будущемъ и о судѣ потомства.

Мнѣ кажется, что можетъ быть установлено извѣстное соотвѣтствіе, извѣстная пропорціональность между тою долею вниманія, которую человѣкъ удѣляетъ будущему, и тою долею вниманія, которою его въ свою очередь отдариваетъ будущее, между его заботами о потомствѣ и степенью его долговѣчности въ памяти потомства. Въ этой пропорціональности нѣтъ ничего мистическаго. Она объясняется очень просто. Человѣкъ, не заглядывающій въ будущее дальше завтрашняго дня, развѣ только случайно и въ видѣ исключенія, подѣвліаніемъ какого-нибудь аффекта, совершитъ нѣчто такое, что могло бы увѣковѣчить его имя. Вообще же говоря, ему нѣтъ резона строить вѣковѣчное зданіе, и натурально, что, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, онъ на слѣдующій же послѣ смерти день забывается. Такой человѣкъ фатально обреченъ на пустяки, не имѣющіе никакой цѣны въ глазахъ слѣдующихъ поколѣній. Всегда жертвуя будущимъ для настоящей минуты, онъ можетъ, конечно, провести эту минуту очень пріятно, — хорошо поѣсть и попить, вывернуться, не разбирая средствъ, изъ труднаго положенія, достигнуть степеней извѣстныхъ и т. д.; но слѣдующая же минута можетъ въ прахъ разнести этотъ пріятный карточный домикъ и посрамить его строителя, а послѣ смерти ничего, кромѣ праха, отъ него не останется. Можетъ быть, конечно, причина и слѣдствіе должны въ этомъ случаѣ помѣняться мѣстами. Можетъ быть человѣкъ минуты именно потому и не заглядываетъ въ сколько-нибудь отдаленное будущее, что не способенъ создать что-нибудь вѣковѣчное, — но извѣстная пропорціональность здѣсь все-таки есть. Есть она и въ противоположномъ случаѣ, когда человѣкъ упорно, пристально вглядывается въ будущее, болѣетъ или радуется за него, видитъ въ немъ и наслѣдника, и судью настоящей минуты. Будущее, безконечно большее, чѣмъ та точка настоящаго, въ которой онъ находится, естественно налагаетъ на него высокія и трудныя обязательства и фатально побуждаетъ къ дѣятельности, которой предстоить „вѣчная память“. Опять-таки можетъ быть и здѣсь надо переставить слѣдствіе на

мѣсто причины и обратно: можетъ быть только тѣ и способны заглядывать въ болѣе или менѣе отдаленное будущее, кому отпущены силы совершать великія, вѣковѣчныя дѣла. Такъ ли, сякъ ли, но большой человѣкъ не довольствуется настоящимъ,—ему тѣсно въ немъ, его тянетъ къ будущему, и онъ достигаетъ вѣчной памяти. Онъ человѣкъ вѣчности.

Мнѣ скажутъ: а Тамерланы съ Атиллами? А Нероны съ Калигулами и разные другіе изверги человѣчества? Да, этимъ гарантирована вѣчная память, и пройдутъ еще и еще вѣка, а имена ихъ не померкнутъ въ потомствѣ, хотя они, по всей вѣроятности, не особенно обезпокоивали себя мыслями о будущемъ. Но, во-первыхъ, для такого оборота дѣла нужно огромное, изъ ряда вонъ выходящее злодѣйство, а во-вторыхъ, и эти, а иногда и не столь крупные злодѣи, хотя и поступаютъ въ вѣдѣніе исторіи, но съ минусомъ, заклеянные знакомъ отрицанія. И если человѣку минуты совершенно наплевать на судъ потомства и исторіи, то человѣкъ вѣчности съ трудомъ можетъ представить себѣ что-нибудь ужаснѣе налагаемаго исторіей клейма отверженія. Человѣкъ вѣчности и въ настоящемъ живетъ не только этимъ настоящимъ, а также и грядущими событіями, и послѣ смерти живетъ своимъ наслѣдствомъ въ средѣ оставшихся жить. Самособою разумѣется, что между человѣкомъ вѣчности и человекомъ минуты есть множество переходныхъ ступеней, сообразно которымъ длится всѣмъ воспѣваемая, но не всѣми получаемая „вѣчная память“. Тамерланы же и Калигулы остаются въ памяти потомства лишь въ качествѣ чудищъ, ничего не внесшихъ въ общее дѣло человѣчества, никакихъ положительныхъ слѣдовъ на землѣ не оставившихъ.

Однажды, по нѣкоторому особенному случаю, мы разговорились съ Салтыковымъ о картинѣ Каульбаха „Каталаунская битва“ или „Сраженіе съ гуннами“, — не помню, какъ она называется. На этой картинѣ, внизу, на землѣ, гунны дерутся съ римлянами и ихъ союзниками, а вверху, на небѣ, души погибшихъ въ сраженіи продолжаютъ яростную битву. Салтыкову очень нравилась эта мысль о загробномъ продолженіи земной битвы. Въ немъ, въ его личности, эта мысль получила свое осуществленіе: онъ умеръ, но живетъ и про-

должаетъ свою битву жизни; мнѣ кажется, именно потому, что онъ при жизни много жилъ будущимъ. Онъ много думалъ о потомствѣ и потомство отдариваетъ его вѣчной памятью.

Въ самомъ дѣлѣ, я не знаю писателя, котораго мысль о будущемъ, какъ о наслѣдникѣ и судьбѣ настоящаго, посѣщала бы такъ часто, какъ Щедрина. И это удивительно хорошо дополняетъ и поясняетъ его мысль о родственности литературы съ вѣчностью. Хотѣлъ ли онъ показать ничтожество какого-нибудь безпардоннаго писаки въ родѣ Ивана Непомнящаго или Подхалимова, — онъ говорилъ: этотъ человѣкъ не понимаетъ, что *scripta manent* (одно изъ любимѣйшихъ изреченій Салтыкова), да его *scripta* и въ самомъ дѣлѣ сгинутъ („Газетчикъ“). Вспоминались ли ему наиболѣе прославившіеся гонители свѣта и правды, онъ писалъ: „Пронеслись они безплоднымъ, изсушающимъ вѣтромъ по лицу земли; разоряли, преслѣдовали по пятамъ, душили и, наконецъ, сами задохлись въ судорогахъ снѣдавшей ихъ угрюмости. И даже могилы ихъ стоятъ забытыми, потому что всякій спѣшитъ скорѣй пройти мимо, чтобы не вспоминать кошмара, который неразлученъ съ памятью объ нихъ“ („Круглый годъ“). Заходитъ ли рѣчь о Балалайкинѣ, Глумовѣ, *alter ego* Щедрина, говоритъ: „Балалайкинъ—имя рекъ — не попадетъ въ исторію. Съ него достаточно и того, что онъ гдѣ-нибудь въ концѣ тома, въ ученыхъ примѣчаніяхъ фигурировать будетъ. Но Балалайкины вообще, Балайкины, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси!—тѣ краеугольный камень составятъ. А отъ нихъ пойдеть мораль и на заманиловцевъ, проплѣванцевъ, погорѣлковцевъ. Потому что, кто же виновать, что о нихъ никакихъ свидѣтельствъ нѣтъ, кромѣ ревизскихъ сказокъ? Вотъ и скажетъ историкъ: на основаніи такихъ-то и такихъ-то данныхъ я имѣю право заключить, что сія эпоха была эпохой распутства всеобщаго!“ („Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „На досугѣ“). Ренегату Салтыковъ обѣщаетъ совсѣмъ особаго рода памятникъ, но все-таки памятникъ, въ загробное воздаяніе ему и въ поученіе потомству. Онъ думаетъ, что, вообще говоря, хотя ренегатовъ слегка и балуютъ, но внутренно все-таки презираютъ. „Ренегать, прочно утвердив-

пійся на высотѣ, — рѣдкость; но и такому обыкновенно по смерти втыкають въ могилу осиновый колъ“ („Письма къ тетенькѣ“). Въ другомъ мѣстѣ сатирикъ говоритъ „о тѣхъ архи-ябедникахъ, которые, при посредствѣ печатнаго станка, всю Россію опутали своею подкупною кляузою и на могилу которыхъ потомство, вмѣсто монумента, уготовааетъ осиновый колъ“ („Пошехонскіе рассказы“). Іудѣ-Искаріоту онъ придумываетъ страшную казнь. Воскресшій Іисусъ обрекаетъ предателя на вѣчную мучительную жизнь передъ глазами безчисленныхъ поколѣній: „Живи, проклятый, и будь для грядущихъ поколѣній свидѣтельствомъ той безконечной казни, которая ожидаетъ предательство“ („Христова ночь“).

Вездѣ — мысль о загробномъ судѣ, о судѣ грядущихъ поколѣній. Полное немедленное забвеніе и безсмертное клеймо позора, — вотъ крайности того уложенія о наказаніяхъ, которымъ руководствуется исторія. Салтыковъ утверждалъ, что нужно быть или совсѣмъ безумнымъ, или совсѣмъ безсовѣстнымъ, чтобы не понимать, что попасть въ исторію съ нехорошимъ прозвищемъ — вещь далеко не лестная“. („Въ средѣ умѣренности“, „Господа Молчалины“). Но такихъ совсѣмъ безумныхъ или совсѣмъ безсовѣстныхъ во всякомъ случаѣ очень много на бѣломъ свѣтѣ, — хотъ прудъ пруди... Мысль о будущемъ есть привилегія избранныхъ, привилегія, конечно, драгоцѣнная, такъ какъ она раздвигаетъ естественные предѣлы личной жизни въ сторону грядущихъ вѣковъ, но и настолько тягостная, что ее могутъ вмѣститъ лишь сильные и чистые. Не только не бояться суда потомства, но искать его, тяготѣть къ нему, — это доступно лишь тѣмъ, кому въ самомъ дѣлѣ нечего бояться и чью память потомство благодарно хранить. Многіе, слишкомъ многіе, согласны совсѣмъ не попасть въ исторію ни съ хорошимъ, ни съ дурнымъ прозвищемъ и пройти свое земное поприще изо-дня-въ-день, лишь бы были удовлетворены ихъ маленькія эфемерныя вожделѣнія, ихъ маленькія тщеславія, маленькія злости. Ихъ не испугаешь ни клеймомъ исторіи, ни тѣмъ, что они совсѣмъ не будутъ жить въ потомствѣ. А между тѣмъ у Салтыкова можно встрѣтить даже такое опредѣленіе: „жить, *то-есть* оградить будущее идущихъ за нами поколѣній“ („Письма къ тетенькѣ“). Это

уже слишкомъ, конечно. Это опредѣленіе просто сорвалось у сатирика и самъ онъ отлично понималъ, что всякій имѣетъ право жить за свой личный счетъ, хотя бы уже по тому элементарному соображенію, что если поколѣніе за поколѣніемъ будетъ все жить только для слѣдующаго поколѣнія, такъ никто и никогда жить не будетъ. Но, даже оставляя въ сторонѣ этотъ случайный *lapsus*, хотя и находящійся въ тѣсной связи съ мыслью, постоянно занимавшею Щедрина, можетъ показаться наивною его угроза разнымъ проходимцамъ и негодьямъ: смотрите, молъ, коли такъ будете продолжать, такъ не попадете въ исторію, или же потомство отмѣтитъ васъ клеймомъ отверженія! — Эка бѣда, нашелъ чѣмъ пугать! — могли бы отвѣтить негодяи и просто люди минуты, — вѣдь насъ не будетъ! — Дѣйствительно, ихъ не будетъ, а широкіе горизонты общечеловѣческой солидарности на всемъ протяжении исторіи имъ совершенно чужды, абракадабра какая-то. И поистинѣ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ были бы въ этой средѣ угрозы историческимъ забвеніемъ или исторической карой.

Но Салтыковъ нашелъ, какъ ему по крайней мѣрѣ казалось, Ахиллесову пяту и у людей минуты, даже у негодяевъ и проходимцевъ. Онъ указалъ имъ страшную кару въ потомствѣ, но не за гробомъ, а при жизни—въ дѣтяхъ.

„Я увѣренъ,—говоритъ Щедринъ,—что еслибы Шешковскій могъ предвидѣть, что на страницахъ „Русской Старины“ будутъ время отъ времени появляться анекдоты о его подвигахъ, то онъ отъ многаго воздержался бы... Имѣй Шешковскій хоть смутное представленіе о силѣ историческихъ обличеній, онъ сказалъ бы себѣ: „Чортъ возьми! у меня есть сынъ, у меня могутъ быть внуки и правнуки — каково имъ будетъ читать въ „Русской Старинѣ“ рассказы о „малороссійскомъ борщѣ“ (деликатная замѣна слова „розги“), или объ особой конструкціи кресла, въ которое я для пользы службы (то есть для наказанія на тѣлѣ) имѣю обыкновеніе сажать своихъ пациентовъ! Вѣдь я думалъ, что все это останется шито и крыто, и вдругъ... Нѣтъ, лучше практику эту оставить!“ („Господа Молчалины“).

Это все-таки еще пока указаніе на трудно воспринимаемую историческую перспективу, но уже выступаютъ на сцену дѣти, собственные дѣти злодѣйствующаго Шешковского, а не только туманная масса потомства вообще. Въ тѣхъ же „Господахъ Молчалиныхъ“ дѣло подвигается впередъ. Рѣчь идетъ

объ очень обыкновенномъ въ нашей жизни „двоегласіи“: человекъ устраивается такъ, что его личная жизнь и его профессія не только не имѣютъ между собою ничего общаго, но во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ расходятся, а между тѣмъ объ эти струи текутъ-себѣ въ душѣ человека параллельно, не нарушая своимъ двоегласіемъ его спокойствія. Иллюстрація къ этому приводится такая. Жила-была танцовщица, известная танцовщица, женщина уже пожилая, вполне добродѣтельная и отличная мать семейства. Совершивъ весь дневной кругъ заботъ о дѣтяхъ, она отправлялась вечеромъ въ театръ и тамъ, какъ ей надлежало по ея профессіи, „всемерно показывала свои атуры“. Дѣти ничего этого не подозревали, — въ театръ ихъ не пускали. Но вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ сынъ танцовщицы, гимназистъ, соблазнился запретнымъ плодомъ и тайкомъ отправился въ театръ и видитъ: „Какая-то роскошная женщина, впереди всѣхъ, на самомъ юру, покрытая вмѣсто платья прозрачной тряпочкой, совсѣмъ, совсѣмъ нагая, стоитъ на одной ногѣ, а другою, протянутою до уровня плеча, медленно-медленно выдѣлываетъ кругъ. Затѣмъ, вглядываясь въ эту женщину пристально, онъ узналъ въ ней свою мать...“ — Разсказъ обрывается этимъ многоточіемъ, авторъ не сообщаетъ, что воспослѣдовало за неожиданнымъ открытіемъ гимназиста. Это только цвѣточки драмы, ягодки — впереди.

Профессія господина Молчалина въ точности неизвѣстна; авторъ говоритъ только, что ему, автору (отнюдь не самому Молчалину), она несимпатична. Нѣкоторый намекъ на ея характеръ даетъ слѣдующая, поразительная по силѣ кисти, сцена:

„Я видѣлъ однажды Молчалина, который, возвратившись домой съ обогранными безсознательнымъ преступленіемъ руками, преспокойно принялся этими самыми руками разрѣзывать пирогъ съ капустой.“

— Алексѣй Степановичъ! — воскликнулъ я въ ужасѣ, — вспомните, вѣдь у васъ руки...

— Я вымылъ-съ, — отвѣтилъ онъ мнѣ совсѣмъ просто, доканчивая разрѣзывать пирогъ“.

Окровавленные руки не мѣшаютъ Молчалину не только пирогъ съ капустой разрѣзать; онѣ не мѣшаютъ ему также быть истинно добродушнымъ человекомъ, прекраснымъ семья-

ниномъ и въ частности нѣжно любящимъ отцомъ. Такова сила двоегласія и жизни изо-дня-въ-день, безъ заглядыванія въ будущее. Дѣтей у Молчалина много, и онъ счастливъ ими. Но долго-ли это счастье останется нерушимымъ? Уже появляются признаки какой-то таинственной грозы. Старшій сынъ, студентъ-медикъ, и старшая дочь выражаютъ подчасъ мысли, рѣзко бьющія Молчалина по уху, и въ свою очередь нетерпимо относятся къ нѣкоторымъ мнѣніямъ отца. Онъ и дѣти уже какъ будто перестаютъ понимать другъ друга, какая-то рознь между ними легла. А что будетъ дальше? Самъ Молчалинъ начинаетъ задумываться: „А ну, какъ Павель-то Алексѣичъ мой какъ ни-на-есть не доглядитъ за собой?“, то есть пойдетъ не по проторенной молчалинской дорожкѣ и, что называется, „попадется“? Авторъ смотритъ дальше отца и провидитъ не только то горе, которое молодой Молчалинъ нанесетъ старику Молчалину, если „не доглядитъ за собой“. Онъ спрашиваетъ себя. „Какъ отнесутся Молчалины-дѣти къ дѣятельности Молчалиныхъ-отцовъ? Отвернутся ли отъ нея съ суровою неумолимостью безповоротнаго убѣжденія, или же, болѣе мягкосердечные, подарятъ ей смягчающія обстоятельства... только смягчающія обстоятельства? Въ томъ и другомъ случаѣ развѣ это не казнь?“ Салтыковъ думаетъ, что „тутъ, именно тутъ и таится зерно той заправской русской драмы, которой доднесь никакъ не могла выродить изъ себя русская жизнь. Итакъ, настоящая, захватывающая духъ драма найдена... Но кто же воспроизведетъ ее и когда?“

Щедринъ самъ попытался воспроизвести эту драму въ превосходномъ разсказѣ „Больное мѣсто“. Только попытался, только приподнялъ одинъ уголъ занавѣси, за которою сама жизнь уже давно и актеровъ размѣстила, и неоднократно репетиціи имъ дѣлала. Виною такой воздержности Салтыкова былъ, конечно, не недостатокъ желанія съ его стороны, а прежде всего щекотливость самой темы. Щекотливость разносторонняя. И такъ какъ обработка темы, во всей ея обширности, оказывалась неудобною, то съ тѣмъ малымъ, что онъ рѣшился эксплуатировать, Салтыковъ поступилъ съ особенною обдуманностью. Герой „Больнаго мѣста“ Разумовъ есть, собственно говоря, тотъ же Молчалинъ, такимъ же упорнымъ

трудомъ и смиреніемъ пробившійся на нѣкоторую высоту административной лѣстницы, съ такими же окровавленными безсознательнымъ преступленіемъ руками, и въ то же время лично добродушный, прекрасный семьянинъ и въ особенности любящій отецъ. Служилъ Разумовъ всегда „по сущей совѣсти“ и можетъ говорить о себѣ: „мухи не обидѣлъ!“ Тѣмъ не менѣе ему приходилось совершать дѣла столь жестока, что однажды одна обездоленная мать крикнула ему на улицѣ: „сатана! сатана! сатана!“ Разумовъ былъ оскорбленъ, но не мстилъ матери, потому что понималъ материнскія чувства. Есть у него сынъ Степа, единственный и тѣмъ болѣе дорогой. Старику Разумову пришлось выйти въ отставку и поселиться въ провинціи, а сынъ остался въ Петербургѣ доканчивать свое образованіе. Онъ пріѣзжалъ къ родителямъ только на лѣтнія каникулы, сперва гимназистомъ, а потомъ студентомъ. Сынъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ утѣшеніемъ родителей: учился хорошо, сердце имѣлъ нѣжное, отца и мать любилъ не менѣе, чѣмъ они его. Все превосходно, всѣ элементы семейнаго счастья на-лицо. Но, какъ и въ исторіи Молчалина, понемногу скапливаются грозовыя тучи, подбирается на сѣдую голову Разумова кара за безсознательно совершенныя злодѣянія. Сначала пробѣгаетъ какое-то отчужденіе, — Степа охотнѣе проводитъ время съ своей молодой родственницей Аннушкой, чѣмъ со стариками-родителями. Замѣчаетъ старикъ, что Степа начинаетъ держаться такого образа мыслей, который не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что имъ, старикомъ, руководило всю жизнь. Дальше — больше. Однажды Разумовъ, въ присутствіи Степы и Аннушки, разговаривалъ на тему служебныхъ воспоминаній: какъ трудно было ладить съ начальствомъ, какъ именно онъ, а не кто другой, провелъ такое-то и такое-то мѣропріятіе. Должно быть эти мѣропріятія были изъ тѣхъ, о которыя кровавятся руки Молчалиныхъ и Разумовыхъ, потому что среди разсказовъ старика вдругъ съ шумомъ отодвинулись отъ стола два стула: „Это были стулья, на которыхъ сидѣли Степа и Аннушка. Оба разомъ молча встали и направились въ другую комнату“. Старикъ понялъ въ чемъ дѣло и потребовалъ объясненія. Сынъ сначала говоритъ, что онъ, на мѣстѣ отца,

не вспоминалъ бы „этого“, то есть того прошлого, за которое, между прочимъ, обездоленная мать обругала его сатаной. Но затѣмъ молодой человѣкъ, нѣжный и любящій, просить только о прекращеніи разговора и общается никогда больше ничѣмъ не выражать своихъ чувствъ и мыслей на этотъ счетъ. Старикъ однако все понималъ. „Онъ думалъ, что сынъ утѣха, а вышло, что онъ—просіаніе“; просіаніе и казнь. Загрустилъ старикъ, перебирая все свое прошлое, а будущее готовило ему новый, послѣдній сюрпризъ. Невдолгъ пришло отъ сына изъ Петербурга письмо, въ которомъ сынъ прощался съ отцомъ: онъ рѣшился на самоубійство. Мотивировалъ онъ свой поступокъ такъ: „Есть вещи, которыя заставляютъ меня глубоко страдать и о которыхъ говорятъ при мнѣ, ни мало не стѣсняясь. Иные съ похвалою, другіе—болѣе нежели съ порицаніемъ. И то и другое несносно. Когда я оскорбляюсь, то мнѣ возражаютъ, что это до меня не касается и что стоитъ только „совсѣмъ порвать“, чтобы относиться къ этого рода вещамъ съ такою же объективностью, съ какою относятся къ нимъ и другіе. Но я не могу, я слишкомъ слабъ, слишкомъ люблю“ и т. д. Юноша слишкомъ любитъ отца, чтобы совсѣмъ отвернуться отъ него, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ оскорбленъ всякимъ напоминаніемъ о позорномъ прошломъ этого отца—и умираетъ...

О талантѣ Салтыкова, объ его размѣрахъ и свойствахъ у насъ рѣчь еще впереди будетъ, и потому я не останавливаюсь на художественныхъ красотахъ „Больнаго мѣста“,—одного изъ лучшихъ произведеній Щедрина. Мой сухой пересказъ его фабулы не можетъ, конечно, дать никакого понятія объ этой небольшой вещи, какъ о художественномъ произведеніи. Я хотѣлъ только обратить вниманіе читателя на ту обстановку, въ которую авторъ вдвинулъ одну изъ своихъ излюбленнѣйшихъ мыслей. Старикъ Разумовъ вовсе не злодѣй самъ по себѣ; онъ только человѣкъ минуты, исполняющій „по сущей совѣсти“ то, что считаетъ своимъ долгомъ, и не вглядывающійся въ мрачныя глубины этого долга. Степа опять же не какой-нибудь заносчивый молодой человѣкъ, склонный смотрѣть сверху внизъ на отца: это не Базаровъ, грубо пренебрежительно третирующій своихъ стириковъ, и не молодой

Кирсановъ, покровительственно подсовывающій отцу *Stoff und Kraft* Бюхнера вмѣсто Пушкина, это — нѣжная, скромная, любящая, преданная душа. И все-таки грозный судъ потомства тяжелой карой обрушился на сѣдую голову Разумова...

Съ „безшабашнымъ совѣтникомъ“ Удавомъ случилось нѣчто подобное: „У Удава было три сына. Одинъ сынъ пропалъ, другой — попался, третій остался цѣль и выражается о братьяхъ: такъ имъ, подлецамъ, и надо! Удавъ предполагалъ, что подъ старость у него будутъ три утѣшенія, а на повѣрку вышло одно. Да и относительно этого послѣдняго утѣшенія онъ начинаетъ задумываться, подлинно ли оно утѣшеніе, а не египетская казнь“ („Письма къ тетенькѣ“). Эту исторію Салтыковъ рассказываетъ вкратцѣ, бѣгло, ничѣмъ не прикрывая и не украшая ея голый фактическій остовъ. То ли ему показалась недостаточно интересной казнь такого совсѣмъ уже отпѣтаго человѣка, какъ безшабашный совѣтникъ Удавъ; то ли онъ усомнился въ самомъ фактѣ казни, — можетъ быть вѣдь съ Удава все это какъ съ гуся вода скатывается? Можетъ быть онъ, подобно своему „послѣднему утѣшенію“, готовъ сказать: такъ имъ, подлецамъ, и надо! Хотя авторъ и выражаетъ надежду, что „Удавъ — авторитетъ въ своей сферѣ, а потому очень возможно, что и другой, на него глядя, задумается“, но это еще вилами на водѣ писано. Изъ многихъ семейныхъ исторій, рассказанныхъ Салтыковымъ, припомнимъ хотъ „Непочтительнаго Короната“ („Благонамѣренныя рѣчи“). Можно ли ожидать, чтобы кузина Машенька, предназначившая Коронату, какъ она выражается, „юридическую часть“ и затѣмъ рѣшительно отказывающаяся отъ него, когда онъ избираетъ себѣ медицинскую часть, — можно ли ожидать, чтобы эта милая дама пережила при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ скорби, подобныя скорбямъ старика Разумова? Конечно, нѣтъ. Кузина Машенька прочно устроилась въ своей твердынѣ благонамѣренныхъ рѣчей: „какъ христіанка и мать, я не могу позволить“, „у меня есть правила“ и проч. И если, въ случаѣ какой-либо бѣды съ Коронатомъ, она не скажетъ: такъ ему, подлецу, и надо! — то только потому, что она вообще такихъ грубыхъ словъ не говоритъ. А когда Коронатъ узнаетъ, что за ея благонамѣ-

ренными рѣчами скрывается кулацко-кабацкая дѣйствительность, такъ она и ухомъ не поведетъ. Да Коронатъ по всей вѣроятности очень хорошо знаетъ, но это его вовсе не трогаетъ. Словомъ, здѣсь нѣтъ элементовъ драмы, которую Салтыковъ называетъ заправской русской драмой. Весьма возможно, что этихъ элементовъ не было бы и въ жизни Шешковскаго, даже въ томъ случаѣ, еслибы сынъ его былъ знакомъ съ содержаніемъ анекдотовъ, печатаемыхъ въ *Русской Старинѣ*. Вообще эта драма возможна очевидно только при наличности тѣхъ узъ нѣжной любви, какія связываютъ семью Разумовыхъ, вопреки всему остальному, всей прочей розни. Свою мечту о разбуженной судомъ потомства совѣсти сатирикъ построилъ на элементарномъ, почти животномъ чувствѣ родительской любви. И, казалось бы, именно по своей элементарности этотъ базисъ долженъ быть и достаточно широкъ, и достаточно проченъ. Но, какъ выясняется изъ показаній самого Салтыкова въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ“, „Господахъ Головлевыхъ“, „Господахъ Ташкентцахъ“, „Пошехонской старинѣ“, наша семья не можетъ составить собою такой базисъ. Къ ней, вообще говоря, мудрено привить лозунгъ: „передъ дѣтьми стыдно“. „Просіаніе“ старика Разумова, при всемъ своемъ дѣйствительно духъ захватывающемъ драматизмѣ, должно быть признано явленіемъ болѣе или менее исключительнымъ.

Но за-то на этой почвѣ возможна и другая драма, которой Щедринъ не предвидѣлъ, если не считать предвидѣніемъ легкой намекъ, брошенный въ „Письмахъ къ тетенькѣ“ отношеніями дяди Григорія Семеновича и Сенечки. Намекъ этотъ слишкомъ слабъ въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ бы дать на эту тему Салтыковъ, еслибы остановился на ней пристальнѣе.

Мысль о „заправской русской драмѣ“, о судѣ потомства въ лицѣ дѣтей, занимала Щедрина въ 70-хъ годахъ, когда жизнь давала обильные матеріалы для такой постановки вопроса объ отцахъ и дѣтяхъ. Съ тѣхъ поръ утекло много воды. Недавно было во всеуслышаніе выражено мнѣніе, что для учащейся молодежи гораздо лучше заниматься азартной игрой на тотализаторѣ при скачкахъ, чѣмъ политикой. Заявлено это было не случайно какъ-нибудь, не съ иолемиче-

скаго разбѣга, а въ видѣ серьезнаго аргумента въ защиту тотализатора, который, дескать, даетъ заработокъ учащейся молодежи и отвлекаетъ ее отъ политики. Этотъ поразительный аргументъ, которымъ, надо думать, не замедлятъ воспользоваться и игорные дома, въ высшей степени характеренъ. Характерно уже и то, что въ логическомъ прыжкѣ отъ политики къ тотализатору минуется вся область искусства и науки, казалось бы, обязательная для учащейся молодежи. Но это только подробность. Весь аргументъ, во всей своей „цѣлокупности“, такъ и просится въ рамку щедринскихъ „Благонамѣренныхъ рѣчей“. И если мы дошли до того, что такія „трезвенныя“ слова возглашаются всенародно, путемъ печати, то, значитъ, мы уже давно къ нимъ подходимъ: вдругъ, ни съ того, ни сего, этакое не говорится, оно подготавливается долгимъ развращеніемъ мысли и чувства. Представьте же себѣ молодежь, испытавшую на себѣ это долгое подготовленіе, воспитавшуюся въ немъ. Салтыковъ, устами бывшаго штатнаго смотрителя чухломскихъ училищъ, титулярнаго совѣтника Филовверитова, предложилъ нѣкоторый проектъ въ видахъ „необходимости оглушенія въ смыслѣ временнаго усыпленія чувства“. По этому проекту надлежитъ „пріучить молодыхъ людей къ чтенію сонниковъ или къ ежедневному разсмотрѣнію дѣвицы Гандонъ, или же занять ихъ исключительно вытверживаніемъ азбуки въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оную изобрѣлъ Таутъ“ („Дневникъ провинціала въ Петербургѣ“). Тотализаторъ, кажется, перещегоолялъ эту якобы каррикатуру, а онъ дѣйствительность. Что же мудренаго, если наши „оглушенные“ дѣти, дышащія этимъ зараженнымъ воздухомъ, осудятъ насъ не за какія-нибудь жестокости и подлости, а за наши „бредни“, за то, на примѣръ, что мы не въ тотализаторѣ искали себѣ заработка и не занимались ежедневнымъ разсматриваніемъ дѣвицы Гандонъ? И тогда можетъ возникнуть драма, даже болѣе потрясающая, чѣмъ та, которая подкосила старика Разумова. Разумовъ во всякомъ случаѣ признавалъ и не могъ не признавать своего сына честнымъ человѣкомъ; сынъ былъ для него, правда, источникомъ тяжелой драмы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и „просіаніемъ“, и „утѣхой“. А мы? Подумать страшно...

Будемъ надѣяться, что эта горчайшая изъ чашъ минуетъ насъ; будемъ стараться, чтобы она насъ миновала. Такъ поступалъ бы по крайней мѣрѣ Салтыковъ, то-есть надѣялся бы и старался.

Мелкіе люди не думаютъ о будущемъ совсѣмъ, крупные — думаютъ много, причемъ это будущее представляется имъ или мрачнымъ или свѣтлымъ. Натуры созерцательныя склонны къ мрачному взгляду на будущее, натуры дѣятельныя — вѣрятъ въ будущее. Это понятно: всякій крупный человѣкъ сознаетъ или по крайней мѣрѣ чувствуетъ въ себѣ силу повліять на ходъ жизни, а слѣдовательно и на будущее. Но созерцательная натура не желаетъ пускать эту силу въ ходъ, не имѣетъ внутри себя никакого стимула для такого воздѣйствія на жизнь; дѣятельная же напротивъ стремится къ воздѣйствію, а таящаяся въ ней сила даетъ ей увѣренность, что ея идеалы достижимы. Созерцательная натура мыслить, то-есть взвѣшиваетъ причины и слѣдствія и, натыкаясь мыслью на зло, просто включаетъ его въ цѣпь причинности и признаетъ его историческую законность. Дѣятельная натура этимъ не ограничивается и сама, собственной персоной, вторгается въ историческій ходъ вещей въ качествѣ причины.

Салтыковъ былъ — дѣятельная натура. По его мнѣнію, „здоровая традиція всякой литературы, претендующей на воспитательное значеніе, заключается въ подготовленіи почвы будущаго... Не успокоиваясь на тѣхъ формахъ, которыя уже выработала исторія, провидѣть инныя, которыя хотя еще не составляютъ наличнаго достоянія человѣка, но тѣмъ не менѣе не противорѣчатъ его природѣ и слѣдовательно рано или поздно могутъ сдѣлаться его достояніемъ, — въ этомъ заключается высшая задача литературы, сознающей свою дѣятельность плодотворною. Литература провидитъ законы будущаго, воспроизводитъ образъ будущаго человѣка“ („Итоги“). Въ своихъ неустанныхъ заботахъ о будущемъ, Салтыковъ не держался, конечно, философіи Панглоса, утверждавшаго, что все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Напротивъ, онъ безбоязненно констатировалъ всяческое зло нашей жизни, изслѣдовалъ его причины и указывалъ слѣдствія, насколько хваталъ его глазъ. Въ этомъ даже состояла его спе-

ціальность, но и за всѣмъ тѣмъ онъ вѣрилъ въ будущее, въ конечное торжество свѣта надъ мракомъ. Когда онъ видѣлъ, что литература не исполняетъ возлагаемыхъ на нее самую ея сущностью обязанностей, онъ объяснялъ себѣ причины этого прискорбнаго положенія вещей; онъ понималъ, что въ современной литературѣ „должна господствовать публицистика подсиживанья, сыска и клеветы“. Онъ однако не мирился съ этимъ и спрашивалъ свою тѣтенку, отчего же это нельзя примириться съ тѣмъ, что исторически законно? И самъ же отвѣчалъ: „Оттого, милая тѣтенка, что всѣ мы, яко чловѣки, не только мыслимъ, но и живемъ“, то-есть дѣйствуемъ и сами можемъ оказаться причиною извѣстнаго ряда явленій.

Любопытно то въ высшей степени оригинальное представленіе, которое Щедринъ имѣлъ о духѣ зла, сатанѣ. Это совсѣмъ не что-нибудь могучее и въ этой мощи обаятельное, хотя бы и злое: „Воплощенное безстрастное неразуміе — вотъ настоящій сатана“ („Больное мѣсто“). Эта же мысль получаетъ дальнѣйшее развитіе въ поразительномъ фельетонѣ „Властитель думъ“, который съ обидною расточительностью вкрапленъ въ „Современную идиллію“ и приписанъ перу „корреспондента“:

„Что такое сатана? Это грандіознѣйшій, презрѣннѣйшій и ограниченнѣйшій негодяй, который не можетъ различать ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи, ни общаго, ни частнаго, и которому ясны только чисто личные и притомъ ближайшіе интересы. Поэтому его называютъ врагомъ рода чловѣческаго, пакостникомъ, клеветникомъ. И по той же причинѣ мѣсто дѣйствія ему отводятъ подъ землей, въ темномъ мѣстѣ, въ аду... Онъ ищетъ утопить въ позорѣ не только себя лично, но и все живущее, не только настоящее, но и будущее“.

Но будущее постоитъ за себя. И хоть много зла можетъ натворить сатана, но справиться съ нимъ все-таки можно, — это вѣдь только презрѣннѣйшій и ограниченнѣйшій негодяй!

„Не надо думать, что общество когда-нибудь погибнетъ подъ гнетомъ унынія и что оно вынуждено будетъ воспринять хлѣвные принципы въ свои нравы. Надо гнать прочь эту мысль даже въ томъ случаѣ, ежели она выступаетъ впередъ назойливо и доказательно. Надо сейчасъ говорить себѣ: нѣтъ, этому нельзя стать! не можетъ быть, чтобы бунтующій хлѣвъ покорилъ себѣ вселенную! Не слѣдуетъ забывать, что хлѣвные принципы обязаны своимъ торжествомъ лишь совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, которымъ общество ни въ какомъ слу-

чаѣ не причастно. Но вѣдь должна же когда нибудь настоящая, правильная жизнь вступить въ свои права. И она вступить“. („Письма къ тётенькѣ“).

Можно бы было составить изъ сочиненій Салтыкова цѣлую христоматию вѣры въ будущее, но я ограничусь еще только одной ссылкой на двѣ — три страницы, озаглавленные „Гіена“ (въ „Сказкахъ“). Этотъ маленькій набросокъ любопытенъ какъ свидѣтельство того, что даже всякая случайная мелочь наводила Щедрина на его любимую мысль. Повидимому, ему просто попалась подъ руку книга Брэма, развернутая на описаніи нравовъ гіены. Онъ немедленно приспособилъ это описаніе, во первыхъ, къ литературнымъ дѣламъ, а во вторыхъ его поразила возможность прирученія, покоренія человѣкомъ такого дикаго и сквернаго животного, какъ гіена. Онъ говоритъ, что затѣмъ только и рассказалъ про гіену, чтобы нагляднымъ образомъ показать, что „человѣческое“ всегда и неизбѣжно должно восторжествовать надъ „гіенскимъ“. А затѣмъ слѣдуетъ превосходная лирическая страничка на эту тему: „Человѣческое никогда окончательно не погибало, но и подъ пепломъ, которымъ временно засыпало его „гіенское“, продолжало горѣть. И впредь оно не погибнетъ, и не перестанетъ горѣть — никогда! Ибо для того, чтобы оно восторжествовало, необходимо только одно: освѣтить сердца и умы сознаніемъ, что „гіенство“ вовсе не обладаетъ тѣми волшебными чарами, которыя приписываетъ ему безумный и злой предразсудокъ“.

Сатана ли, гіена ли, — зло можетъ натворить много бѣдъ, можетъ временами доводить до унынія и даже отчаянія, но въ концѣ-концовъ оно не непреодолимо съ точки зрѣнія человѣка, по себѣ знающаго мѣру человѣческой силы и полного жажды дѣятельности. Пусть самъ онъ просто физически слабъ и хилъ и не такъ воспитанъ жизнью, чтобы въ открытую бороться со зломъ, — онъ вручаетъ свою вѣру въ будущее самому этому будущему въ лицѣ „дѣтей“. Вы помните, какъ кончается рассказъ „Пропала совѣсть“. Совѣсть, всѣми отталкиваемая и швыряемая, попадаетъ наконецъ въ сердце „маленькаго русскаго дитяти“. „И будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть.“

И исчезнуть тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама“.

Среди крайне немногочисленныхъ положительныхъ, симпатичныхъ автору образовъ, въ писаніяхъ Щедрина одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ юноша, стремящійся къ добру и правдѣ. Таковъ въ „Больномъ мѣстѣ“ Степа.—Таковъ въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ“ Коронать. Онъ является мимоходомъ, но вполне ясенъ, благодаря ясности отношенія къ нему автора. Авторъ отечески добродушно подтруниваетъ надъ его рѣзкостью, надъ его презрѣніемъ къ общепринятымъ приличіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не только любитъ, а и уважаетъ его.—Таковъ далѣе въ „Мелочахъ жизни“ Чудиновъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ учиться, затѣмъ „онъ началъ понимать, что за ученіемъ можетъ стоять цѣлый разнообразный строй отношеній; что существуетъ общество, родная страна, дѣло, подвигъ“. Но тутъ его подкосила чахотка, и ему надо уѣзжать изъ Петербурга. Дверь ученья для него уже закрыта, но онъ какъ-нибудь доберется до дома, отдохнетъ, выправится и непременно выполнитъ ту задачу, которая въ послѣднее время начала волновать его. Смерть не дала ему прикоснуться къ этой задачѣ, и прославленный своей насмѣшливостью и суровостью Щедринъ плачетъ въ послѣдней строкѣ разсказа: „Умеръ человекъ, искавшій свѣта и обрѣвшій смерть“.— Сюда же относится Юленька, внучка Ивана Михайловича въ „Дворянской хандрѣ“. Молодая дѣвушка, которую дѣдъ зоветъ „мудрой“, горячо убѣждаетъ двухъ стариковъ: „Заря опять придетъ, и не только заря, но и солнце! Есть добрые, не падающіе духомъ! есть! И они увидятъ солнце, увидятъ, увидятъ, увидятъ!“

Это—вѣра самого Салтыкова. Дѣйственная вѣра, ибо Салтыковъ не думалъ, что стихійный историческій процессъ самъ собой одолѣетъ сатану и приведетъ все къ наилучшему концу, безъ усилій съ нашей стороны. Эту-то дѣйственную вѣру онъ и завѣщалъ молодымъ силамъ. Оправдають ли онѣ его надежды?

III.

Отношеніе къ народу.

Едва ли найдется много словъ, которыя подвергались бы такой трепкѣ, какая выпала у насъ недавно на долю слова „народъ“. Разумѣю семидесятые и самое начало восьмидесятыхъ годовъ. Потомъ это измученное слово куда-то кануло и чуть не совсѣмъ изъ обращенія вышло. А, казалось, такое необходимое, неизбѣжное слово было... И серьезные люди были имъ заняты, и веселонравные. Нѣкоторые увѣряли даже, что оно, равно какъ и самый предметъ, имъ обозначаемый, ужъ слишкомъ много мѣста въ литературѣ занимаютъ: отъ мужика, дескать, проходу нѣтъ, изъ-за него всѣ высшія задачи духа, а также и увеселительная сторона жизни забываются. Тутъ и горячіе теоретическіе споры были, и беллетристика соотвѣтственная, а одно время „народъ“ забрался-было такъ высоко („выше сферы своей, словно пролетарій какой“, сказалъ бы образованный гоголевскій приказчикъ), что даже въ области общей практики поднялось знамя „народной политики“. Нельзя сказать, чтобы всѣ сердца были этимъ обрадованы и обнадежены, но уличная литература проворно пристроилась къ новому знамени, хотя впрочемъ столь же проворно отъ него отхлынула, когда явились другія знамена. А потомъ и пошелъ „народъ“, какъ ключъ ко дну, и пустилъ ему въ догонку нѣкоторый легкомысленный писатель презрительное „*culte du peuple*“.

Дѣло впрочемъ не въ судьбѣ слова „народъ“, а въ той позиціи, которую занималъ по отношенію къ нему Салтыковъ. Позиція эта была очень сложная, какъ оно и должно было быть въ виду сложности самаго предмета. И еслибы во время трепки, задаваемой слову „народъ“, всѣ грепавшіе принимали въ соображеніе эту сложность, еслибы нѣкоторые изъ нихъ не валили въ одну кучу народъ-націю, народъ-толпу, народъ-простонародье, народъ—рабочихъ людей, то получились бы, надо думать, нѣкоторые болѣе осязательные результаты, чѣмъ тѣ, какіе имѣются теперь.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ нѣкто Кунцъ усердно рекламировалъ изобрѣтенныя имъ кушетки, чрезвычайно удобныя для исполненія на нихъ тѣлеснаго наказанія. Выдумалъ ли Кунцъ кромѣ того порохъ — неизвѣстно, но спеціальныя кушетки для сѣченія, кажется, не обогатили Кунца: ни начальство, ни частная инициатива не оцѣнили этого благодѣтельнаго изобрѣтенія. Салтыковъ по этому случаю писалъ: „Я все-таки радъ, что кушетки эти изобрѣлъ Кунцъ, а не Ивановъ. Почему радъ, я и самъ объяснить не могу, но мнѣ кажется, что еслибъ это изобрѣтеніе принадлежало Иванову, то каторги ему за него было бы мало. А Кунцу какъ разъ въ пору“ („Недоконченныя бесѣды“). Что же это такое значитъ? Почему такая очевидно любовная строгость къ Иванову и такая презрительная снисходительность къ Кунцу? Родители, воспитатели, учителя говорятъ старшему сыну или первому ученику: тебѣ-то ужъ стыдно, ты вѣдь не то, что вотъ этотъ маленькій или вотъ этотъ послѣдній ученикъ! И это понятно. Но развѣ Кунцъ маленькій или послѣдній, а Ивановъ старшій или первый? Конечно, нѣтъ. Наоборотъ, Кунцъ и старше, и по успѣхамъ выше стоитъ. За Кунцомъ прочная вѣковая культура числится, а Ивановъ чуть что не новорожденный. Совершенно поэтому несправедливо казнить его каторгой за то самое, что Кунцу въ пору. Если такъ разсудить, что Кунцъ, предлагая свои усовершенствованныя кушетки русскому начальству и русской частной инициативѣ, все-таки по крайней мѣрѣ хотъ на чужія ему, русскія спины покушался, а Ивановъ не имѣлъ бы за себя этого оправданія, то на первый взглядъ это какъ будто и похоже на аргументъ. Но только на первый взглядъ. Прежде всего, Кунцъ ни на что не покушался. Онъ не пропагандировалъ розги, а просто говорилъ: вы употребляете розги, такъ вотъ вамъ усовершенствованіе. Но еслибы и въ самомъ дѣлѣ рѣчь шла о пропагандѣ розогъ, такъ неужто же идея братства народовъ такъ мало подвинулась къ своему осуществленію, что, напримѣръ, русскому русскія спины огорчать не годится, а испанскія или нѣмецкія ничего, можно? Нельзя, конечно, сказать, чтобы идея братства народовъ очень подвинулась впередъ въ наши дни всеобщаго приготовленія къ всеобщей

дракѣ, но что касается Салтыкова, я увѣренъ, что онъ не похвалилъ бы Иванова за покушеніе и на испанскія спины. И, что всего замѣчательнѣе, сатирикъ и самъ не можетъ объяснить, почему онъ радъ, что кушетку для сѣченія выдумалъ Кунцъ, а не Ивановъ. Нѣкоторое объясненіе можно пожалуй почерпнуть изъ знаменитаго діалога „мальчика въ штанахъ“ и „мальчика безъ штановъ“ („За рубежомъ“). Нѣмецкій мальчикъ въ штанахъ благовоспитанъ, во всякомъ случаѣ благовоспитаннѣе русскаго мальчика безъ штановъ; онъ справедливо хвалится и лучшимъ питаніемъ, чѣмъ какое получаетъ его собесѣдникъ, и добрыми нравами, и наукой, и свободными учрежденіями. Ничего равносильнаго мальчикъ безъ штановъ съ своей стороны предъявить не можетъ. Однако и онъ наконецъ уловляетъ мальчика въ штанахъ. Изъ дальнѣйшаго разговора оказывается, что мальчикъ въ штанахъ продалъ за грошъ свою душу чорту, то есть г. Гехту, а душа мальчика безъ штановъ хотя тоже принадлежитъ чорту, то есть г. Колупаеву, но отдана ему даромъ, безъ всякаго контракта, а слѣдовательно, пожалуй, можетъ быть и назадъ взята. Авторъ съ своей стороны находитъ, что, какъ ни велики блага цивилизаціи, которыми пользуется нѣмецкій мальчикъ, но не настолько они все-таки цѣнны, чтобы за нихъ можно было продать душу. Въ приложеніи къ спеціальнымъ кушеткамъ для порки, я думаю, это значитъ вотъ что: нехорошая вещь порка, но еще хуже, если люди сюда душу кладутъ и не о прекращеніи нехорошаго дѣла думаютъ, а ломаютъ себѣ головы надъ разными его тонкостями и усовершенствованными приспособленіями; пусть ужъ порка остается, доколѣ ей жить суждено, въ своемъ первобытномъ, неусовершенствованномъ видѣ! А такъ какъ Кунцъ вообще чорту душу продалъ, то ему пожалуй въ пору этими усовершенствованіями заниматься; Иванову же этого не полагается.

Эта мысль навѣрное входила въ составъ радости Щедрина, что не Ивановъ, а Кунцъ выдумалъ кушетку. Однако, по возвращеніи изъ „за рубежа“ онъ встрѣтилъ „мальчика безъ штановъ“ облаченнымъ не только въ штаны, а и въ полную красивую форму желѣзнодорожнаго артельщика, причемъ оказалось, что онъ теперь ужъ „по контракту“ у г. Разуваева.

Это одно уже, если не колеблетъ нашего объясненія, то свидѣтельствуешь о его неполнотѣ и односторонности.

Вообще надо сказать, какъ ни обширна, какъ ни сложна писательская дѣятельность Салтыкова, но главныя ея исходныя точки чрезвычайно просты, до такой степени просты, что даже почти не поддаются логическимъ операціямъ. Мы уже видѣли этому примѣры. Его тяготѣніе къ литературѣ въ основаніи своемъ не есть результатъ какихъ-нибудь логическихъ соображеній, это просто инстинктъ, элементарное чувство самосохраненія, и онъ самъ не могъ бы его объяснить: кто жъ его знаетъ? просто тянетъ. Онъ любитъ литературу прежде всего, какъ говорится, нутромъ, и притомъ литературу вообще, всю, литературу *an sich und für sich*. Но затѣмъ появляется на сцену контролирующее и направляющее сознаніе, сознаніе до такой степени сильное и всегда бодрствующее, что не допускаетъ его ни до малѣйшихъ уклоненій отъ намѣченнаго литературнаго пути и даетъ ему возможность до тонкости разобраться въ чужихъ путяхъ и уклоненіяхъ. То же самое мы видѣли и въ его вѣрѣ въ будущее. Въ основаніи своемъ это опять таки нѣчто сырое, непосредственное, почти физиологическое. Онъ вѣритъ въ будущее просто потому, что онъ уродился крупной и дѣятельной натурой, въ которой живутъ и силы и стремленіе повліять на ходъ вещей; въ качествѣ таковой, онъ не можетъ не вѣрить въ будущее, помимо всякихъ логическихъ доводовъ. Но опять-таки выступаетъ контролирующее сознаніе и не только не допускаетъ его до какихъ-нибудь слащавостей (которыхъ не чуждъ, на примѣръ, даже Гоголь), но даетъ возможность пророчески ясно видѣть то зло, которое должно перейти изъ настоящаго въ ближайшіе этапы будущаго. Это необыкновенно счастливое сочетаніе могучей непосредственности, богатаго сырья съ одной стороны, и силы неусыпно бодрствующаго сознанія, съ другой — составляетъ, мнѣ кажется, основную черту всей литературной фizioноміи Салтыкова. Она-то и придавала особенную твердость, особенную вѣскость и устойчивость всему, что онъ дѣлалъ. Въ Салтыковѣ все непосредственно, все стихійно въ своей исходной точкѣ, все установилось „безъ размышленья, безъ борьбы, безъ думы

роковой“, но только въ исходной точкѣ, а въ дальнѣйшемъ развитіи подвергалось строжайшему контролю сознанія. Это, какъ я уже замѣтилъ въ первомъ очеркѣ, отражалось и на самой technikѣ его работы: яркіе образы, оригинальные обороты рѣчи, блестящіе и совершенно неожиданныя сравненія возникали въ его мозгу съ чрезвычайной быстротой, вы могли за этимъ слѣдить въ простомъ разговорѣ съ нимъ, но писалъ онъ упорно и много труда вкладывалъ въ свои писанія. Можетъ быть здѣсь же слѣдуетъ искать основанія того довѣрія, которое онъ питалъ къ непосредственному чувству родительской любви, каковое чувство должно было способствовать просіянію совѣсти.

Та же самая черта сказывается въ занимающемъ насъ теперь вопросѣ. Салтыковъ самъ признается, что не можетъ объяснить, почему онъ радъ, что кушетку для порки выдумалъ Кунцъ, а не Ивановъ. Кто же ее знаетъ?! Просто потому, что онъ любитъ Иванова, и ему было бы обидно, еслибы любимый человѣкъ занимался сквернымъ и унижительнымъ дѣломъ усовершенствованія порки, а Кунцъ пожалуй Богъ съ нимъ, потому чужой онъ ему. Салтыковъ понималъ односторонность такого взгляда, если тутъ можно говорить о взглядѣ, а не просто о безотчетномъ тяготѣніи, — понималъ и самъ подтрунивалъ; но понималъ также, что ничего съ этимъ не подѣлаешь въ виду тѣхъ „внутреннихъ нитей, которыя съ самаго рожденія связываютъ насъ съ массаами и которыя проходятъ потомъ неизмѣнно черезъ все наше существованіе“. („Письма о провинціи“). Кунцъ, конечно, такой же человѣкъ, какъ и Ивановъ, можетъ быть даже лучше его, а все-таки Иванова, хоть бы онъ даже съ вполнѣ неумытымъ рыломъ ходилъ, не отдерешь отъ сердца. И не только самого Иванова, его чадъ и домочадцевъ, а и всю его можетъ быть очень убогую физическую и нравственную обстановку, весь тотъ хотя бы очень унылый пейзажъ, среди котораго онъ проводитъ свою жизнь. Еще въ „Губернскихъ очеркахъ“ есть прочувствованныя страницы на эту тему. Напримѣръ:

„Я люблю эту бѣдную природу, *можетъ быть* потому, что какова она ни есть, она все-таки принадлежитъ мнѣ; она сроднилась со мной точно также, какъ и я сжился съ ней; она лелѣяла мою молодость; она была

свидѣтельницей первыхъ тревогъ моего сердца, и съ тѣхъ поръ ей принадлежитъ лучшая часть меня самого. Перенесите меня въ Швейцарію, въ Индію, въ Бразилію, окружите какою хотите роскошною природою, накиньте на эту природу какое хотите прозрачное и синее небо — я все-таки вездѣ найду милые сѣренькіе тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу ихъ въ моемъ сердцѣ, потому что душа моя хранить ихъ, какъ лучшее свое достояніе“.

Это писано давно, когда Салтыковъ еще не выработалъ того яркаго, блестящаго неожиданными искрами языка, какимъ онъ писалъ впослѣдствіи. Но тѣ же мысли или чувства разсыпаны и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, между прочимъ и въ „За рубежомъ“. Напомню только образъ стараго чимпандзе въ берлинскомъ зоологическомъ саду. Сквозь юморъ, которымъ сверкаетъ описаніе старой обезьяны, „оторванной отъ дорогихъ интересовъ родины и посаженной за рѣшетку“, слышится настоящая, глубокая тоска по родинѣ. Чимпандзе былъ можетъ быть у себя въ родныхъ лѣсахъ исправникомъ и теперь тамъ за нимъ „числится тридцать тысячъ неисполненныхъ начальственныхъ предписаній и девяносто тысячъ (по числу населяющихъ его округъ чимпандзе) не произведенныхъ обысковъ!“ И у исправника, и у тѣхъ чимпандзе, у которыхъ онъ производитъ обыски, и у прочихъ членовъ этого обезьяньяго народа есть на родинѣ собственная, привычная имъ атмосфера, насыщенная общими имъ нравами, привычками, говоромъ, даже разумомъ. Все это дорого и близко сердцу. Такъ же дорого и близко сердцу Щедрина все сонмище Ивановыхъ, весь русскій народъ. Это совершенно непосредственная любовь, не поддающаяся логическому анализу, потому что Салтыковъ былъ настоящій, коренной русскій человѣкъ, не происхожденіемъ только, а всѣмъ складомъ, и просто естествомъ тянулся туда, „гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ“. Какъ и всѣ исходныя точки Салтыкова, это тяготѣніе не подлежитъ никакому вмѣненію: ни вины его тутъ нѣтъ, на заслуги. Вина или заслуга начинаются съ того момента, когда наступаетъ работа сознанія.

Любовь къ Россіи, къ русскимъ людямъ, къ русскому народу сплошь и рядомъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ крышки отъ Пандорина ящика, которую стоитъ только приподнять, чтобы изъ ящика хлынули пошлость, наглость, ложь,

лицемѣріе, безпардонное самохвальство. И не всякій даже искренно охваченный тою стихійною привязанностью къ русскимъ людямъ, которая жила въ Салтыковѣ, благополучно сводить концы съ концами въ томъ на видъ простомъ, а въ сущности очень сложномъ предметѣ, который называется: русскій народъ. Иной совершенно искренно ухватится за какую-нибудь подробность въ родѣ сарафана или сапоговъ на выпускъ и до такой степени ослѣпится ими, что и не замѣтитъ какъ тѣмъ временемъ расплывутся куда-то подлинно важныя черты народной жизни. А о лжецахъ нечего и говорить. Тѣ очень рады, когда можно замутиль воду и потомъ наловить въ ней рыбы. Мутить же воду въ данномъ случаѣ чрезвычайно легко. Стоитъ только, воздымая руки къ небу или бія себя въ грудь, погромче кричать: мы, русскіе!... русскій народъ!... историческая задача русскаго народа... Анъ, смотришь, русскій солдатикъ подъ эти возгласы пошелъ на войну на картонныхъ подошвахъ, а разница между картонными и кожаными подошвами осталась въ тѣхъ самыхъ рукахъ, которыя воздымались къ небу. Потомъ опять: мы, русскіе!... русскій народъ!... Анъ и опять что-нибудь перепадетъ: какихъ-нибудь жиговъ или нѣмцевъ уберутъ и на ихъ мѣсто кричащіе сядутъ и хотя будутъ дѣлать то же самое, что дѣлали убранные жида и нѣмцы, или даже превзойдутъ ихъ, но за-то будутъ по-русски въ банѣ по субботамъ париться, по воскресеньямъ русскіе пироги съ капустой ѣсть и отборными русскими скверными словами ругаться. И патріотическія сердца возрадуются.

Собственно о патріотизмѣ Салтыкова мы будемъ говорить, когда дойдетъ очередь до „благонамѣренныхъ рѣчей“. Здѣсь я замѣчу только во-первыхъ, что, по мнѣнію Салтыкова, если еврей говорить: „дурака шашу“, то это совершенно равнозначительно русскому: „дурака сосу“ („Недоконченныя бесѣды“). Во-вторыхъ, Салтыковъ утверждаетъ:

„Идея, согрѣвающая патріотизмъ,—это идея общаго блага. Какими бы тѣсными предѣлами мы ни ограничивали дѣйствіе этой идеи (хотя бы даже пространствомъ княжества Монако), все-таки это единственное звено, которое пріобщаетъ насъ къ извѣстной средѣ и заставляетъ насъ радоваться такими радостями и страдать такими страданіями, которыя во многихъ случаяхъ могутъ затрогивать насъ лишь самымъ отдален-

нымъ образомъ. Воспитательное значеніе патріотизма громадно: это школа, въ которой человѣкъ развивается къ воспріятію идеи о чело-вѣчествѣ“ („Сила событій“).

Какъ бы то ни было, „но русскій духъ“ родственно милъ Салтыкову. И вотъ почему онъ радъ, что Кунцъ, а не Ивановъ изобрѣлъ кушетку для порки. Но Ивановъ не всегда такъ безупреченъ, и въ такихъ случаяхъ сатирикъ бываетъ огорченъ. Поводовъ для огорченія Ивановъ доставляетъ много, и изъ этого множества возьмемъ на первый разъ такой. Отчего, — спрашиваетъ Салтыковъ, — путешествующій англичанинъ вездѣ носитъ свой родной типъ, со всѣми его слабыми и сильными сторонами, и ничего своего не утаиваетъ, а русскій „гулящій человѣкъ“ за границей всячески лебезитъ, притворяется, отъ своего отрекается и даже готовъ при случаѣ оклеветать свое отечество? Русскій мужикъ, однако, „является самимъ собой, т. е. простымъ, непринужденнымъ, и точно также (какъ англичанину) не придетъ ему въ голову стыдиться того, что онъ русскій“ („Русскіе гулящіе люди за границей“). Такимъ образомъ въ многомилліонной массѣ Ивановыхъ оказывается какая то щель, рѣзко отдѣляющая „гулящихъ“ Ивановыхъ отъ Иванова-мужика. Щель эта глубокая, потому что не о пустякахъ какихъ-нибудь идетъ рѣчь, не о сапогахъ въ штаны или штанахъ въ сапоги, а о выдающейся чертѣ душевнаго склада. А „гулящіе люди“, надо замѣтить, не ничтожная какая-нибудь горсть, которую и во вниманіе не стоитъ брать. Правда, относительное число ихъ не можетъ быть велико, но должно быть они представляютъ собою нѣкоторую значительную силу, потому что, какъ рассказываетъ сатирикъ, „въ Россіи они ѣздятъ на перекладныхъ и колотятъ по зубамъ ямщиковъ“ („за границей они пересаживаются въ вагонъ и не знаютъ какъ и передъ кѣмъ излить свою благодарную душу“). Читатель видитъ, что мы находимся не въ сегодняшнемъ днѣ, потому что кто же теперь ямщиковъ по зубамъ колотитъ, да и на перекладныхъ-то это ѣздитъ? Но для нашей цѣли это безразлично, мы только стараемся разобраться въ мысляхъ Салтыкова. Вся масса Ивановыхъ, первоначально какъ будто равно дорогихъ сердцу сатирика, раскалывается на двѣ группы, и въ первой изъ

нихъ, меньшей числомъ, но сильной значеніемъ, оказываются такіе нравственные изъяны, что положеніе человѣка, связаннаго съ ними непосредственными, кровными узами, весьма усложняется. Узы остаются, все равно, какъ Авель и Каинъ, несмотря ни на что, остаются братьями, сыновья, надругавшіеся надъ Ноемъ, остаются его дѣтьми. Это — свои, и ничего тутъ не подѣлаешь. Но тѣмъ больше чувствуется безобразіе „гулящихъ“ людей, тѣмъ сильнѣе возбуждаемое ими негодованіе. За то на другой группѣ, на мужикѣ, глазъ сатирика отдыхаетъ.

Обыкновенно думаютъ, что это дѣленіе всего русскаго народа на собственно народъ и отколовшіеся отъ него высшіе, правящіе классы есть и открытіе, и отличительная черта славянофиловъ, причемъ, дескать, они, именно они и одни они отдавали свои симпатіи народу въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это далеко не вѣрно. Тотъ же Салтыковъ, будучи немногимъ моложе основателей славянофильства, принадлежа во всякомъ случаѣ одной съ ними эпохѣ развитія, но никогда не испытавъ на себѣ ихъ вліянія, совершенно самостоятельно отмѣчаетъ фактъ, составляющій будто бы ихъ открытіе, и столь же самостоятельно выражаетъ свои симпатіи народу. И это не случайно брошенная мысль, она всегда жила въ Салтыковѣ, равно какъ и во многихъ другихъ писателяхъ отнюдь не славянофильскаго лагеря. Добролюбовъ, считающійся отъявленнымъ западникомъ и во всякомъ случаѣ не имѣющій ничего общаго съ славянофильствомъ (я полагаю, что въ его время умные люди уже вполне эмансипировались какъ отъ западничества, такъ и отъ славянофильства), съ полнымъ сочувствіемъ отмѣтилъ эту тенденцію, явственно проходящую черезъ всѣ „Губернскіе очерки“. Дѣйствительно, стоитъ только сравнить очерки, озаглавленные „Общая картина“, „Отставной солдатъ Пименовъ“, „Пахомовна“, съ тѣми, въ которыхъ фигурируютъ крупные и мелкіе чиновники, помѣщики, крутогорскій бо-мондъ, чтобы убѣдиться въ ярко выраженной симпатіи Салтыкова къ народу. Какъ справедливо указалъ Добролюбовъ, онъ не вноситъ никакой фальшивой идеализаціи въ свои изображенія народныхъ типовъ. Народъ у него является со всѣми своими недостатками, грубостью, невѣжест-

вомъ, но вы чувствуете, что авторъ правъ, говоря, что онъ находится „подъ обаятельнымъ вліяніемъ юной и свѣжей народной силы“ („Отставной солдатъ Пименовъ“). Тотъ же мотивъ слышится и въ „Невинныхъ разсказахъ“ („Святочный разсказъ“, „Развеселое житіе“), гдѣ авторъ „ощущаетъ, что въ сердцѣ его таится невидимая, но горячая струя, которая безъ вѣдома для него самого пріобщаетъ его къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни“.

Времена „Губернскихъ очерковъ“ и „Невинныхъ разсказовъ“ я назвалъ бы періодомъ безсознательнаго отношенія Салтыкова къ народу. Чиновничество и помѣщики сразу отдѣлились для него въ особую отъ собственно народа группу. И немудрено: онъ видѣлъ крѣпостное право и крымскую войну. Но затѣмъ онъ безхитростно и правдиво разсказывалъ видѣнное и слышанное имъ въ народной средѣ, не теоретизировалъ ни въ какомъ направленіи, не пытался анализировать ни свои чувства, ни предметъ, ихъ возбуждавшій. Онъ просто любовался поэтической цѣльностью вѣры какого-нибудь отставнаго солдата Пименова и другихъ богомольцевъ и странниковъ, или отчаянною и опять-таки поэтической удалью героя „Развеселаго житія“. Это любованье осложнялось лишь скорбью о томъ гнетѣ, подъ тяжестью котораго изнываетъ народъ („Святочный разсказъ“, „Миша и Ваня“). Но скорбь эта, казалось тогда, должна въ скорости потерять всякій *raison d'être*. Весеннее солнце всходило надъ русской землей, вѣковыя кучи снѣга и льда таяли, и *Русскій Вѣстникъ*, гдѣ печатались „Губернскіе очерки“, шелъ во главѣ того весенне-радостнаго движенія, которому онъ же потомъ доставилъ мрачные осенніе дни. Казалось, вотъ-вотъ наступитъ на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе, а потому и скорбь о народныхъ бѣдствіяхъ не могла приковывать къ себѣ слишкомъ пристальное вниманіе и очень отвлекать отъ непосредственнаго любованія картинами народной жизни. Весна кончилась, да и Салтыковъ выросъ, его могучая сила сознанія вступила въ свои права и обязанности.

Защищая литературу и главнымъ образомъ *Отечественныя Записки* отъ упрековъ въ переполненіи мужикомъ, Салтыковъ говорилъ Ѳеденькѣ Неугодову: „Скажу тебѣ по секрету, мнѣ

и самому литература наша по-временамъ кажется въ этомъ отношеніи нѣсколько однообразною и черезъ край переполненною мужикомъ. Вѣдь и я... да, братъ, я тоже не чуждъ соловьевъ и розъ... *que diable!*“ („Круглый годъ“). И это правда. Конечно, „соловьи и розы“ какъ будто не совсѣмъ идутъ къ суровому облику нашего сатирика. Но несомнѣнны все-таки его художественные инстинкты, сказавшіеся и въ томъ любованіи картинами народной жизни, которое мы видимъ и въ „Богомольцахъ, странникахъ и проѣзжихъ“, и въ „Святочномъ разсказѣ“, и въ „Развѣселомъ житьѣ“. Тамъ положительно есть и соловьи и розы. Художнику отказаться отъ нихъ не легко. Но, продолжаетъ Щедринъ объяснять Ѳеденькѣ Неугодову:

„присмотрѣвшись къ дѣлу пристальнѣе, приходится согласиться, что иначе оно не можетъ быть. Мужикъ—герой современности, это вѣрно. И не со вчерашняго дня такъ повелось, а давненько-таки, съ конца сороковыхъ годовъ. Ты, разумѣется, не былъ очевидцемъ „началь“, но я не только помню, но даже лично присутствовалъ при нихъ. Я помню „Деревню“, помню „Антон-Горемыку“, помню такъ живо, какъ будто все это совершилось вчера. Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія, человѣчныя слезы, и съ легкой руки Григоровича мысль объ томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, и въ русскомъ обществѣ. А съ половины пятидесятихъ годовъ эта мысль сдѣлалась уже господствующею въ русской жизни. Все, что ни есть въ Россіи мыслящаго и интеллигентнаго, отлично поняло, что куда бы ни обратились взоры, вездѣ они встрѣтятся съ проблемой о мужикѣ“.

Да, но тогда мужикъ былъ главнымъ образомъ, почти исключительно, человѣкъ, подлежащій освобожденію. Эта, безспорно огромная сторона его существованія заслоняла въ немъ для литературы и общества все остальное. Много благотворныхъ, какъ много впрочемъ и злыхъ и дрянныхъ мыслей было пущено въ оборотъ, но какіе бы обширные горизонты онѣ ни обнимали, ихъ источникъ и ихъ устье составлялъ все-таки человѣкъ, подлежащій освобожденію. И вотъ этотъ человѣкъ освобожденъ. Покончилась ли вмѣстѣ съ тѣмъ „проблема о мужикѣ“? Салтыковъ этого не думаетъ. И не только потому, что, какъ спрашиваетъ поэтъ, „народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ“? Дѣло не въ счастіи или несчастіи народа, то есть не въ немъ одномъ. Народъ представляется Салты-

кову огромною загадкою, огромнаго теоретическаго интереса и огромной практической важности. Загадка эта по-истинѣ не даетъ ему покоя. Онъ пробовалъ воплощать ее въ образы. Такова, напримѣръ, „Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ“. Разсказавъ эту повѣсть, Щедринъ точно и самъ съ недоумѣніемъ останавливается передъ ея моралью. Какъ это такъ вышло, что мужикъ, будучи неизвѣстно съ чего и по какому праву разбуженъ и обруганъ генералами, сейчасъ же полѣзъ на дерево, нарвалъ имъ по десятку самыхъ спѣлыхъ яблоковъ, а себѣ взялъ одно, кислое? Какъ такъ вышло, что и дальше онъ ихъ кормилъ, поилъ, наконецъ доставилъ въ Большую Подъяческую, гдѣ они кучу денегъ загребли, а ему „выслали рюмку водки, да пятакъ серебра: веселись, мужичина!“ А вышло именно такъ. Силища очевидно страшная, а помыкать ею такъ легко; работа египетская, а за двадцать спѣлыхъ яблоковъ приходится одно кислое. То же самое недоумѣніе и въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь“. Подъ впечатлѣніемъ прекрасно удавшагося юбилея въ честь департаментскаго помощника эзекутора, сатирикъ видитъ сонъ. Въ селѣ Безкормицынѣ учитель Крамольниковъ и священникъ Возсіающій затѣяли, въ видахъ благотворнаго воздѣйствія на крестьянъ, а также и просто въ видахъ справедливости, устроить пятидесятилѣтній юбилей въ честь крестьянина Мосеича: ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Мосеичъ женился и тѣмъ самымъ возложилъ на себя рабочее тягло. По свидѣтельству священника, сельскихъ начальниковъ и прочихъ односельчанъ, Мосеичъ прожилъ эти пятьдесятъ лѣтъ безукоризненно: работалъ въ потѣ лица, подати своевременно вносилъ, храмъ Божій посѣщалъ, семьянинъ былъ прекрасный. На юбилеѣ учитель Крамольниковъ произноситъ длинную и горячую рѣчь на тему о великихъ трудахъ русскаго крестьянина. Рѣчь эта очень замѣчательна, даже помимо юбилея. Но Крамольникову не пришлось кончить рѣчь. Онъ только что перешелъ къ „вопросу о томъ, какія радости, какія удобства и льготы купилъ себѣ русскій крестьянинъ цѣною столькихъ опасностей и непосильныхъ трудовъ?“ — какъ сонъ автора, вслѣдствіе нѣкотораго посторонняго явленія, „принялъ рѣзко хаотическій характеръ“.

„Ташкентство, — говоритъ Салтыковъ, — илѣняетъ меня не столько богатствомъ внутренняго своего содержанія, сколько тѣмъ, что за нимъ неизбѣжно скрывается „человѣкъ, питающійся лебедой“. Этотъ человѣкъ — явленіе очень любопытное, въ томъ отношеніи, что онъ не только не знаетъ, но повидимому и не желаетъ сытости. Стоитъ онъ, скучившись въ какомъ-то безобразномъ муравейникѣ, и до того съежился и присмирѣлъ тамъ, что никто даже не интересуется знать, что это за масса такая, которая какъ будто колыхается и живетъ, но изъ которой въ то же время не выходитъ ни единого живаго звука“ („Господа ташкентцы“). За границей передъ Щедринымъ „воочію метался тотъ повинный работѣ человѣкъ, который, выбиваясь изъ силъ, надрываясь и проливая кровавый потъ, въ награду за свою вѣчную страду получить кусокъ мякиннаго хлѣба. Есть что-то мучительно-загадочное въ этомъ сопоставленіи мякиннаго хлѣба и вѣчной страды“ („За рубежом“).

Въ одной изъ сказокъ народъ изображенъ въ видѣ „Коняги“. Жилъ-былъ Конь и у него было два сына: Коняга и Пустоплясъ. Пустоплясъ былъ сынъ вѣжливый и чувствительный, Коняга — неотесанный и безчувственный. И опредѣлилъ, наконецъ, Конь каждому изъ сыновей его долю: Конягѣ — солому, Пустоплясу — овесъ. Много времени прошло, вздумалось пресыщенному благополучіемъ Пустоплясу посмотрѣть, какъ его братецъ живетъ. Пришелъ, смотритъ и удивляется: бьютъ Конягу чѣмъ ни попадя, кормятъ соломой, съ утра до ночи Коняга въ полѣ работаетъ, а все живъ. Стали Пустоплясы разсуждать, отчего это Коняга живетъ, когда ему по всѣмъ соображеніямъ давно помереть надо. Одинъ говоритъ, что это отъ здраваго смысла, другой, — что это въ Конягѣ „жизнь духа и духъ жизни“ дѣйствуютъ, третій приписываетъ чудо душевному равновѣсію, четвертый — привычкѣ. Такъ и остался вопросъ нерѣшеннымъ.

Эта нерѣшенность „проблемы о мужикѣ“ или, какъ его также называетъ Салтыковъ, „человѣкъ, питающемся лебедой“, „человѣкъ повинномъ работѣ“, „въ культурномъ человѣкѣ“, чрезвычайно беспокоитъ сатирика, изъ чего видно, что не одни пустоплясы этимъ дѣломъ заняты. Салтыковъ и самъ

это очень хорошо знает. Въ „Письмахъ о провинціи“ есть слѣдующія, въ высшей степени замѣчательныя строки:

«Есть что-то фаталистическое въ томъ, что мы всѣ завѣтныя, свѣтлыя думы наши посвящаемъ именно этой забитой, малосмысленной и подчасъ жестокой толпѣ, что самый великій мыслитель, котораго мысль, повидимому, не можетъ имѣть ничего общаго съ мыслью толпы, именно ей отдаегь лучшую часть своей дѣятельности. Да, тутъ есть своего рода фатализмъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно клеймятъ этимъ словомъ какое-нибудь положеніе, которое не хотятъ или не могутъ объяснить, а фатализмъ, объясняемый тою общечеловѣческою основой, которая именно и составляетъ соединительное звено между неразвитою толпою и наиболѣе развитою отдѣльною человѣческою личностью. Исторія показываетъ, что тѣ люди, которыхъ мы не безъ основанія называемъ лучшими, всегда съ особенною любовью обращались къ толпѣ, и что только тѣ политическіе и общественные акты получали дѣйствительное значеніе, которые имѣли въ виду толпу».

Въ словахъ этихъ указано дѣйствительно любопытное явленіе, и мы увидимъ въ свое время, что Салтыковъ дѣлаетъ любопытные тоже выводы изъ него. Спора нѣтъ, ходятъ около толпы и пустоплясы, ходятъ иногда съ видомъ людей, горячо и самостоятельно убѣжденныхъ, такъ что могутъ даже кое-кого въ обманъ ввести. Одни изъ нихъ дѣлаютъ это тогда, когда толпа попадаетъ въ моду (это бываетъ) или вообще когда это, по обстоятельствамъ времени и мѣста, въ какомъ-нибудь отношеніи выгодно. Такіе во всякую данную минуту готовы перемѣнить одну пѣсню на другую, даже безъ всякихъ переходныхъ моментовъ. Перемѣны эти они совершаютъ съ легкимъ сердцемъ, не чувствуя никакой отвѣтственности и не принимая въ соображеніе послѣдствій. Такъ, недавно еще они натравливали „народъ“ на „интеллигенцію“, но имъ ничего не стоитъ и другую пѣсню запѣть. О такихъ Салтыковъ говорилъ: „Сегодня они злобно сѣютъ смуту, а завтра, ежели смута приметъ безпокойные для нихъ размѣры, они будутъ съ тою же холодною злобой кричать: „пали!“ („За рубежомъ“). Но есть и другаго рода пустоплясы, практически не столь отвратительные, но въ своемъ родѣ не менѣе вредные, хотя бы тѣмъ, что они компрометируютъ дѣло и сводятъ его къ пустякамъ и вздору. Мысли ихъ всегда сбиваются на холодную, узкую и тупую доктрину. Слова говорятся громкія и запальчивыя, но на нихъ нѣтъ слѣда ис-

кренней и живой работы мысли. Такіе пустоплясы могутъ цѣлую жизнь вертѣться на какомъ-нибудь кабалистическомъ сочетаніи словъ въ родѣ „духа жизни и жизни духа“ и съ полнѣйшимъ, торжественнымъ самоудовлетвореніемъ переливать изъ пустаго въ порожнее. Или же, упершись лбомъ въ какое-нибудь рѣшеніе, присасываются къ нему, какъ устрица къ скалѣ, и боятся оглянуться по сторонамъ, какъ бы новые факты или новыя точки зрѣнія не повредили принятаго рѣшенія и черезъ это не причинили имъ, пустоплясамъ, безпокойства. Это иногда принимается за твердость убѣжденій, тогда какъ это просто безучастность и трусость мысли. Настоящаго, подлиннаго интереса къ толпѣ нѣтъ и въ этихъ пустоплясахъ, да и мысль ихъ, дряблая и вялая, не выдерживаетъ сколько-нибудь необычнаго напряженія и сколько-нибудь сложной работы, а потому труслива и склонна къ самообману. Не таково положеніе тѣхъ лучшихъ людей, о которыхъ говоритъ Салтыковъ. Безпокойство — ихъ естественный удѣлъ. Конечно, и они, какъ всѣ люди, ищутъ спокойствія, но они понимаютъ, что по дешевымъ цѣнамъ его достать нельзя, то-есть имъ-то нельзя. Они безбоязненно слѣдятъ за всѣми развѣтвленіями занимающаго ихъ вопроса, какія бы горькія и трудныя перспективы передъ ними ни открывались. Обмануть себя словомъ или изворотомъ мысли они не могутъ, да и не хотятъ. Къ числу этихъ лучшихъ людей принадлежалъ и Салтыковъ. При добромъ желаніи, изъ его сочиненій можно понадергать повидимому самыхъ разнородныхъ и даже противорѣчивыхъ выраженій, отзывовъ, сужденій, образовъ, картинъ на тему „проблемы о мужикѣ“: рядомъ съ любовнымъ словомъ найдется жесткое, рядомъ съ угнетающей картиной—свѣтлая. И это разнообразіе можетъ привести узколобаго доктринера въ ужасъ. На самомъ же дѣлѣ это разнообразіе, свидѣтельствующее лишь о сложности изучаемаго круга явленій и о томъ упорствѣ, съ которымъ мысль Салтыкова возвращалась къ „проблемѣ“, о той искренности, съ которою онъ относился къ дѣлу, можетъ быть очень легко сведено къ вполне опредѣленному единству.

IV.

Честъ и совѣсть.

Въ статьѣ о Глѣбѣ Успенскомъ, приложенной къ послѣд-
нему изданію его сочиненій, мнѣ пришлось провести малень-
кую параллель между честью и совѣстью, причемъ я старался
по возможности точно опредѣлить, что именно я разумѣю подъ
этимъ словами, употребляющимися обыкновенно въ довольно
неопредѣленномъ смыслѣ. Параллель эта не понравилась по-
койному О. Ѳ. Миллеру. Въ своей книжкѣ объ Успенскомъ
онъ выразилъ мнѣніе, что слово „честъ“ и самое понятіе о
ней тутъ совсѣмъ излишни. Дескать, слово честъ слишкомъ
пахнетъ феодализмомъ, рыцарствомъ, оно есть только попыт-
ка перевести на нашъ языкъ слово *honneur* „со всѣми бар-
скими и свѣтскими принадлежностями этого термина“. Не въ
обиду будь сказано доброму покойнику, но онъ прибѣгнулъ
въ данномъ случаѣ къ никуда негодному критическому или
полемическому приему. Если писатель употребляетъ какое
нибудь слово въ извѣстномъ, опредѣленномъ смыслѣ, то нель-
зя подсовывать подъ него другой смыслъ и затѣмъ обсуж-
дать этотъ подсунутый смыслъ, оставляя такимъ образомъ
безъ разсмотрѣнія именно то, что хотѣлъ сказать авторъ.
Дѣлаю здѣсь это замѣчаніе потому, что безъ различенія чести
и совѣсти мнѣ было бы трудно разобратъся въ нѣкоторыхъ
взглядахъ Салтыкова, а между тѣмъ можетъ быть многіе
склонны разумѣть честъ исключительно въ смыслѣ „барскихъ
и свѣтскихъ принадлежностей этого термина“. Я иначе по-
нимаю честъ въ ея противоположеніи съ совѣстью.

Прошу читателя припомнить двѣ сказки Щедрина: „Бѣд-
ный волкъ“ и „Баранъ непомнящій“.

Послѣ многихъ лѣтъ душегубства и разбоя, въ нѣкоторомъ
волкѣ произошелъ нравственный переворотъ. Сначала мед-
вѣдь пристыдилъ, что этакая, дескать, жизнь, какую волкъ
ведетъ, жизнь, вся наполненная убійствомъ и мыслию объ
убійствѣ, позорна, и онъ, медвѣдь, на мѣстѣ волка смерть
за благо почиталъ бы. Медвѣжьи доводы волкъ однако отпа-
рировалъ тѣмъ, что онъ въ своей натурѣ не воленъ: хорошо

медвѣдю разсуждать, когда онъ можетъ и овсомъ, и медомъ баловаться, да еще цѣлую зиму спитъ и только лапу сосетъ, а волкъ круглый годъ, каждый день, каждый часъ вынужденъ помышлять о мясѣ. Но среди дальнѣйшаго разбоя попался разъ волку ягненокъ, который такъ особенно жалостно рыдалъ — блеялъ и такъ наивно настойчиво просился къ „мамѣ“, какъ еще не случалось слышать волку. Вспомнились ему тутъ кстати медвѣдевы слова насчетъ позора жизни убійцы, для котораго смерть должна казаться благомъ, и отпустилъ онъ ягненка, да съ тѣхъ поръ и заскучалъ. Волку нельзя безъ убійства прожить, а между тѣмъ весь лѣсъ кругомъ, всѣми звѣриными голосами кричитъ: „проклятый! душегубъ! живорѣзъ!“ И крики эти правдой отзываются въ волчьемъ сердцѣ; чувствуетъ онъ, что, какъ тамъ ни толкуй, а проклинать его многіе имѣютъ право, что онъ въ самомъ дѣлѣ живорѣзъ. Тоска отъ этой непривычной и неразрѣшимой думы довела его наконецъ до того, что онъ сталъ звать смерть. И когда явились охотники, онъ такъ прямо на нихъ и пошелъ: „вотъ она, смерть избавительница!“

Жилъ-былъ баранъ. Хорошій, породистый былъ баранъ и всѣ свои бараньи обязанности какъ слѣдуетъ исправлялъ. Но вдругъ съ нимъ что-то стряслось. Увидалъ онъ сонъ, содержаніе котораго запомнить не могъ, но который оставилъ въ немъ послѣ себя какую-то тревогу, не то горькую, не то сладостную. Сонъ повторялся и все-таки не запоминался, а только пуще тревожилъ. Сталъ баранъ съ тоски чахнуть, и кормъ, и овцы потеряли для него всякій интересъ, а между тѣмъ лицо его становилось все осмысленнѣе и осмысленнѣе, такъ что хоть и не барану, такъ и то въ пору. Точно передъ нимъ какія-то новыя перспективы разстилались, точно ему что-то широкое и заманчивое грезилось. Однажды ночью наступилъ моментъ просіянія. Баранъ опять увидалъ свой сонъ и на этотъ разъ запомнилъ и понялъ. Онъ вскочилъ, изъ груди его вырвалось потрясающее блеяніе, онъ весь ушелъ въ созерцаніе сладостной тайны сна, но не выдержалъ этого зрѣлища и рухнулъ на землю мертвый. Старый овчаръ объяснилъ дѣло такъ: „стало быть вольнаго барана во снѣ увидалъ, увидѣть-то во снѣ увидалъ, а со-

образить настоящимъ манеромъ не могъ. Вотъ онъ сначала затосковалъ, а современемъ и издохъ. Все равно, какъ изъ нашего брата бываетъ“...

Въ волкѣ проснулась совѣсть и измучила его до готовности покончить съ жизнью. Баранъ сталъ такою же жертвою проснувшейся чести. Ясно, полагаю, что здѣсь о какихъ нибудь „барскихъ и свѣтскихъ“ ингредиентахъ не можетъ быть рѣчи. Совѣсть есть сознаніе виновности, преступности. Принимаясь за свою щемящую работу, она ставитъ передъ человѣкомъ образы замученныхъ, оскорбленныхъ, притѣсненныхъ имъ, картины совершенныхъ имъ насилій, обмановъ, звучитъ у него надъ ухомъ стонами, упреками, жалобами, и, плотно обступивъ всѣмъ этимъ, требуетъ искупительной жертвы. Жертвы эти приносятся разными людьми на разный манеръ, но во всякомъ случаѣ это должна быть жертва, лишеніе и, прежде всего, конечно, отказъ отъ того склада жизни, противъ котораго протестуетъ совѣсть. И если человѣкъ, несмотря на всѣ побужденія совѣсти, не можетъ отъ него отказаться, не можетъ переломить свою натуру или привычку, онъ долженъ принести въ жертву свою жизнь, кончить такъ, какъ кончилъ волкъ. Только смертью утоляются въ такомъ человѣкѣ угрызенія совѣсти. Честь, напротивъ, есть сознаніе напрасно претерпѣнныхъ обидъ и оскорбленій. Человѣку проснувшейся чести не въ чемъ винить себя: онъ ни передъ кѣмъ не виноватъ, а передъ нимъ можетъ быть и есть виноватые. Проснувшаяся честь терзаетъ его картинами вынесеннаго имъ срама и насилія, и для утоленія этихъ терзаній нужны не лишенія какія нибудь, не жертвы, а напротивъ просторъ всѣмъ сдавленнымъ дотолѣ силамъ, удовлетвореніе всѣхъ притиснутыхъ насиліемъ или обманомъ запросовъ души. Если однако этотъ просторъ и это удовлетвореніе по обстоятельствамъ недостижимы, человѣкъ проснувшейся чести опять-таки долженъ принести себя въ жертву. Онъ могъ терпѣть и жаться, пока сознаніе не освѣтило для него унижительность этого положенія, но сознательно выносить его онъ не можетъ: подобно „барану непомнящему“, повидавшему „вольнаго барана“, но чувствующему, что это только видѣніе, которому не осуществиться, онъ долженъ умереть.

Эти двѣ драмы, съ такимъ именно смертельнымъ исходомъ, не составляютъ зауряднаго явленія, но все-таки бывають и въ дѣйствительной жизни. Само собою разумѣется, однако, что въ большинствѣ случаевъ драмы, обусловленные пробужденіемъ чести или совѣсти, отличаются болѣе мягкимъ характеромъ. Во-первыхъ, совѣсть и честь не всегда бывають такъ неумолимо строги, какими онѣ оказались для бѣднаго волка и барана непомнящаго; здѣсь возможны разные компромиссы и половинчатые сдѣлки. Во-вторыхъ, и положеніе героевъ драмы не всегда такъ безвыходно, какъ положеніе бѣднаго волка и непомнящаго барана, которые дѣйствительно только смертью могутъ быть избавлены отъ мученій; для другихъ возможны другіе исходы или по крайней мѣрѣ попытки исхода. Есть наконецъ огромное число людей, въ которыхъ совѣсть и честь совсѣмъ, никогда не пробуждаются.

„Пою похвалу силѣ и презрѣніе къ слабости“. Такъ начинается глава „Хищники“ въ „Признакахъ времени“. Сатирикъ не выдерживаетъ однако этой программы: не выходитъ у него ни похвалы силѣ, ни презрѣнія къ слабости. Оказывается, что сила, то-есть тотъ сортъ силы, который составляетъ предметъ его вниманія и наблюденія, имѣетъ склонность ломать настежь отворенныя двери и брать приступомъ крѣпости, никакимъ гарнизономъ не защищаемыя; ея представители суть „рыцари безнаказанной оплеухи“. Они никогда не рискуютъ вступать въ сколько-нибудь равную борьбу, но за то горе тѣмъ, кто не сопротивляется, кто самъ подставляетъ шею подъ ихъ удары! Тутъ они остервеняются и, натѣшившись въ волю, требуютъ еще, чтобы поруганная, избитая слабость имѣла довольный видъ и „благодарила за науку“. Такой двусмысленной силѣ пожалуй что и не за что пѣть похвалу, потому что она даже и не сила. Съ другой стороны мудрено питать презрѣніе къ той слабости, которая сама лѣзетъ въ петлю. Это до такой степени противостоитъ и ни съ чѣмъ несообразно, что можетъ только вызывать вопросъ: „сквозь какое наслоеніе горечей, недоумѣній и нравственныхъ противорѣчій нужно было пройти, чтобы получить въ результатъ чудовищную бессмыслицу, дающую право гражданства косвенному самоубійству?“ Такимъ обра-

зомъ, вмѣсто похвалы силѣ и презрѣнія къ слабости, получается лишь недоумѣніе по поводу ихъ взаимныхъ отношеній. Недоумѣніе осложняется смутнымъ чувствомъ стыда, но за кого при этомъ стыдно, — авторъ затрудняется рѣшить. Онъ находитъ тутъ даже этимологическія затрудненія. „Станешь придумывать, — говоритъ онъ, — какимъ именемъ назвать эти странныя отношенія, вслѣдствіе которыхъ ломать отворенную дверь признается болѣе умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ, нежели ломать дверь, замкнутую на запоръ, и не придумаешь... И застыдишься“...

Я думаю, что силѣ, выбирающей для разгрома отворенную дверь, силѣ, не только давящей слабость, а еще издѣвающейся надъ ней и требующей благодарныхъ ликованій „за науку“, приличествуетъ названіе безсовѣстной силы. Слабость же, не просто погибающая подъ давленіемъ силы, а покорно подставляющая ей шею и даже извлекающая иногда изъ этой покорности нѣкоторыя эфемерныя выгоды мѣрою въ вершокъ, можетъ быть названа безчестною слабостью. Салтыковъ нигдѣ не употребляетъ этихъ выраженій, но самыя отношенія, ими опредѣляемые, его очень занимали. Кромѣ вышеупомянутыхъ „Бѣднаго волка“ и „Барана непомнящаго“, на разныхъ вариацияхъ этого мотива построены и многія другія его экскурсіи въ область животнаго эпоса. Припомнимъ нѣкоторыя, наиболѣе выразительныя. Въ „Самоотверженномъ зайцѣ“ волкъ мучительно издѣвается надъ зайцемъ: сажаетъ его подъ кустъ и велитъ тамъ ждать смерти, а самъ съ волчихой и волчатами мимо похаживаетъ, посмѣивается, да приговариваетъ: „а можетъ быть... ха-ха... я тебя и помилую!“ Словомъ, это — полное воплощеніе совершенно безсовѣстной силы и, въ качествѣ такового, натурально возбуждаетъ омерзѣніе. Что же касается жертвы волчьяго насильничества и издѣательства, то какой-то толчекъ въ процессъ творчества не допустилъ сатирика воплотить въ ней съ такою же обнаженностью безчестную слабость. Готовность, съ которою самоотверженный заяцъ самъ идетъ на встрѣчу мучительскимъ замысламъ волка, конечно, не свидѣтельствуетъ о присутствіи въ немъ чести, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣйствительно самоотверженно, цѣною собственной гибели, спасаетъ другого

зайца, и это скрашивает его фигуру. Въ „Карасѣ - идеалистѣ“ жертва еще симпатичнѣе, потому что и слабѣ-то карась только физически, духъ же его бодръ; за то щука опять-таки воплощенная безсовѣстная сила. (Таковы же отношенія въ діалогѣ Свиньи съ Правдой, въ „За рубежомъ“). Въ „Здравомысленномъ зайцѣ“ сатирикъ уже сурово относится къ жертвѣ безсовѣстной силы. Жертва эта, конечно, возбуждаетъ жалость, но все-таки это уже несомнѣнно безчестная слабость, старающаяся льстить своей жестокой мучительницѣ, угождать ей, и охотно соглашающаяся принять участіе въ предложенной лисою мучительской игрѣ, лишь бы еще хоть нѣсколько минутъ протянуть свою жалкую жизнь.

Я не буду слѣдить за Салтыковымъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ рисуетъ пробужденіе совѣсти или чести и взаимныя отношенія безсовѣстной силы и безчестной слабости. Ограничимся тою группою этихъ явленій, которая соприкасается съ „проблемой о мужикѣ“.

Изъ крутогорскихъ салоновъ и канцелярій „Губернскіе очерки“ переносятъ насъ прямо въ среду странниковъ и богомольцевъ. Вотъ отставной солдатъ Пименовъ. Онъ пробирается пѣшечкомъ къ Святой горѣ, но ужъ и раньше не мало исходилъ по святымъ мѣстамъ. Бывалъ и въ пустынѣ. Онъ знаетъ, что въ пустыню разное людей толкаетъ, между прочимъ, и грѣховное, но есть однако „и такіе, которые истинно отъ страстей мірскихъ въ пустыню бѣгутъ, и ни о чемъ больше не думаютъ, какъ бы душу свою спасти“. Эти „дотолѣ плотъ въ себѣ умерщвляютъ, что она у нихъ прозрачна и суха содѣлывается, такъ что видомъ только плотъ, а существомъ и похожаго на нее нѣтъ“. Пименычъ рассказываетъ про одного такого великаго постника, что онъ прежде былъ разбойникомъ, да вдругъ съ чего-то заскучалъ и „всѣ душегубства его непрестанно предъ глазами его обьявлялись и всюду за нимъ преслѣдовали“. Онъ и ушелъ въ пустыню. На вопросъ, не скрывался ли онъ тамъ отъ наказанія, Пименычъ отвѣчалъ: „Если человѣкъ самъ свое прежнее непотребство восчувствовалъ, такъ наврядъ и палачъ его столь наказать можетъ, сколько онъ самъ себя изнурить и накажетъ. Наказаніе, ваше благородіе, не спасаетъ, а собствен-

ная своя воля спасаетъ“. Какіе грѣхи искупаетъ своимъ странничествомъ самъ Пименычъ, неизвѣстно, но онъ находитъ полное успокоеніе и, между прочимъ, рассказываетъ такъ: „Идешь этта временемъ жаркіимъ, по лѣсочкамъ прохладнымъ, пташка Божія тебѣ пѣсенку поетъ, вѣтерочки мягкіе главу остужаютъ, листочки звуками тихими въ ушахъ шелестятъ... и столько становится для тебя радостно и незаботно, что даже плакать можно“. Любопытно, что тѣмъ же эпическимъ языкомъ рассказываетъ и герой „Развеселаго житья“: „Хорошо вѣдь у насъ въ лѣсу бываетъ. Лѣтомъ, какъ сойдетъ это снѣгъ, ровно все кругомъ тебя заговорить. Зацвѣтутъ это цвѣты-цвѣтики, прилетитъ птичка малиновочка, застучитъ дятель, закукуетъ кукушечка, муравьи въ землѣ закопошутся — и не вышелъ бы! Травка малая подъ сосной зябеть, и та словно родная тебѣ. А начнетъ этта лѣсъ гудѣть, особливо объ ночь — и вѣтру не чутъ, и верха не больно, чтобы шаталися, — а гудеть! Такъ гудеть, что даже земля многіе десятки верстъ ровно стонетъ. Столь это хорошо, что даже сердце въ тебѣ разыграетъ!“ — Несмотря однако на то, что Пименычъ и герой „Развеселаго житья“ говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, а мѣстами даже почти одними и тѣми же словами, они люди совершенно различныхъ категорій. Пименычъ есть явно человѣкъ проснувшейся совѣсти, которому удается то, что не удалось „бѣдному волку“: переломить себя, совлечь съ себя ветхаго Адама и заглушить угрызения совѣсти лишеніями, скитальчествомъ, изможденіемъ плоти. Иванъ (такъ зовутъ героя „Развеселаго житья“) есть напротивъ человѣкъ пробудившейся чести. Положимъ, что онъ просто разбойникъ, но, усвоивъ ему начало чести въ нашемъ условномъ смыслѣ этого слова, я не становлюсь въ противорѣчіе съ Салтыковымъ. Та часть „Губернскихъ очерковъ“, которая носитъ подзаглавіе „Въ острогѣ“, открывается размышленіемъ о томъ, что привело въ острогъ его обитателей: „постепенно-ли, съ юныхъ лѣтъ развращаемая и наконецъ до отупенія развращенная воля, или просто жгучее чувство личности долго не признаваемое, долго сдерживаемое въ разѣдающей борьбѣ съ самимъ собой и наконецъ разорвавшее всѣ преграды и, какъ вышедшая изъ береговъ рѣка, унесшее

въ своемъ стремленіи все—даже бѣднаго своего обладателя?“ Это жгучее чувство личности и есть проснувшаяся честь, и таковъ именно герой „Развеселаго житья“. Онъ—дворовый человѣкъ, не стерпѣвшій обидъ и притѣсненій помѣщика и бѣжавшій въ лѣсъ, гдѣ уже ему пожалуй что и нечего больше дѣлать было, какъ отдаться „развеселому житью“. Правда, можетъ быть въ тѣхъ же самыхъ лѣсахъ бродить Пименычъ, не только не разбойничая, а спасая свою душу. Но Ивану не въ чемъ каяться, а, значить, не съ чего и вериги надѣвать, онъ называетъ себя „замученнымъ, безталаннымъ, безчастнымъ, сиротой — сиротскимъ сыномъ“. Можетъ быть онъ встрѣтится какъ-нибудь въ лѣсу съ Пименычемъ и тотъ сумѣетъ разбудить въ немъ совѣсть, и станетъ онъ постомъ и молитвой искупать свои разбои, но пока-что, онъ еще полонъ своею, частью съ бою взятой, частью украденной вольною волей, и ни въ чемъ иномъ успокоенія найти не можетъ. Есть, правда, еще одинъ выходъ, тотъ, который выбрали его сосѣди по „Невиннымъ разговорамъ“, малютки Миша и Ваня. Но этотъ выходъ не по немъ. Миша и Ваня тоже не стерпѣли насильствъ своей барыни (можетъ, имъ своего рода „вольный баранъ“ приснился) и зарѣзались, въ томъ расчетѣ, что на томъ свѣтѣ расскажутъ Богу все: „какъ насъ Катерина Аѳанасьевна мучила, какъ намъ жить тошнохонько стало, какъ насъ день-деньской все били... все-то били, все-то тиранили!“

Такъ пробуждаются въ народной средѣ совѣсть и честь. Пробужденіе совершается въ атмосферѣ невѣжества, преступленія и отчаянія, но и за всѣмъ тѣмъ свѣтится своеобразнымъ поэтическимъ свѣтомъ. Имъ-то и любовался Салтыковъ въ періодъ „Губернскихъ очерковъ“ и „Невинныхъ разговоровъ“. И Пименычъ, и другіе странники и богомольцы рассказываютъ много вздора, но критически относиться къ этому вздору и въ голову Салтыкову не приходитъ; онъ негодуетъ на станціоннаго писаря, который, въ своей писарской образованности, перебиваетъ рассказъ Пименыча скептическими замѣчаніями. Пусть все, что рассказываетъ Пименычъ, вздоръ, но не вздоръ его наивная вѣра въ этотъ вздоръ, не вздоръ то искреннее чувство, которое неудержимо толкаетъ Пиме-

ныча къ подвигу искупленія грѣховъ. Художникъ не анализируетъ, а только любитъ красотою даннаго положенія. То же и съ Иваномъ изъ „Развеселаго житья“.

Такъ было, повторяю, въ періодъ „Губернскихъ очерковъ“ и „Невинныхъ разсказовъ“. Позже Салтыковъ вышелъ изъ сферы безмятежнаго художественнаго созерцанія народной жизни, и передъ нимъ встала во всей своей глубинѣ и обширности „проблема о мужикѣ“. Прежде всего его поразило, какъ отражаются на народной жизни взаимныя отношенія безсовѣстной силы и безчестной слабости. Въ самомъ приступѣ къ „Сатирамъ въ прозѣ“ онъ разсказываетъ и подробно анализируетъ слѣдующее происшествіе, котораго самъ онъ былъ очевидцемъ. Дѣло было на рѣкѣ. Начальство распорядилось, чтобы ни одна изъ плывущихъ по рѣкѣ барокъ и лодокъ не смѣла переплывать за паромный ходъ, пока не свалить весь народъ. Въ распоряженіи этомъ не было никакой надобности, потому что, покуда машина нагружается, сотни лодокъ успѣли бы переплыть по ту сторону паромнаго хода. Тѣмъ не менѣе, вся рѣка замерла. Но одна лодка, наконецъ, соскучилась и двинулась. Начальство тотчасъ откомандировало „своего дантиста для преслѣдованія и наказанія ослушника“.

„Преслѣдуемый, какъ только завидѣлъ дантиста, не пустился на утекъ, какъ можно бы было ожидать, но показалъ рѣшимость духа изумительную, т. е. пересталъ грести и, сложивъ весла, ожидалъ. Мнѣ показалось даже, что онъ заранѣе и инстинктивно далъ своему тѣлу наклонное положеніе, какъ бы защищаясь только отъ смертнаго боя. Ну, натурально, дантистъ орломъ налетѣлъ, и черезъ минуту воздухъ огласился воплями раздирающими, воплями, выворачивающими наизнанку человѣческія внутренности. А толпа была весела, толпа развратно и подло хохотала. „Хорошень его! Хорошень его!“ — неистово гудѣла тысячеустая. „Накладывай ему! накладывай! вотъ такъ!“ — вторила она мѣрному хлопанью кулаковъ. Только одинъ нашелся честный старикъ, который не вытерпѣлъ и прошепталъ: „разбойники!“ Но и тотъ, замѣтивъ, что я разслышалъ невольный его вздохъ, какъ-то измѣнился въ лицѣ и сталъ робко пробираться сквозь толпу на ту сторону парома“.

Таковъ голый фактъ, остановившій на себѣ вниманіе сатирика. Онъ начинаетъ его разбирать. Почему человѣкъ, преслѣдуемый дантистомъ, даже не попытался бѣжать, а сложилъ весла? Потому, что онъ вѣритъ въ вѣчное, неотрази-

мое торжество силы, и одного появленія силы достаточно, чтобы онъ поступилъ подобно кролику, сваливающемуся въ пасть боа. Почему же онъ однако, не убоявшись возмездія, поплылъ куда не велѣно было? Потому, что ему изъ практики извѣстно, что сила не всегда дерется, а иногда и улыбается; онъ рассчитывалъ на случайность. Для чего онъ придалъ своему тѣлу наклонное положеніе, охраняя голову отъ ударовъ? Для того, что его хотѣли только прибить, а не убить. Онъ не дорожитъ жизнью въ качествѣ „блага, одному ему принадлежащаго, блага, которымъ никто посторонній не имѣетъ права располагать по своему произволу“; онъ только привыкъ жить. Онъ не пойдетъ открыто на встрѣчу смерти, но встрѣтитъ ее равнодушно, когда она сама придетъ къ нему. Онъ будетъ „охать да вывать къ батюшкамъ и матушкамъ, но защищаться не станетъ ни подъ какимъ видомъ“. Ну, а толпа? „Отчего ее не прорвало при видѣ этой гнусной расправы съ однимъ изъ своей среды?“ Очевидно, она не доросла до „сознанія, что нельзя наказывать не только смертнымъ, но и никакимъ боемъ, и не только такое преступленіе, какъ нарушеніе безсмысленнаго приказанія паромнаго унтеръ-офицера, но и всякое другое преступленіе, хотя бы оно было во сто разъ тяжеле и хотя бы отданное приказаніе было не безсмысленно“. Во всей рассказанной исторіи утѣшителенъ только одинъ фактъ, — старикъ, который вздохнулъ: „разбойники!“ Но и онъ сейчасъ же струсилъ и стушевался.

Въ „Письмахъ изъ провинціи“ нѣсколько подобныхъ же фактовъ подвергаются такому же разбору. Но мы, краткости ради, удовольствуемся приведеннымъ.

Мы очевидно очень далеко отошли отъ поэтическихъ образовъ Пименыча и Ивана. Они остаются такими же свѣтлыми, неприкосновенными съ своей пробужденной совѣстью и честью; происшествіе на рѣкѣ не кладетъ на нихъ ни малѣйшей тѣни. Скорѣе отъ нихъ падаетъ мрачная тѣнь на безчестную слабость жертвы произвола паромнаго унтеръ-офицера и въ особенности толпы, которая не только не возмутилась зрѣлищемъ избіенія, но еще „развратно и подло“ приняла пассивное участіе въ немъ сочувственными криками. Къ раз-

нымъ проявленіямъ и развѣтвленіямъ этой стороны народной жизни Салтыковымъ было обращено не мало жесткихъ словъ. И онъ имѣлъ право говорить эти жесткія слова, не только въ качествѣ сатирика, но самой задачѣ своей гнѣвно или съ насмѣшкой подчеркивающего тѣневую сторону жизни. Не говоря о правѣ всякаго человѣка называть кошку кошкой и низость низостью, Салтыковымъ руководила въ настоящемъ случаѣ та „ненавидящая любовь“, которая въ самой себѣ почерпаетъ вѣщающее право строгаго сужденія. Не холодная злоба пустопорожняго человѣка и не дешевое презрѣніе карлика, сидящаго на плечахъ великана, слышатся въ его жесткихъ словахъ по адресу народа, а глубокая скорбь и постоянная дума о выходѣ изъ того положенія, которое вызываетъ жесткія слова. Есть люди, у которыхъ на языкѣ медь, а въ сердцѣ ледъ. Такіе, въ своемъ стремленіи говорить комплименты народу (когда онъ въ модѣ), готовы закрывать глаза передъ фактами въ родѣ вышеприведеннаго. Но не можетъ этого сдѣлать человѣкъ, котораго такой фактъ ударилъ по сердцу и которому поэтому дѣйствительно нужна истина, чтобы по мѣрѣ силъ способствовать устраненію подобныхъ фактовъ. Закрывая передъ ними глаза, мы способствуемъ на-противъ ихъ неприкосновенности, да самихъ себя мажемъ по губамъ, — только и всего. Салтыкову, съ восторгомъ ощущавшему, что „въ его сердцѣ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для него самого, пріобщаетъ его къ первоначальнымъ и вѣчно быющимъ источникамъ народной жизни“ („Святочный рассказъ“); Салтыкову, окружившему смерть Миши и Вани ореоломъ великомученичества, отдыхавшему отъ пустоты и дрянности крутогорскихъ салоновъ и канцелярій на пробужденной совѣсти Пименыча и пробужденной чести Ивана, — Салтыкову обиднѣе и больнѣе, чѣмъ кому-нибудь, видѣть на этомъ самомъ мѣстѣ безчестную слабость. Обида и боль выражалась жесткими словами.

Существуетъ или, вѣрнѣе, существовало мнѣніе, что кульминаціонный пунктъ этой жесткости составляетъ „Исторія одного города“, въ которой, дескать, Щедринъ, не довольствуясь настоящимъ, проникъ въ глубь исторіи и тамъ потщился опозорить самые корни народной жизни. Мнѣніе это,

и прежде конечно неосновательное, надо теперь считать окончательно сданнымъ въ архивъ за негодностью, въ виду письма Салтыкова къ г. Пышину, написанному еще въ 1871 г., но опубликованному только теперь (*Вѣстникъ Европы*, 1889 г., № 6). Огорченный отзывомъ *Вѣстника Европы* объ „Исторіи одного города“, Салтыковъ въ частномъ письмѣ къ г. Пышину разъяснилъ свои истинныя намѣренія. „Историческая сатира вовсе не была для меня цѣлью, писалъ Щедринъ,— а только формой“. Въ числѣ другихъ формъ, онъ воспользовался и этой, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, „тѣ же самыя основы жизни, которыя существовали въ XVIII вѣкѣ, существуютъ и теперь“. Далѣе Салтыковъ дѣлаетъ указаніе, чрезвычайно важное для характеристики его отношенія къ народу: „Въ словѣ „народъ“ надо отличать два понятія: народъ историческій и народъ, представляющій собою извѣстную идею... Первому, выносящему на своихъ плечахъ Бородавкиныхъ, Бурчеевыхъ и т. п., я дѣйствительно сочувствовать не могу. Второму я всегда сочувствовалъ и всѣ мои сочиненія полны этимъ сочувствіемъ“.

Салтыковъ отлично понималъ то, что многимъ дается лишь съ трудомъ или даже вовсе не дается, а именно, что конкретныя явленія жизни сплошь и рядомъ представляютъ собою такой конгломератъ добра и зла, который никоимъ образомъ нельзя цѣликомъ вставить въ рамку одного какого-нибудь принципа. Въ виду такихъ сложныхъ явленій, мыслящій человѣкъ долженъ произвести операцію отвлеченія, выдѣлить изъ нихъ то, что соотвѣтствуетъ извѣстному принципу, и поставить совершенно особо отъ того, что ему не соотвѣтствуетъ или даже прямо противорѣчитъ. Такъ Салтыковъ и дѣлалъ. Я уже упоминалъ о „Снѣ въ лѣтнюю ночь“ и о горячей рѣчи Крамольникова на юбилеѣ Мосейча. Это profession de foi самого Салтыкова. Онъ говоритъ о трудовой „лептѣ русскаго крестьянскаго малютки“, которая „святѣе и умильнѣе“ лепты вдовицы; „о скромномъ, безпримѣрномъ геройствѣ русской крестьянки, никогда не прекращающемся, не ослабѣвающимъ“; о „сплошной страдѣ“, составляющей жизнь русскаго крестьянина. Трудъ — вотъ тотъ элементъ народной жизни, для возвеличенія котораго Салтыковъ не останавли-

вается передъ провосходною степенью самыхъ яркихъ эпитетовъ. Сатирикъ обращается въ панегириста. Но скорбный это выходитъ панегирикъ. Свѣтлыхъ ноть торжества въ немъ не слышится. Рѣчь Крамольникова кончается слезами:

„О, господа! я — человѣкъ уже въ лѣтахъ, и мнѣ стыдно плакать, но я чувствую, что слезы неудержимо подступаютъ къ глазамъ моимъ! Онѣ грозятъ прервать мою рѣчь въ самомъ началѣ ея, ибо передо мною стоитъ еще вопросъ громадной важности, котораго я до сихъ поръ не коснулся,—вопросъ о томъ, какія радости, какія удобства и льготы купилъ себѣ русскій крестьянинъ цѣною столькихъ опасностей и непосильныхъ трудовъ?“

Вопросъ остается безъ отвѣта, потому что какъ разъ на этомъ мѣстѣ юбилей Мосеича обрывается постороннимъ обстоятельствомъ. Но отвѣтъ извѣстенъ изъ другихъ произведеній Салтыкова: никакихъ радостей, никакихъ удобствъ и льготъ. Какъ это вышло? почему? Эти дальнѣйшіе вопросы, какъ мы уже видѣли, постоянно занимали Салтыкова и стояли передъ нимъ въ видѣ какой-то чудовищной загадки. А тутъ еще сцены въ родѣ вышеприведенной, у парома. Казалось бы, человѣкъ труда равно гарантированъ противъ превращенія какъ въ безсовѣстную силу, такъ и въ безчестную слабость. Ему не нужно ни насильничество, ни претерпѣніе насилія, онъ самъ себѣ довлѣетъ и можетъ не имѣть никакого, ни пассивнаго, ни активнаго отношенія къ зависимости. Такъ оно и есть въ принципѣ, въ отвлеченіи. Но тутъ-то и является на сцену „историческій народъ“, то-есть тѣ наслоенія, которыя исторія наложила на принципъ труда и его представителей. И можетъ быть тотъ же самый Мосеичъ, на юбилеѣ котораго Крамольниковъ говорилъ свою горячую рѣчь, игралъ ту или другую роль въ происшествіи у парома.

Русскій мужикъ „бѣденъ всѣми видами бѣдности, какіе только можно себѣ представить“... Но это еще было бы дѣломъ сравнительно легко поправимымъ, еслибы онъ сознавалъ свою бѣдность, а этого-то признанія ему и не хватаетъ. Или, въ болѣе обобщенной формѣ: „Человѣкъ массы мало того, что страдаетъ, онъ сверхъ того имѣетъ самое слабое сознание этого страданія; онъ смотритъ на него, какъ на прирож-

денный грѣхъ, съ которымъ не остается ничего другого дѣ-
 лать, какъ только нести его, насколько хватитъ силъ“. Не
 мудрено, что при этомъ условіи „толпа до сихъ поръ сѣумѣ-
 ла выработать изъ себя только слѣпое орудіе, при помощи
 котораго могутъ свободно проявлять себя въ мірѣ всевоз-
 можныя темныя силы“. Какъ ни возмутительны, однако, под-
 часъ истекающія отсюда проявленія безчестной слабости,
 Салтыковъ слишкомъ хорошо видитъ ея причины и слишкомъ
 высоко цѣнитъ другія стороны русскаго мужика, чтобы пре-
 зрительно, но совершенно безплодно „обзывать мужика му-
 жикомъ“. Въмѣсто этого мало остроумнаго занятія онъ совѣ-
 туетъ „дать себѣ трудъ изобразить наши собственные исто-
 ріографскіе наѣзды противъ этого самаго мужика“. Мы ви-
 дѣли ту бережность, съ которою Щедринъ относится къ жер-
 твамъ безсовѣстной силы въ своемъ животномъ эпосѣ; ту
 неохоту, съ которой онъ рисуетъ безчестную слабость, вездѣ
 стараясь скрасить ее какой-нибудь комбинаціей добрыхъ
 чувствъ. Въ сферѣ канцелярій, редакцій, салоновъ, тракти-
 ровъ онъ такъ не церемонится. Достаточно припомнить фи-
 гуру Очищеннаго въ „Современной идилліи“. Этотъ „злока-
 чественный старикъ“ былъ прежде помѣщикомъ и судился за
 злоупотребленіе помѣщичьей властью. Значитъ, въ началѣ
 своей исторіи онъ былъ рыцаремъ безнаказанной оплеухи,
 представителемъ безсовѣстной силы, а кончаетъ онъ тѣмъ,
 что носитъ на щекѣ своей таксу безчестія и только и ждетъ,
 чтобы его кто-нибудь сильный изувѣчилъ или по крайней
 мѣрѣ обругалъ. Въ отношеніяхъ Салтыкова къ народу нѣтъ
 и слѣда такого безжалостнаго презрѣнія. Онъ утверждаетъ,
 что „вся наша умственная дѣятельность въ этомъ случаѣ
 должна быть обращена не къ обвиненіямъ, а исключительно
 къ тому, чтобы отыскать для массъ выходъ изъ той глубокой
 безсознательности, которая равно вредна для нихъ, какъ и
 для насъ“. („Письма изъ провинціи“). Самъ чувствуя эту
 особливую нѣжность и бережность, онъ спрашиваетъ: „поче-
 му представленіе о толпѣ, несмотря на явную ея жестокость,
 дикость и неразвитость, имѣетъ для насъ нѣчто заманчивое
 и симпатичное?“ Резоны для этого оказываются очень вѣскіе.
 Не говоря о тѣхъ, если можно такъ выразиться, красотахъ

народной жизни, которыя обусловливаются трудовымъ началомъ, для разныхъ происходящихъ въ ней возмутительныхъ вещей есть сильно смягчающія обстоятельства. Если „историческій народъ“ въ томъ или другомъ отношеніи нехорошъ, то за оправданіемъ его не далеко ходить, оно заключается въ прилагательномъ „историческій“. Тяжелый наслѣдственный опытъ воспиталъ ту безучастность къ чужому горю, которую мы часто можемъ наблюдать въ народной жизни, и то рабѣиное отношеніе къ силѣ, которое встрѣчается еще чаще. Притомъ же эта жестокость и это преклоненіе передъ силой не представляютъ собою чего-нибудь вполне сознательнаго: мальчикъ безъ штановъ не продалъ душу чорту, а отдалъ ее даромъ. Поэтому здѣсь нѣтъ и не можетъ быть мѣста обвиненій, а есть мѣсто только скорби за печальное настоящее и заботамъ о лучшемъ будущемъ. Затѣмъ, въ качествѣ мотива любовнаго отношенія къ народу, выступаетъ та „фатальная“ связь людей мысли съ народомъ, о которой я уже говорилъ въ прошлой главѣ. Фактъ, указанный Салтыковымъ, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Исторія дѣйствительно показываетъ, что „тѣ люди, которыхъ мы не безъ основанія называемъ лучшими, всегда съ особенною любовью обращались къ толпѣ, и что только тѣ политическіе и общественные акты получали дѣйствительное значеніе, которые имѣли въ виду толпу“. Комментаріи Салтыкова къ этому факту чрезвычайно оригинальны.

„Тутъ, въ этомъ служеніи толпѣ, имѣется даже очень ясный эгоистическій расчетъ, ибо, какъ бы мы ни были развиты и обеспечены, мы все-таки до тѣхъ поръ не получимъ возможности быть нравственно покойными и мирно наслаждаться нашимъ развитіемъ, покуда все, что насъ окружаетъ, не придетъ хотя въ нѣкоторое съ нами равновѣсіе относительно матеріальнаго и духовнаго благосостоянія. Человѣкъ нуждается въ обществѣ себѣ подобныхъ совсѣмъ не по капризу, а потому, что природа его по преимуществу общительная. Слѣдовательно, стоя на недосыгаемой высотѣ, онъ тѣмъ сильнѣе почувствуетъ свое одиночество, чѣмъ забитѣе и безотвѣтнѣе будетъ масса, которой чуждается его гордая мысль“.

Притомъ же, „мы не можемъ считать себя водворенными въ міръ законности, пока представленіе о законности не имѣетъ въ понятіяхъ массъ никакого опредѣленнаго смысла Мы

не имѣемъ основанія считать себя обезпеченными отъ неожиданностей, покуда эти неожиданности будутъ имѣть въ массахъ своихъ добровольныя и всегда готовыя къ услугамъ орудія“.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Салтыковъ настаивалъ на сближеніи съ народомъ, причемъ оговаривался, что сближеніе это не должно быть ни славянофильскимъ мистицизмомъ, ни ласкательствомъ предразсудкамъ и дикости, потому только, что они родились въ народѣ. На первый разъ онъ рекомендовалъ „просто изученіе народныхъ нуждъ и представленій, сложившихся болѣе или менѣе своеобразно, но все-таки принадлежащихъ несомнѣнно взрослому человѣку“.

Такъ писалъ Щедринъ въ „Письмахъ изъ провинціи“ въ 1868 г. Двѣнадцать лѣтъ спустя, онъ опять заговорилъ о сближеніи или единеніи съ народомъ въ „За рубежомъ“, но уже, повидимому, въ совсѣмъ другомъ тонѣ. Онъ считалъ это единеніе невозможнымъ. Однако здѣсь нѣтъ противорѣчія съ вышеприведеннымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ сатирика:

„Бываютъ историческія минуты, когда массы преисполняются угрюмостью и недовѣріемъ, когда онѣ сами непостижимо упорствуютъ, оставаясь во тьмѣ и въ недугахъ. Не потому упорствуютъ, чтобы не понимали свѣта и исцѣленій, а потому, что источникъ этихъ благъ заподозрѣнъ ими. Въ такія минуты къ этому валяющемуся во тьмѣ и недугахъ міру нельзя подойти иначе, какъ предварительно погрузившись въ ту же самую тьму и болѣя тою же самою проказой, которая грозитъ его истребить“.

Такою тягостною, мрачною историческою минутой было то время, когда писалось „За рубежомъ“...

Мнѣ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Подъ „толпой“ Салтыковъ не всегда разумѣлъ народъ. Въ „Литературномъ положеніи“ („Признаки времени“) говорится о „толпѣ“, гуляющей по Невскому проспекту и празднословящей на тему объ упадкѣ нравственности „въ простомъ классѣ“. Характерная черта и этой цивилизованной толпы состоитъ въ томъ, что „торжество силы еще отнюдь не утратило въ ея глазахъ рѣшительнаго своего вліянія“. Это та же безчестная слабость...

V.

Благонамѣренныя рѣчи.

Задача сатиры состоитъ въ бичеваніи или осмѣиваніи уклоненій дѣйствительности отъ идеала. Понятно, что не только характеръ и, такъ сказать, объемъ сатиры, но и ея объекты, и направленіе должны измѣняться соотвѣтственно личному элементу, вносимому писателемъ въ тѣ идеалы, съ высоты которыхъ онъ разцѣпываетъ явленія дѣйствительной жизни. Исторія литературы знаетъ сатириковъ, метавшихъ въ своихъ современниковъ громы съ точки зрѣнія общихъ моральныхъ истинъ, знаетъ и такихъ, которые были людьми вполне опредѣленныхъ политическихъ партій, самыхъ крайнихъ въ обѣ стороны. Аристофанъ и Салтыковъ могли бы жить въ одно и то же время, но ихъ сатирическіе удары обрушивались бы на совершенно разные предметы. Есть однако область, въ отношеніяхъ къ которой сходятся сатирики всѣхъ временъ и народовъ, всѣхъ темпераментовъ и оттѣнковъ мысли. Это—область уклоненій дѣйствительности отъ того, что *сама она* признаетъ на словахъ идеаломъ, область розни между словомъ и дѣломъ, между благонамѣренными рѣчами и предосудительными поступками. Тутъ уже по-истинѣ *difficile est satiram non scribere*, каковъ бы ни былъ образъ мыслей сатирика. Конечно, повинную голову не сѣчетъ и сатирическій мечъ, откровенное покаянное признаніе въ слабости характера, не позволяющей уравнивать дѣло съ словомъ, обезоруживаетъ сатирика. Но едва ли найдется во всей исторіи литературы хоть одинъ какой-нибудь сатирикъ, который равнодушно прошелъ мимо обычной психологической связи между нравственной теоріей и безнравственной практикой,—мимо лицемѣрія. Если моралистъ въ родѣ Ларошфуко можетъ щегольнуть утѣшительнымъ парадоксомъ, по которому лицемѣріе есть свидѣтельство уваженія къ добродѣтели, въ тайнѣ питаемаго порокомъ, то для сатирика не можетъ быть ничего ненавистнѣе лицемѣрія. По Салтыкову, «даже отецъ Лжи, который думалъ, что нѣтъ въ мірѣ той подлости, которой бы онъ не произшелъ, и тотъ глаза вытаращилъ», когда увидалъ Лицемѣріе («Добродѣтели и По-

роки»). Лицемѣріе есть по преимуществу объект сатиры. Ему нѣтъ оправданія въ какой-нибудь ошибкѣ мысли, въ какомъ-нибудь заблужденіи, которое можетъ разсѣяться передъ свѣточемъ истины. Вѣрно или невѣрно понимаетъ лицемѣръ вещи, это вопросъ особый, но онъ во всякомъ случаѣ расходится съ своимъ собственнымъ пониманіемъ вещей и практикуетъ какъ разъ противное тому, что самъ исповѣдуетъ и чего отъ другихъ требуетъ. Лицемѣръ ненавистенъ или по крайней мѣрѣ долженъ быть ненавистенъ не только тѣмъ, кто не согласенъ съ его образомъ мыслей, но и своимъ собственнымъ единомышленникамъ, если, конечно, они сами не лицемѣры: онъ вѣдь компрометируетъ ихъ знамя и приносить ему подчасъ больше вреда и позора, чѣмъ самые лютые враги. Открытое такимъ образомъ для сатирическихъ ударовъ со всѣхъ сторонъ, лицемѣріе манитъ къ себѣ сатирика еще сверхъ того чрезвычайнымъ разнообразіемъ своихъ формъ и проявленій. Маску лицемѣрія способны надѣвать и злоба, и развратъ, и предательство, и продажность, и клевета, и насильничество, всяческая низость и гнусность, облекаясь въ такія именно формы соответственныхъ добродѣтелей, которыя, на словахъ по крайней мѣрѣ, особенно цѣнятся въ данномъ обществѣ. Поэтому, сосредоточивъ свое вниманіе даже исключительно на лице мѣри, сатирикъ можетъ предъявить очень полную картину современныхъ ему нравовъ, держа въ то же время почвы тонкаго психологическаго анализа. Такая многосторонняя заманчивость задачи всегда привлекала къ этому пункту крупныя сатирическія силы, и всякій вновь выступающій сатирикъ рискуетъ впасть въ подражаніе, либо создать нѣчто очень слабое по сравненію съ высокими образцами, раньше вложенными въ сокровищницу всемірной литературы. Салтыковъ съ честью вышелъ изъ этой трудности. Его коллекція лицемѣровъ вполне оригинальна и не поблѣднѣетъ отъ сопоставленія съ лучшими произведеніями этого рода европейскихъ писателей.

Но прежде, чѣмъ говорить о характерѣ и размѣрахъ щедринскаго творчества въ этомъ направленіи, надо сдѣлать небольшое побочное замѣчаніе. Говорятъ что, Салтыковъ повторяется, и справедливо говорятъ. Въ «Письмахъ къ тетенькѣ» онъ самъ признаетъ фактическую справедливость этого упрека, но

объясняетъ при этомъ, что, занятый исключительно злобами дня, онъ по необходимости зависитъ отъ нихъ, а онѣ, вотъ уже тридцать лѣтъ, повторяются съ удручающимъ однообразіемъ. Объясненіе это кажется мнѣ недостаточнымъ. Во первыхъ, хотя наши злобы дня дѣйствительно довольно однообразны, но на протяженіи тридцати лѣтъ въ нихъ все-таки неоднократно обнаруживалось движеніе то впередъ, то вспять, что и самимъ Салтыковымъ своевременно отмѣчалось. Во вторыхъ, хотя объясненіе Салтыкова до извѣстной степени справедливо, но есть и другіе резоны, по которымъ онъ повторялся и не могъ не повторяться. Вообще мудрено ожидать, чтобы не повторялся человѣкъ, безъ малаго полвѣка, можно сказать, не выпускавшій пера изъ рукъ и всю эту половину столѣтія не ожидавшій вѣтра, чтобы, подобно флюгеру, повернуться направо или на лѣво, а неуклонно шедшій по одному и тому же пути. Притомъ же Салтыковъ былъ журналистъ, то-есть не просто писатель, болѣе или менѣе спокойно вынашивающій свое произведеніе въ головѣ и сердцѣ, а писатель, повинный спѣшной и срочной работѣ. Это положеніе совсѣмъ особенное, спеціальныя шипы и розы котораго трудно даже усвоить человѣку, не побывавшему въ этой шкурѣ. Между прочимъ бываетъ такъ: извѣстная мысль, извѣстный образъ, цѣлая группа образовъ, только-что возникнувъ, заносятся на бумагу, затѣмъ журналистъ, влекомый волной текущихъ событій, переходитъ къ другимъ мыслямъ и образамъ, а тѣ, первоначальные, продолжаютъ тѣмъ временемъ развиваться, зрѣть, иногда даже безъ вѣдома самого автора и, наконецъ, вновь переступаютъ порогъ сознанія и опять настойчиво просятся на бумагу. Въ произведеніяхъ Салтыкова этотъ процессъ можно наблюдать очень часто. Наконецъ и еще одинъ резонъ для повтореній заключается въ томъ исключительно видномъ положеніи, которое Щедринъ занималъ въ журналистикѣ: ему приходилось съ полемическими цѣлями возвращаться къ сказанному, защищать его, вновь мотивировать, подводить итоги и т. д.

Образчикомъ обоого рода повтореній, то-есть и такихъ, которыя вызваны самимъ процессомъ творчества, совершающагося частью въ нѣдрахъ безсознательнаго, и такихъ, которыя

обусловлены полемическими цѣлями, можетъ служить исторія «Благонамѣренныхъ рѣчей». Такъ озаглавлена группа очерковъ, печатавшихся въ *Отечественныхъ Запискахъ* въ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. Но уже гораздо раньше, въ «Признакахъ времени» находимъ зародышъ «Благонамѣренныхъ рѣчей» въ видѣ наброска или чего-то въ родѣ отмѣтки въ памятной книжкѣ, а затѣмъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ въ изобиліи разсыпаны новыя варіаціи на эту тему, то полемическія, какъ въ «Кругломъ годѣ», то дополнительныя, какъ въ «Убѣжищѣ Монрепо», то достигающія вполне самостоятельнаго значенія, какъ въ «Современной идилліи». и огромной художественной цѣнности, какъ въ выдѣленныхъ изъ «Благонамѣренныхъ рѣчей» «Господахъ Головлевыхъ».

Въ «Признакахъ времени» («Сеничкинъ ядъ») сатирикъ пытается опредѣлить, что такое «благонамѣренность», но затрудняется дать это опредѣленіе, хотя утверждаетъ, что можетъ безошибочно отличить благонамѣреннаго человѣка отъ неблагонамѣреннаго. Благонамѣренному человѣку не возбраняется воровать платки изъ кармановъ, онъ не затруднится съѣсть у Доминика три пирожка, а буфетчику сказать, что съѣлъ одинъ, онъ можетъ проводить время «на балахъ у гостепріимныхъ принцессъ вольнаго города Гамбурга» и вообще совершать всякія дѣйствія, обыкновенно считающіяся предосудительными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ имѣть «хорошій образъ мыслей». Отличительный признакъ хорошаго образа мыслей есть невинность. «Невинность-же есть отчасти отсутствіе всякаго образа мыслей, отчасти же отсутствіе того смысла, который даетъ возможность различить добро отъ зла». Далѣе Щедринъ уклоняется уже въ сторону, именно въ сторону тогдашнихъ литературныхъ пререканій, но въ приведенныхъ словахъ заключается въ зародышѣ основная мысль всѣхъ «Благонамѣренныхъ рѣчей». Конечно, контуры этого зародыша еще слишкомъ мягки, недостаточно рельефно обрисовываются; оригинальная и плодотворная мысль еще только блеснула, не уяснивъ самому автору всѣхъ своихъ развѣтвленій. Въ фактахъ, обнимаемыхъ этою мыслью, не было недостатка и въ ту пору, какъ видно уже изъ того, что впослѣдствіи Салтыковъ вставилъ въ «Благонамѣренныя рѣчи» очеркъ, посвященный

еще болѣе раннему времени, — времени крымской войны («Тяжелый годъ»). Но факты эти лежали пока подъ спудомъ, не оплодотворенные творческой силой, въ ожиданіи «Благонамѣренныхъ рѣчей».

«Благонамѣренныя рѣчи», то есть тотъ сборникъ, который Салтыковъ самъ такъ озаглавилъ, рисуютъ намъ рядъ отдѣльных эпизодовъ изъ обширной картины умственной смуты по поводу потрясенія «основъ». Кругомъ раздаются громкія рѣчи о неприкосновенности собственности, о священномъ характерѣ семьи, о незыблемости государства; рѣчи, можно сказать, ультра-благонамѣренныя и, должно быть, нужныя, потому-что, еслибы все обстояло благополучно, такъ съ чего же и кричать? Вглядываясь въ современные нравы, сатирикъ открываетъ, что принципамъ собственности, семьи и государства дѣйствительно наносятся чувствительные удары. Дѣло однако не въ преступникахъ, предусмотрѣнныхъ закономъ и караемыхъ судомъ. Таковыя всегда были, а потому наличность ихъ, вообще говоря, не составляетъ характерной для какого-нибудь опредѣленнаго времени черты. Да если, по обстоятельствамъ, размѣры, характеръ и число преступленій и могутъ войти въ составъ признаковъ даннаго времени, такъ на нихъ есть и другія управы, кромѣ сатиры. Совсѣмъ иное дѣло, когда, напримѣръ, «мошенничество является одною изъ формъ общежитія», установившеюся, никого не возмущающею; когда оно облекается въ непроницаемая для суда формы, а общественное мнѣніе негодуетъ не на мошенниковъ и грабителей, а на ограбленныхъ: дураки, дескать, такъ имъ и надо, — на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ! Бѣглый очеркъ этого страннаго порядка вещей Салтыковъ дѣлаетъ въ главѣ «Въ дорогѣ», которая представляетъ какъ бы прелюдію къ «Благонамѣренными рѣчамъ» и въ которой слово «дуракъ» вездѣ является синонимомъ ограбленнаго или обманутаго, а грабители и мошенники оказываются просто умными, ловкими, а иногда даже «прекраснѣйшими людьми». «Основы» терпятъ при этомъ явный ущербъ, но, удивительнымъ образомъ, этого не замѣчаютъ. А еще удивительнѣе, что именно отсюда-то главнымъ образомъ и гремятъ благонамѣренныя рѣчи. Можетъ-ли это быть? Можетъ-ли воръ вопіять о неприкосно-

венности собственности, или прелюбодѣй о священномъ характерѣ семьи, или поставщикъ гнилыхъ подошвъ на отечественную армію о любви къ отечеству и народной гордости? Оказывается, можетъ, такъ, что и самъ не подавится своей благонамѣренной рѣчью, и другіе эту рѣчь не оборвутъ. Благонамѣренность его рѣчей свидѣтельствуется о хорошемъ образѣ мыслей, а хорошій образъ мыслей, какъ открылъ сатирикъ еще въ «Признакахъ времени», отлично уживается съ предосудительными поступками. Но тамъ, въ «Признакахъ времени», эти поступки не шли дальше утайки двухъ съѣденныхъ пирожковъ, времяпровожденія у гостепріимныхъ гамбургскихъ принцессъ, да иносказательнаго воровства платковъ изъ кармановъ. Въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» картина нравовъ раздвигается далеко за эти скромные предѣлы, вмѣстѣ съ чѣмъ мысль сатирика становится несравненно глубже и яснѣе.

Мы начнемъ свой обзоръ съ самаго легкаго, скажемъ прямо, наименѣе серьезнаго изъ очерковъ, вошедшихъ въ составъ «Благонамѣренныхъ рѣчей», съ того, который озаглавленъ: «Еще переписка». Это—переписка матери, сорокалѣтней женщины, съ сыномъ, только-что выпущеннымъ изъ школы офицеромъ. Въ первомъ же письмѣ сынъ рассказываетъ матери о своихъ амурныхъ похожденіяхъ, причемъ обнаруживаетъ необыкновенную выработанность принциповъ и необыкновенныя познанія во всемъ, что касается веселой *artis amandi*. Онъ пускается въ подробности о преимуществахъ блондинокъ передъ брюнетками, о достодолжномъ развитіи женскихъ формъ и т. д. Отца онъ называетъ *butor*. Мать отвѣчаетъ ему въ томъ же стилѣ, т. е. мужа тоже называетъ *butor* и жалуется на ужасъ житья съ этимъ *butor*’омъ, а затѣмъ и съ своей стороны излагаетъ ту же науку любви. Она по этой части—человѣкъ опытный: ее «любилъ» самъ седанскій герой—и это составляетъ «славное воспоминаніе ея жизни». Если тонъ писемъ сына отдаетъ казармой или даже конскимъ заводомъ, то письма матери газированы разными тонкостями, о которыхъ, однако, сынъ справедливо пишетъ: «Могу тебя увѣрить, что мои открытыя, ничѣмъ не замаскированныя слова и дѣйствія все-таки во сто кратъ нравственнѣе, нежели паскудные *apercus politiques, historiques et littéraires*, которыми вы, женщины,

занимаетесь... *entre deux baisers*». Благословляя (въ буквальномъ смыслѣ слова) сына на адюльтеръ и даже на два заразъ, эта женщина въ то же время пишетъ: «Религія—это наше сокровище, мой другъ! Безъ религіи мы—путники, колеблемые вѣтромъ сомнѣній, какъ говоритъ *le père Basile*, очень миленькій молодой попикъ, который недавно опредѣленъ въ нашъ приходъ». Она крадетъ у мужа двѣ тысячи рублей и бѣжитъ «будто бы для свиданія съ Базеномъ, я же навѣрное знаю (пишетъ *butor*), что для канкановъ въ *Closerie des lilas*». Однако, за нѣсколько дней до этого бѣгства, она сообщаетъ сыну, среди разныхъ пикантныхъ поученій по амурной части: «Я ни въ чемъ не могу найти утѣшенія, кромѣ религіи! Знаешь ли, иногда мнѣ кажется, что у меня выросли крылья и что я лечу высоко-высоко надъ этимъ дурнымъ міромъ!» Разсказывая сыну, какими способами можно довести женщину до паденія (*une jolie chute*), она совѣтуетъ ему не брезгать «сюбверсивными идеями». Конечно,—говоритъ она,—я никогда не позволила бы тебѣ сдѣлаться на самомъ дѣлѣ поклонникомъ сюбверсивныхъ идей, но въ смыслѣ экспозиціи, какъ *aperçu de morale*—это одинъ изъ лучшихъ *sujets de conversation*. Консервативныя идеи страдаютъ большимъ недостаткомъ: имъ никакъ нельзя придать тотъ лоскъ великодушія, который зажигаетъ симпатію въ сердцахъ».

Паскудныя отношенія матери и сына, изображенные въ очеркѣ «Еще переписка», составляютъ сравнительно блѣдный сколокъ съ тѣхъ же отношеній въ «Ташкентцахъ приготовительнаго класса» («Параллель первая»). Тамъ мать и сынъ съ полною откровенностью разсказываютъ другъ другу свои *proesses*. Онъ цинически сообщаетъ *comment cela lui est venu*, она нѣсколько болѣе вуалируя свою исповѣдь, разсказываетъ о своихъ любовникахъ, изъ которыхъ одинъ, французъ, сотрудникъ *Journal pour rire*, *Charivari* и *Figaro*, былъ и талантливъ, и красивъ, и храбръ, *et avec sa adorant le trône, la patrie et la sainte église catholique*. Сообразно этому, маменька, обмѣниваясь съ сынкомъ разными гнусностями, въ то же время наставляетъ его въ любви къ отечеству: «*La patrie—vous devez la porter dans votre coeur*». «А прежде всего—дворянскій долгъ, а потомъ нашу прекрасную православную религію. Безъ

этихъ трехъ вещей, что мы такое? Мы путники, или лучше сказать, пловцы...» Но сынокъ самъ вполне владѣетъ этими благонамѣренными рѣчами. Власть наговорившись мерзостей на тему: nous aimons, nous follichonons, nous buvons sec,—онъ безъ передышки продолжаетъ:—«Я консерваторъ; я чело-вѣкъ порядка. Et en outre je suis légitimiste! L'ordre, la patrie et notre sainte religion orthodoxe—voici mon programme à moi». Въ училищѣ юноша не особенно, разумѣется, прилежитъ къ наукамъ, но за то основательно изучаетъ разныхъ Бертъ и Альфонсинъ, а, кончивъ курсъ, становится въ позу и торже-ственно произносить: «а теперь, messieurs... поборемся!» Это онъ собирается бороться съ врагами порядка, отечества и ре-лигii...

Какъ уже сказано, «Еще переписка» отнюдь не принадле-жить къ числу значительнѣйшихъ главъ «Благонамѣренныхъ рѣчей», но мысль и пріемъ сатирика выражаются все-таки въ ней вполне ясно. Развратъ, доходящій до циническихъ объ-ясненій матери съ сыномъ, и легкомысленно кощунственные толки о sainte église catholique и о notre sainte église orthodoxe; ужасъ передъ «субверсивными» идеями, торжественное объявле-ніе имъ войны, и эксплуатація этихъ самыхъ субверсивныхъ идей съ цѣлями покоренія дамскихъ сердецъ; седанскій герой, Ба-зень (а также Морни, Персиньи и проч.) и notre chère patrie,—это какая-то ни съ чѣмъ несообразная окрошка, въ которой голова совершенно не вѣдаетъ того, что лопочетъ языкъ, и въ которой даже лицемѣріе, повидимому, не при чемъ. Салты-ковъ и самъ колебался относительно того, какъ слѣдуетъ квалифицировать этотъ сбродъ точно въ чехарду играющихъ словъ, мыслей и чувствъ. Въ его портретной галлерей ли-цемѣровъ самое видное мѣсто, если не по общественному значе-нію, то по тонкости и тщательности отдѣлки, занимаетъ Іудушка Головлевъ. И объ немъ онъ говоритъ такъ:

„Не надо думать, что Іудушка былъ лицемѣръ въ смыслѣ, напри-мѣръ, Тартюфа или любого современнаго французскаго бюржуа, соловьемъ разсыпавшагося по части общественныхъ основъ. Нѣтъ, *если онъ и былъ* *лицемѣръ*, то лицемѣръ чисто русскаго пошиба, т.-е. просто чело-вѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій иной истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ. Онъ былъ не-вѣжественъ безъ границъ, сутяга, лгунъ, пустословъ и, въ довершеніе

всего, боялся чорта. Все это такія отрицательныя качества, которыя отнюдь не могутъ дать *прочнаго* матеріала для *дѣйствительнаго* лицемѣрія“.

Колебанія эти Салтыковъ разрѣшаетъ иногда терминомъ «безсознательное лицемѣріе». Худо-ли, хорошо-ли придумано это названіе, но самое явленіе, имъ обозначенное, чрезвычайно любопытно и составляетъ, можно сказать, открытіе Салтыкова. Во всякомъ случаѣ оно никогда и никѣмъ не было изучаемо такъ глубоко, такъ пристально, какъ имъ. Отличительную черту этого безсознательнаго лицемѣрія составляетъ какая-то удивительная плоскодонность и наивность, которая приближаетъ его къ формулѣ добра и зла, данной однимъ бушменомъ: добро—украсть чужую жену, зло—когда у меня мою украдутъ. Этотъ первобытный философъ и не пытается свести концы съ концами въ своемъ нравственномъ міровоззрѣніи. Онъ совершенно серьезно, съ чистою совѣстью разрѣшаетъ себѣ дѣлать то самое, за что негодуешь на другихъ. Въ этомъ же родѣ поступаютъ герои «Благонамѣренныхъ рѣчей». По преданію, авгуры не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха, потому что каждый изъ нихъ отлично сознавалъ, что такое онъ самъ и его товарищи. Герои «Благонамѣренныхъ рѣчей» даже не улыбнутся при подобныхъ обстоятельствахъ; они даже наединѣ сами съ собой продолжаютъ нанизывать все тѣ же благонамѣренныя слова на другія благонамѣренныя слова и были бы искренно удивлены, еслибы ихъ назвали лицемѣрами. Такая наивность могла бы даже обезоружить сатирика или превратить его въ относительно спокойнаго бытописателя-юмориста, еслибы эти безсознательные лицемѣры не оказывались, благодаря обстоятельствамъ времени, весьма замѣтными факторами общественной жизни. Прекрасная дама, въ головѣ которой Базень и *notre chère patrie*, любовники и сюрреалистическія идеи играютъ въ чехарду, легко и граціозно прыгая другъ черезъ друга,—эта прекрасная дама сама по себѣ представляетъ только психологическій курьезъ. Курьезъ можетъ, конечно, быть очень противенъ, но можетъ быть и просто забавенъ: убѣжала себѣ барыня къ Базену, и Господь съ ней. Другое дѣло ея достойный сыночекъ, который выступаетъ уже въ качествѣ воинствующаго элемента. Весь начиненный раз-

ными гнусностями, невѣжественный и развращенный до мозга костей, каждымъ своимъ шагомъ попирающій всяческія «основы», онъ объявляетъ, однако, войну какимъ-то врагамъ этихъ самыхъ основъ, и—кто знаетъ?—можетъ быть на его долю выпадетъ широкая практическая дѣятельность въ этомъ направленіи. Онъ будетъ требовать драконовскихъ мѣропріятій въ огражденіе святости семьи и въ то же время растлѣвать и поирать эту самую семью всѣми возможными способами, и при этомъ ему и въ голову не придетъ, что тутъ есть какое-то противорѣчіе. Столь же слабый сознаніемъ, какъ тотъ бушменъ, онъ только въ своихъ непосредственныхъ элементарныхъ ощущеніяхъ можетъ искать мѣрила добра и зла: добро—украсть, зло—быть обокраденнымъ. Онъ знаетъ слова: семья, собственность, отечество, слыхалъ, что это все принципы, подлежащіе бережному отношенію, но самого себя, свои собственные вожделѣнія никакъ не можетъ, даже теоретически, вдвинуть въ эти рамки: слишкомъ для этого сильны его аппетиты и слишкомъ слабо сознаніе. Повторяю, гуляющая бабенка, настроенная на этотъ ладъ, представляетъ главнымъ образомъ только психологическій интересъ; хотя и она можетъ зла натворить около себя много. Что чисто психологическая сторона безсознательнаго лицемѣрія не всегда такъ скудна трагическимъ значеніемъ, какъ въ случаѣ прекрасной дамы, обкрадывающей своего мужа для бѣгства къ Базену, объ этомъ свидѣтельствуется поразительный образъ Іудушки Головлева. Сугубое значеніе получаетъ безсознательный лицемѣръ, если, оставаясь любопытнымъ психологическимъ феноменомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится общественнымъ дѣятелемъ.

Чтобы извлечь изъ «Благонамѣренныхъ рѣчей» и примыкающихъ къ нимъ произведеній Салтыкова все цѣнное, что они могутъ дать читателю, надо различать эти двѣ стороны дѣла, т.-е. во-первыхъ, психологію лицемѣрія и, во-вторыхъ, тѣ условія, которыя предоставляютъ ему широкій просторъ, пышный расцвѣтъ и вліяніе на жизнь. Различеніе это важно и для оцѣнки Салтыкова, какъ художника. Нѣкоторые, даже очень благосклонные критики, вполне признавая высокій талантъ и огромное значеніе Салтыкова, склонны умалять долговѣчность созданныхъ имъ образовъ, потому, дескать, что образы

эти слишком отдають тревогами современной жизни, слишком, если можно такъ выразиться, обросли обстоятельствами времени и мѣста. Въ этомъ смыслѣ проводились, на примѣръ, параллели между мольеровскимъ Тартюфомъ и нѣкоторыми щедринскими лицемѣрами, не въ пользу послѣднихъ, хотя и съ оговорками. Мнѣ кажется, что это просто ошибка перспективы. Глядя на Тартюфа съ разстоянія въ три слишкомъ столѣтія, мы естественно не такъ ясно чувствуемъ въ немъ бѣіе пульса тогдашней жизни, какъ это неизбѣжно выходитъ относительно произведеній Салтыкова. Но во Франціи XVIII вѣка Тартюфъ былъ такъ же животрепещущъ, такъ же отражалъ въ себѣ обстоятельства времени и мѣста, и это не только не сократило его жизнь въ потомствѣ, но, напротивъ, именно гарантировало ему долговѣчность, придавъ этому образу подлинную, живую плоть и кровь. Такъ всегда бываетъ съ дѣйствительно крупными произведеніями. Только надменная мелюзга норовитъ воспарить отъ тревогъ современной жизни въ безвоздушныя пространства; за то же и пропадаютъ пропадомъ ея мертвенно-блѣдныя и мертвенно-холодныя творенія. Есть, конечно, и такая мелюзга, которая съ комическою ретивостью копошится въ интересахъ минуты, вершка и золотника, и продукты этого копошенья тоже пропадаютъ пропадомъ. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ умѣнія мелюзги выбирать изъ всей современной жизни именно вершки, минуты и золотники, а, во-вторыхъ, просто отъ бездарности. Мольеръ не думалъ удалиться изъ современной ему жизни и рисовать какого-то абстрактнаго лицемѣра. Не даромъ Тартюфъ вызывалъ цѣлыя бури среди современниковъ, что не мѣшаетъ ему однако и по сей часъ сохранять для насъ художественный интересъ. Если однако мы отрѣшимся отъ предразсудка, подсказываемаго тѣмъ фактомъ, что Мольеръ уже триста лѣтъ занимаетъ мѣсто въ храмѣ славы, а Салтыковъ вступилъ въ него на нашихъ глазахъ, то сравненіе между Тартюфомъ и Іудушкой Головлевымъ, какъ художественными образами, окажется далеко не въ пользу перваго. «Господа Головлевы» страдаютъ длиннотами и отступленіями, отъ которыхъ «Тартюфъ» до извѣстной степени застрахованъ уже своею драматическою формой. Но собственно психологія Тартюфа крайне элементарна и груба

по сравненію съ тою тонкостью, глубиною, выдержанностью, которыми блещетъ Іудушка.

Это произведеніе не сразу однако далось Салтыкову. «Благонамѣренныя рѣчи» печатались въ *Отечественныхъ Запискахъ* съ конца 1872 г. по 1876 включительно, въ перемежку съ «Дневникомъ провинціала», «Помпадурами», «Экскурсіями въ область умѣренности и аккуратности», отдѣльными очерками въ родѣ «Сна въ лѣтнюю ночь». Это была обыкновенная манера писанія Салтыкова. Его отдыхъ состоялъ въ томъ, что, не кончивши одной серіи статей, онъ принимался за другую, третью, возвращаясь черезъ нѣсколько времени опять къ первой. Въ концѣ 1875 г., между прочими главами «Благонамѣренныхъ рѣчей», появилась глава «Семейный судъ», которая и составила начало «Господъ Головлевыхъ». Но, выпустивъ въ 1876 г. «Благонамѣренныя рѣчи» отдѣльнымъ изданіемъ, Щедринъ не включилъ въ него главъ, посвященныхъ семейству Головлевыхъ, и только въ 1880 г. напечаталъ «последній эпизодъ изъ Головлевской хроники», озаглавленный въ журналѣ «Рѣшеніе», а въ отдѣльномъ изданіи—«Разсчетъ».

Очевидно, Щедринъ первоначально самъ не подозрѣвалъ во что разростутся эпизоды изъ семейной хроники Головлевыхъ, но затѣмъ прилѣпился къ нимъ съ исключительнымъ интересомъ и работалъ надъ ними съ особенною обдуманностью. И не мудрено: «Господами Головлевыми» резюмируется вся психологическая сторона «Благонамѣренныхъ рѣчей» и сродныхъ имъ произведеній Салтыкова.

Я не буду говорить о превосходныхъ портретахъ, размѣщенныхъ вокругъ центральной фигуры Іудушки,—объ Аринѣ Петровнѣ, ея мужѣ, братьяхъ Іудушки, его племянникахъ, о Евпраксеюшкѣ. Не буду припоминать и всю исторію самого Іудушки. Съ насъ достаточно одного какого-нибудь яркаго эпизода.

Евпраксеюшка беременна. Въ душѣ Іудушки поднимается нѣчто похожее на угрызенія совѣсти: на-лицо фактъ, слишкомъ уже явно изобличающій внутреннюю ложь всей его жизни. Были, правда, и прежде факты, довольно-таки въ этомъ смыслѣ выразительные, какъ, напримѣръ, гибель обоихъ его сыновей,—гибель, которую онъ могъ легко предотвра-

титъ, но не предотвратилъ, а даже приуготовилъ. Тамъ онъ вышелъ сухъ изъ воды, то-есть не дрогнулъ сердцемъ, благодаря своему умѣнію нанизывать одно благонамѣренное, но совершенно праздное слово на другое, столь же благонамѣренное и столь же праздное. А теперь какъ быть? Получивъ первое извѣстіе, онъ сгоряча не успѣлъ даже солгать, такъ-что въ непріятномъ фактѣ никто сомнѣваться не можетъ. Онъ, такъ аккуратно зажигающій лампадки передъ образами, такъ преданный посту и молитвѣ, наконецъ такъ всѣмъ надобвшій благочестивыми размышленіями,—прелюбодѣй! Да еще по точному расчету милаго друга-маменьки,—«подъ постный день!». Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы Іудушка въ самомъ дѣлѣ мучился настоящими угрызеніями совѣсти. Нѣтъ, застигнутый врасплохъ и въ виду уличающей непререкаемости факта, онъ только не сразу находитъ тѣ сочетанія словъ, которыя въ предыдущихъ щекотливыхъ случаяхъ его жизни счастливо затуманивали всякую разницу между добромъ и зломъ. Только бы ему эти слова найти, эти благонамѣренныя рѣчи, а тамъ уже все пойдетъ какъ по маслу,—онъ и самъ успокоится, и людямъ будетъ прямо въ глаза, не смущаясь, смотрѣть, и Богу на молитвѣ скажетъ, что онъ, Іудушка, «не яко же сей мытарь». Онъ, наконецъ, находитъ искомое, и вся тревога сбѣгаетъ съ него, какъ съ гуся вода. Быстро одна за другой слѣдующія сцены появленія новорожденного на свѣтъ, а потомъ и въ кабинетѣ Іудушки, разговоръ Іудушки съ Улитой, потомъ со священниками, потомъ опять съ Улитой, отправки младенца въ Воспитательный домъ—принадлежать къ числу перловъ щедринскаго творчества, и не щедринскаго только: едва ли найдется во всемірной литературѣ много равныхъ имъ по глубинѣ, яркости и страшному, но здоровому реализму.

То явленіе, которое Салтыковъ называетъ безсознательнымъ лицемѣріемъ, исчерпано здѣсь вполне. Іудушка Головлевъ—близкій духовный родственникъ той гулящей бабенки, что проноситъ благонамѣренныя рѣчи даже не въ антрактѣ между двумя адюльтерами, а прямо во время адюльтера. Временами онъ не менѣе ея забавенъ комическою несуразностью и неумѣстностью своихъ рѣчей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ нимъ поистинѣ страшно, какъ въ упоръ объявляетъ ему Аннинька и

повторяетъ за ней Евпраксеюшка, какъ чувствуетъ и читатель, и очевидно самъ авторъ. Страшенъ этотъ человѣкъ не какою-нибудь своею силой, какъ страшенъ, напримѣръ, тотъ же Тартюфъ своею практическою ловкостью, умѣніемъ принаровливаться, краснорѣчіемъ: Іудушка просто пустомеля и бездѣльникъ, всѣмъ надоѣвшій, всѣмъ противный, и никакого Оргона, никакой г-жи Пернель ему никогда обворожить не удастся. Онъ страшенъ именно своею слабостью,—слабостью сознанія, цѣпляющагося за слова безъ всякаго пониманія ихъ смысла. Сосредоточенный исключительно на своихъ непосредственныхъ ощущеніяхъ, которыя не умѣетъ комбинировать въ идеи и понятія, онъ дѣлитъ всѣ явленія жизни на пріятныя и непріятныя ему и другихъ рубрикъ не знаетъ. Онъ—исправленный и дополненный варьянтъ того бушмена, который отлично знаетъ, что быть обокраденнымъ—зло, потому что отъ этого у него нѣчто убудетъ, но въ то же время думаетъ, что украсть—добро, потому что отъ этого нѣчто прибудетъ. Первую половину этой формулы Іудушка расцвѣчиваетъ всѣми красками благонамѣренныхъ рѣчей: призываетъ и Бога, и властей охранять его отъ зла, но самъ воровать онъ можетъ. Онъ совершить любую гнусность, не моргнувъ глазомъ, и всѣ окружающіе инстинктивно чувствуютъ это, но въ то же время, благодаря отсутствію всякой логики въ его умственной чехардѣ, никакъ не могутъ предугадать, какая именно гнусность выскочитъ изъ-подъ его безконечныхъ, слюноточивыхъ благонамѣренныхъ рѣчей. Это еще усиливаетъ распространяемый имъ кругомъ себя страхъ.

Трудно цитировать «Господь Головлевыхъ», потому что не знаешь, что выбрать въ этомъ удивительномъ произведеніи. Но попробую все-таки сдѣлать одну выписку.

Племянница Аннинька, наскучивъ благонамѣренною канителью Іудушки, собирается уѣзжать. Онъ ее удерживаетъ, приглашая если не совсѣмъ остаться, такъ хоть съѣздить къ бабинькѣ на могилку отслужить паннихидку...

„Порфирій Владиміровичъ остановился и замолчалъ. Нѣкоторое время онъ семенилъ ногами на одномъ мѣстѣ и то взглядывалъ на Анниньку, то опускалъ глаза. Очевидно онъ рѣшался и не рѣшался что-то высказать.

— Пстой-ка, я тебѣ что-то покажу! наконецъ рѣшился онъ и, вынувъ

изъ кармана свернутый листъ бумаги, подалъ его Аннинькѣ: натко, прочти!

— Аннинька прочла:— „Сегодня я молился и просилъ боженьку, чтобы онъ оставилъ мнѣ мою Анниньку. И боженька мнѣ сказалъ: возьми Анниньку за полненькую тальцу и прижми ее къ своему сердцу“.

— Такъ что-ли? спросилъ онъ, слегка поблѣднѣвъ.

— Фу, дядя! Какія гадости! отвѣчала она, растерянно смотря на него. Порфирій Владиміровичъ поблѣднѣлъ еще больше и, произнеся сквозь зубы: „Видно, гусаровъ намъ нужно!“ перекрестился и, шаркая туфлями, вышелъ изъ комнаты. Черезъ четверть часа онъ однако возвратился какъ ни въ чемъ не бывало и уже шутилъ съ Аннинькой“.

Много зла и гибели распустилъ кругомъ себя Іудушка, но это зло и гибель ограничивались преимущественно ближайшимъ, домашнимъ и семейнымъ кругомъ. Общественнымъ дѣятелемъ онъ не былъ и не могъ быть по своему скудоумію, пустословію и прирожденному бездѣльничеству. Правда, въ мечтахъ своихъ онъ съ болѣзненною ясностью представляетъ себѣ, какъ онъ всѣмъ за что-то мститъ и всѣхъ для чего-то грабитъ. Но это были праздныя фантастическія мечты, которымъ не суждено было воплотиться въ дѣйствительности. Въ концѣ-концовъ Іудушка самъ испугался облегшей его со всѣхъ сторонъ мертвой пустыни и не выдержалъ этого страшнаго одиночества. Никто ему ничего не довѣрялъ, не поручалъ, никто не пробовалъ воспользоваться его услугами или опереться на него. Но что было бы, еслибы, при той же неспособности различать добро и зло, при томъ же безсознательномъ лицемѣріи, онъ, благодаря обстоятельствамъ, сталъ «столпомъ» и дѣятелемъ?

Отвѣтъ найдемъ въ тѣхъ же «Благонамѣренныхъ рѣчахъ».

VI.

Еще о благонамѣренныхъ рѣчахъ.

Безсознательное лицемѣріе и «благонамѣренныя рѣчи», понятыя во всей ихъ широтѣ, исчерпываютъ собою добрую половину сатиры Салтыкова. Онъ преслѣдовалъ ихъ и смѣхомъ и паѳосомъ, и художественными и публицистическими средствами. Онъ былъ по-истинѣ неистощимъ въ варіаціяхъ на

эту тему, въ чемъ ему, конечно, помогала сама жизнь, въ изобиліи предоставляя подходящіе сюжеты. Кузина Машенька, капитанъ Терпибѣдовъ отецъ Арсеній, семья Головлевыхъ, Деруновъ, Разуваевъ, Груздевъ, Николай Батищевъ и мать его, Проказнинъ и мать его, Удодовъ и проч. и проч., — въ этой длинной галлерей не знаешь чему удивляться: выдержанности ли той духовной черты, которая ставитъ всѣ эти фигуры за одну скобку, или художественной индивидуализаціи каждой изъ нихъ, искусству ли, съ которымъ комбинируются факты безсознательнаго лицемѣрія и благонамѣренныя рѣчи, или проницательности сатирика, техникъ или мысли? Вы видите, что безсознательное лицемѣріе положительно не даетъ покою сатирику, мучить его и какъ психологическая загадка, и какъ художественная задача, и какъ общественный вопросъ. Техническая ловкость, съ которою, на примѣръ, въ небольшомъ очеркѣ «Переписка» собрана цѣлая коллекція разнообразныхъ проявленій безсознательнаго лицемѣрія, можетъ навести на мысль о виртуозности. Но это не виртуозность, не та увѣренность и почти механичность, съ какими виртуозъ комбинируетъ звуки, краски, слова для достиженія эффекта. Салтыковъ относится къ своимъ лицемѣрамъ вопросительно и почти съ недоумѣніемъ: можетъ ли такое быть? Какъ объяснить такое чудовищное явленіе? Каковы его причины и слѣдствія? Эти-то вопросы и заставляли его вновь и вновь приниматься за ту же задачу, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщали его работѣ характеръ необыкновенной жизненности. Нѣтъ возможности, да едва ли есть и надобность, перебирать здѣсь весь длинный рядъ щедринскихъ лицемѣровъ. Мы ограничимся немногимъ. Но сперва напомнимъ ту общую черту, которая ихъ объединяетъ. Напомнимъ частію ихъ собственными словами.

Въ «Перепискѣ» Батищевъ сообщаетъ матери рѣчь, съ которою къ нему обратился одинъ подлежащій его воздѣйствію преступный человѣкъ.

„Вы фарисеи и лицемѣры! Вы, какъ Исавъ, готовы за горшокъ чечевицы продать всѣ такъ-называемыя основы ваши! Вы говорите о святости вашего суда, а сами между тѣмъ на каждомъ шагѣ дѣлаете изъ него или львиный ровъ, или сиренскую прелесть! Вы указываете на бракъ, какъ на основу вашего гнилаго общества, а сами прелюбодѣйствуете! Вы распинаетесь за собственность, а сами крадете! Вы со сле-

зами на глазахъ разглагольствуете о любви къ отечеству, а сами сапоги съ бумажными подметками ратникамъ ставите! И крадете, и убиваете, и клянетесь лживо, и жрете Ваалу“.

«Милая маменька!—прибавляетъ отъ себя Батищевъ, какъ хотите, а тутъ есть доля правды». Въ свою очередь и милая маменька готова согласиться съ этимъ; однако, пишетъ она,— «хорошо по воскресеньямъ въ церкви проповѣди на этотъ счетъ слушать (да и то не каждое воскресенье, мой другъ!), но ежели каждый день будутъ тебя костить, то подъ конецъ оно и многонько покажется».

Этою перепискою хорошо подчеркивается та наивность, съ которою истинные потрясатели основъ возстаютъ на защиту этихъ самыхъ основъ. Они готовы при случаѣ даже признать справедливость упрека въ лицемеріи, но тотчасъ же вновь погружаются въ пучину благонамѣренныхъ рѣчей и плаваютъ тамъ, какъ рыба въ водѣ...

Владиміръ Онуфріевичъ Удодовъ («Тяжелый годъ»), управляющій палатой государственныхъ имуществъ, при счастливой внѣшности, обладаетъ еще краснорѣчіемъ; краснорѣчіе же свое, равно какъ и свою дѣятельность вообще, направляетъ ко благу народа. Миссію свою онъ видитъ въ посредничествѣ между государствомъ и народомъ: «надобно, чтобы народъ безпрестанно былъ лицомъ къ лицу съ государствомъ, чтобы послѣднее, такъ-сказать, проникло въ самое сердце его». Народъ—дитя, доброе и смышленное, но все-таки дитя, неспособное подняться въ своихъ обобщеніяхъ выше волости или уѣзда; идея государства для него слишкомъ отвлеченна и его надо еще приучать къ ней. Съ особеннымъ краснорѣчіемъ говорилъ Удодовъ объ отечествѣ: «отечество, это что-то таинственное, необъяснимое, но въ то же время затрогивающее всѣ фибры человѣческаго сердца». Трепака онъ не можетъ равнодушно видѣть, а слушая «Не бѣлы снѣги»—плачетъ. Дѣло было во время Крымской войны. Явился манифестъ объ ополченіи; съ губернскаго захолустья, гдѣ происходитъ дѣйствіе разсказа, требовалось до 20-ти тысячъ ратниковъ. Передъ губернскими людьми развернулась обширная перспектива дѣятельности по части сукна, холста, кожи, полушубковъ, обозныхъ лошадей, провіанта и проч. Все заволновалось. Говори-

лись пламенные рѣчи на тему о любви къ отечеству и народной гордости и въ то же время «безсознательно, но тѣмъ не менѣе безпощадно отечество продавалось всюду и за всякую цѣну. Продавалось и за грошъ, и за болѣе крупный кушъ; продавалось и за карточнымъ столомъ, и за пьяными тостами подписныхъ обѣдовъ; продавалось и въ домашнихъ кружкахъ, устроенныхъ съ цѣлью наилучшей организаціи ополченія, и при звонѣ колоколовъ, при возгласахъ, призывавшихъ побѣду и одолѣніе». Надъ всѣмъ этимъ гамомъ какъ бы господствуетъ пріятная фигура Удодова. «Тяжкія испытанія, мой другъ, наступаютъ для Россіи!»—съ грустью восклицаетъ онъ.—«За вѣру! помнишь, ребята! Съ желѣзомъ въ рукѣ... Съ Богомъ»,—напутствуетъ онъ партію ополченцевъ. «Держится голубчикъ-то нашъ (то есть Севастополь), не сдается! Нахимовъ! Лазаревъ! Тотлебенъ! Герои! Урра!»—кричитъ онъ, съ лихорадочною поспѣшностью распечатывая газеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Удодовъ, послѣ упорной борьбы, добился того, что вся хозяйственная часть по устройству ополченія возложена на него. Сообщая объ этомъ пріятелю, онъ шутливо прибавляетъ: «ну, вы, конечно, увѣрены, что я своего кармана не забуду». Пріятель, конечно, увѣренъ, что это шутка, а Удодовъ между тѣмъ и въ самомъ дѣлѣ своего кармана не забылъ, безъ всякихъ шутокъ, да такъ не забылъ, что даже испытанные въ дѣлѣ грабежа ахнули. «Да,—разсуждаетъ по этому случаю нѣкій Погудинъ,—какая-нибудь тайна тутъ есть: «Не бѣлы снѣги» запоютъ—слушать безъ слезъ не можетъ, а обдирать народъ,—это вольнымъ духомъ, сейчасъ».

«Какая-нибудь тайна тутъ есть»,—это характерно. Мы привыкли думать, что большимъ людямъ все представляется яснѣе, чѣмъ людямъ дюжиннымъ. И это, разумѣется, справедливо, съ ограниченіями однако. Бываетъ и такъ, что большому человѣку представляются загадочными и таинственными такія явленія, въ которыхъ дюжинные люди не видятъ ровно ничего вопросительнаго. Зависитъ это прежде всего отъ разницы въ степени пытливости ума. Дюжинный человѣкъ, съ молодости свыкаясь съ какимъ-нибудь сложнымъ явленіемъ, не вдумывается въ него, и оттого оно ему кажется просто, а большой человѣкъ заглянетъ въ его глубину и обширность—и

призадумается. Но и кромѣ того есть вещи, которыя большой человѣкъ трудно постигаетъ именно потому, что онъ большой. Сюда относятся разныя ухищренія низости, которыя мелкой душѣ гораздо ближе, родственнѣе и потому яснѣе и понятнѣе, чѣмъ душѣ возвышенной. Конокрады-патріоты были для Салтыкова трудно постижимой загадкой, къ разрѣшенію которой онъ много разъ пытался подойти. Въ очеркѣ «Въ погоню за идеалами» онъ ведетъ, между прочимъ, рѣчь о тѣхъ же трудныхъ для Россіи временахъ Крымской войны:

„И что же, въ это самое время находились люди, которые ставили ополченцамъ сапоги съ картонными подметками, продавали въ свою пользу воловъ, пожертвованныхъ на мясную порцію для нижнихъ чиновъ, снабжали солдатъ кремневыми ружьями, въ которыхъ вмѣсто кремня была вставлена выкрашенная чурочка и т. д. И въ то же время эти люди не только не имѣли злодѣйскаго вида, но и сами себя не считали злодѣями. Они пили, ѣли, провозглашали тосты, устраивали фестивали и даже очень искренно молились въ церквахъ о ниспосланіи побѣды и одолѣніи тѣмъ самымъ ратникамъ, которыхъ сейчасъ спустили по морозцу на картонныхъ подошвахъ. Ужели можно предположить, что, поступая такимъ образомъ, эти люди понимали, что они обездоливаютъ и продаютъ то самое государство, которое ихъ пріютило, поставило подъ защиту своихъ законовъ и даже дало средства нажитья? Нѣтъ, предположить это значило бы допустить въ людяхъ такую нравственную одичалость, которая сдѣлала бы невыносимымъ существованіе человѣческаго общества“.

Я не знаю ничего трогательнѣе этихъ усилій великаго писателя понять низость и того упорства, съ которымъ онъ искалъ объясненія ей, всячески въ то же время уклоняясь отъ опасности найти это объясненіе въ ней самой, въ нравственной извращенности человѣческой природы. Да, это была опасность для него. Этотъ сатирикъ, про котораго глупые и безстыжіе люди говорятъ, что онъ не оставилъ кругомъ себя ничего неоплеваннымъ, глубоко вѣрилъ въ нравственную красоту человѣческой природы *). Онъ не вѣрилъ и не хотѣлъ

*) Это напоминаетъ мнѣ одну очень характерную фразу Салтыкова, которую мнѣ едва ли придется утилизировать гдѣ-нибудь въ текстѣ. Рассказывая про добрую старушку Целагею Ивановну („Христось воскресъ!“ въ „Губернскихъ очеркахъ“), онъ замѣчаетъ, что смолоду она вѣрно была красавицей, во первыхъ, потому, что и теперь слѣды красоты видны, а, во вторыхъ, потому, что „женщина съ истинно добрымъ сердцемъ, по мнѣнію моему, должна, непременно должна быть красавицею“.

вѣрить въ злодѣйство, хотя конкретные факты злодѣйства предъявлялъ во всей ихъ обнаженности. Это можетъ показаться наивнымъ, но это во всякомъ случаѣ наивность возвышенной души, полной вѣры въ человѣка, упрекать которую въ плевательной спеціальности поистинѣ глупо и безстыдно.

Мы не въ первый разъ видимъ Салтыкова въ положеніи человѣка, осмѣливагося подойти къ Сфинксу. Мы видѣли его въ глубокомъ раздумьи передъ «проблемой о мужикѣ», передъ «мучительно-загадочнымъ сопоставленіемъ мякиннаго хлѣба и вѣчной страды». Теперь опять сфинксы, только другаго рода, настоящіе сфинксы, несообразно составленные изъ львиного туловища и человѣческой головы и, какъ то греческое чудовище, порожденіе стоглаваго гиганта и змѣи, задаютъ прохожимъ загадки. Пробовали прохожіе—и не отгадывали, и пожиралъ ихъ Сфинксъ. Но вотъ явился Эдипъ и отгадалъ, и бросился Сфинксъ въ море. Былъ ли Щедринъ Эдипомъ сфинкса лицемѣрія?

Если немыслима та степень «нравственной одичалости», которая нужна для обкрадыванія казны и народа подъ звуки патріотическихъ рѣчей, то почему же, однако, патріоты временъ Крымской войны могли «искренно молиться въ церквахъ о ниспосланіи побѣды и одолѣніи тѣмъ самымъ ратникамъ, которыхъ сейчасъ спустили по морозцу на картонныхъ подошвахъ»? Вѣдь это же въ самомъ дѣлѣ Сфинксъ съ львинымъ туловищемъ и человѣческой головой. Салтыковъ рѣшаетъ загадку такъ: «Скорѣе всего упомянутые казнокрады оттого такъ дѣйствовали, что не имѣли никакого понятія ни о ключахъ отъ храма гроба Господня, ни объ устьяхъ Дуная, которыми разрѣшился вопросъ объ ключахъ, ни объ отношеніи этихъ вопросовъ къ русскому государству. Они дѣйствовали совершенно простодушно». Какъ ни странно на первый взглядъ это объясненіе, но оно не изъ тѣхъ, относительно которыхъ можно довольствоваться первымъ взглядомъ, тѣмъ болѣе, что Салтыковъ возвращался къ нему очень часто. Между прочимъ, развитію этой мысли почти цѣликомъ посвящена статья «Сила событій» (въ «Признакахъ времени»). Статья эта написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разгрома Франціи Германіей,—разгрома, тяжело отдавагося въ сердцахъ многихъ мысля-

щихъ русскихъ людей, въ томъ числѣ и Салтыкова, который съ ранней юности высоко цѣнилъ заслуги Франціи передъ человѣчествомъ. Скорбь и обида за Францію, «раздавленную пятой лихтенштейнца», выдвинули передъ Салтыковымъ все того же сфинкса лицемѣрія вообще и въ частности лицемѣрнаго патріотизма, насажденнаго во Франціи наполеоновскимъ режимомъ. Къ слову сказать, кличка «бонопартистъ» была въ устахъ Салтыкова одною изъ самыхъ презрительныхъ. Онъ называлъ бонопартистомъ «всякаго, кто смѣшиваетъ выраженіе «отечество» съ выраженіемъ «ваше превосходительство» и даже отдаетъ предпочтеніе послѣднему передъ первымъ». («За рубежомъ»). По мнѣнію Салтыкова, три вопроса огромной практической важности не только поставлены, а и разрѣшены событіями франко-германской войны. Во-первыхъ, вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патріотизма казнокрадовъ и другихъ паразитовъ. Во-вторыхъ, вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патріотизма людей необразованныхъ и неразвитыхъ. Въ третьихъ, вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патріотизма людей, не принимающихъ участія въ дѣлахъ своей страны. Общій выводъ тотъ, что патріотизмъ бозсознательный ненадеженъ и отнюдь не ведетъ къ тѣмъ великимъ цѣлямъ, которымъ патріотизмъ долженъ служить. А цѣли эти, по Салтыкову, дѣйствительно велики. Во-первыхъ, какъ мы видѣли уже раньше, патріотизмъ есть единственное звено, которое пріобщаетъ насъ къ извѣстной средѣ и заставляетъ насъ радоваться такими радостями и страдать такими страданіями, которыя насъ лично затрогиваютъ очень мало. Патріотизмъ раздвигаетъ наше личное существованіе и приготовляетъ къ воспріятію идеи человѣчества. Во-вторыхъ, «нѣтъ презрѣнія тяжеле того презрѣнія, которымъ пользуется человѣкъ отъ своихъ соотечественниковъ». А потому идея отечества однимъ внушаетъ мысль о подвигѣ, а другихъ по крайней мѣрѣ предостерегаетъ отъ множества гнусностей. «Есть еще другая идея, въ томъ же смыслѣ плодотворная — это идея о судѣ потомства; но такъ какъ она непосредственнаго дѣйствія не оказываетъ, то и доступна лишь людямъ, не чуждымъ обобщеній» («Убѣжище Монрепо»). Если читатель припомнитъ то высокое и страшное значеніе, которое Салтыковъ придавалъ суду потом-

ства, о чемъ у насъ шла рѣчь во второмъ изъ предлагаемыхъ очерковъ, то онъ оцѣнить и роль патріотизма, который сатирикъ ставить рядомъ съ судомъ потомства. Лично Салтыковъ былъ истинный патріотъ въ томъ высокомъ смыслѣ, который онъ самъ придавалъ этому слову. Онъ любилъ Россію въ качествѣ просто русскаго человѣка, съ молокомъ матери всосавшаго стихійную привязанность къ русскому облику и говору, къ русской пѣснѣ и сказкѣ, къ русскому нраву и обычаю. Не меньше Удодова чувствовалъ онъ прелесть пѣсни «Не бѣлы снѣги». Но, какъ всегда и во всемъ, эту стихійную силу любви безотчетной онъ подвергалъ контролю сознанія и видѣлъ въ этомъ сознательномъ элементѣ то Эдипово слово, отъ котораго Сфинксъ долженъ броситься въ море. Въ наполеоновской Франціи дѣла ему представлялись такъ, что управленіе страной захватила въ свои руки шайка паразитовъ, ни объ чемъ, кромѣ пріятнаго времяпровожденія, не думавшихъ, и, въ видахъ безостановочнаго продолженія этой пріятности, державшихъ населеніе внѣ сознательной связи съ интересами страны. Это были «не только хищники, но и глупые люди, которыхъ способно было застать врасплохъ всякое обстоятельство, не имѣющее ближайшаго отношенія къ процессу питанія». Они думали увѣковѣчить свое владычество, внѣдря въ души населенія дисциплину подъ фирмой патріотизма, и дѣло кончилось бѣдой и позоромъ не только для нихъ,—объ этомъ никто не заплачетъ,—а и для всей страны.

Дальнѣйшіе выводы, которые отсюда слѣдуютъ, ясны сами по себѣ и на нихъ излишне останавливаться; я же обращаю вниманіе читателя на щедринскую разгадку загадки Сфинкса. Разгадка эта заключается въ словѣ безсознательность. Щедринъ не могъ допустить мысли, чтобы Удодовы и прочая сволочь, грабившая казну и народъ подъ громъ патріотическихъ рѣчей и севастопольскихъ пушекъ, понимали, что они дѣлаютъ. Не вѣдаютъ, что творятъ,—думалъ онъ, и въ этомъ невѣдѣніи искалъ объясненія злодѣйству. Щедринъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ узкихъ моралистовъ, которые неустанно твердятъ какой-нибудь глаголъ въ повелительномъ наклоненіи, не соображая условій, при которыхъ исполненіе проповѣдуемой заповѣди можетъ быть просто невозможно. Онъ

говорилъ и горячо, краснорѣчиво говорилъ: любите свое отечество; но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ и ту обстановку, при которой любовь къ отечеству только и можетъ выбиться изъ лицемѣрной или ненадежной фразы въ сферу подлинной жизни. Эта обстановка—сознательное участіе въ дѣлахъ, касающихся отечества. Еслибы при этой обстановкѣ все-таки оказалась на лицо горсть закоренѣлыхъ хищниковъ и паразитовъ, пользующихся всякой раной на тѣлѣ отечества, чтобы присосаться къ ней и пить кровь, отводя отъ раны окровавленный ротъ только для произнесенія благонамѣренныхъ рѣчей, то по крайней мѣрѣ всякій зналъ бы, чего стоятъ эти благонамѣренныя рѣчи; никого бы онѣ не вводили въ обманъ.

Дѣло именно въ обманѣ. Сознательно или безсознательно лицемѣрить человѣкъ, но онъ во всякомъ случаѣ вводитъ или хоть пытается ввести присутствующихъ въ заблужденіе. Если ты хищникъ или проходимецъ, такъ и называйся хищникомъ и проходимцемъ, а не патріотомъ или «столпомъ»...

Послѣ Іудушки Головлева «столпъ» Деруновъ—самая значительная фигура во всей серіи «Благонамѣренныхъ рѣчей». Кромѣ присущаго обоимъ безсознательнаго лицемѣрія, общаго между этими двумя крупными образами мало. Іудушка—мрачный, одинокій бездѣльникъ, постепенно покрывающійся плѣсенью въ своей мурѣ; Деруновъ—спокойный, веселый дѣлецъ, все шире и шире раздвигающій кругъ своей жизни. Этому различію соотвѣтствуетъ и различіе общественнаго положенія: Іудушка представляетъ собою послѣдній отпрыскъ выродившейся помѣщичьей семьи, а Деруновъ, напротивъ, есть одинъ изъ родоначальниковъ новаго общественнаго наслоенія, такъ что заплѣсневѣлость Іудушки и жизнерадостность Дерунова являются какъ бы эмблемами. Іудушка только въ праздныхъ мечтаніяхъ на бумагѣ высчитываетъ, какъ, кого и насколько могъ бы онъ ограбить при помощи купли и продажи, штрафовъ и процентовъ, а у Дерунова все это въявь кипитъ. Любопытно замѣтить, что образъ Дерунова и родственныхъ ему Антошки Стрѣлова, Разуваева и прочихъ «чумазыхъ» намѣченъ опять-таки еще въ «Признакахъ времени», въ главѣ «Нашъ *savoir vivre*». Этотъ нашъ *savoir vivre* есть, собственно говоря, просто мошенничество, болѣе или менѣе закутан-

ное благонамѣренными рѣчами. Сатирикъ замѣчаетъ, что принципъ *savoir vivre* очень туго прививается къ меньшей братіи, но за то, если уже выдастся изъ этой среды подходящій субъектъ, такъ всякаго за поясъ заткнетъ. Помаленьку, да полгоньку онъ сначала ближайшую округу объегориваетъ, а потомъ распространяетъ свои сѣти все дальше и становится, наконецъ, знаменитымъ въ качествѣ «мужичка - финансиста», съ исключительною ловкостью и жестокостью осуществляющаго планы всеобщаго ограбленія. Такова именно исторія Дерунова. Его первые шаги къ лестному титулу мужичка-финансиста—неизвѣстны. Разуваевъ—тотъ въ основу своего благополучія благосклонность корнетши Отлетаевой положилъ. Антошка, впоследствии Антонъ Валерьяновичъ Стрѣловъ, сначала стрѣлой по базару носился, а потомъ поднялся при помощи плутовства, благосклонности любовницы генерала Утробина старшаго и подложныхъ векселей генерала Утробина младшаго. Трактирщикъ въ «Охранителяхъ» соблазнилъ жену купца, вмѣстѣ съ ней его дурманомъ опоилъ и съ того въ гору пошелъ, и т. д. Что же касается Дерунова, то о его первыхъ шагахъ къ «засилію» имѣется только одно его собственное показаніе: почиталъ онъ своего родителя, а братъ его родителя не почиталъ, за что и былъ лишенъ наслѣдства, цѣликомъ доставшагося почтительному сыну. Въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ автора Деруновъ фигурируетъ удачливымъ и ловкимъ прасоломъ и хозяиномъ постоялаго двора. Но собственно рассказъ застаетъ его уже на гораздо высшей ступени: у него уже четверть уѣзда земли въ рукахъ, скоть онъ скупаетъ цѣлыми табунами, фабрику миткалевую завелъ, винокуренные заводы арендуетъ, палаты каменные себѣ выстроилъ. Слава его настолько гремитъ, что его уже въ акціонерныя предпріятія втягиваютъ, но этого онъ еще опасается. Живетъ Деруновъ съ большою семьей: жена, два сына, сноха, четверо внучатъ, да еще дочь есть,—та на сторонѣ живетъ съ мужемъ, съ полковникомъ. Однимъ изъ сыновей, женатымъ, Деруновъ очень недоволенъ, даже въ смиренный домъ его за непочтеніе сажалъ; за то снохой не нахвалится, да и вообще въ семьѣ счастливъ. «Теперича мнѣ хоть какую угодно принцессу предоставь,—развѣ я ее на мою Анну Ивановну промѣняю? Спаси Госпо-

ди! Въ семью-то придешь,—ровно въ раю очутишься. Право! Благодать, тишина, всякій при своемъ мѣстѣ,—истинный рай земной!» Деруновъ—человѣкъ и по внѣшности благообразный и благодушный, всѣми почитаемый. Однако кое-какія подробности его бесѣды смущаютъ автора. Авторъ хочетъ продать свое имѣніе, и Деруновъ, пользуясь обстоятельствами, тѣснить его несообразно малой цѣной. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, про свои коммерческія операціи Деруновъ рассказываетъ, между прочимъ, такъ: «Хлѣбомъ нонѣче за первый сортъ торговать. На счетъ податей строго стало, выкупныя требуютъ, ну, и везутъ. Иному и самому нужно, а онъ отъ нужды везетъ. Очень эта операція нынче выгодная. И скотъ скупать хорошо, коли ко время. Вотъ въ мартѣ кормы-то повыберутся, да и недоимки понуждать начнутъ,—тутъ только не плошай!—За безцѣнокъ цѣлые табуны покупаемъ, да на винокуренныхъ заводахъ на барду ставимъ. Хорошій барышъ бываетъ», и т. д. Во время этихъ наивно или нагло-откровенныхъ разсказовъ благолѣпнаго старца является его сынъ, ѣздившій скупать хлѣбъ у крестьянъ. Онъ рассказываетъ, что давалъ мужикамъ шесть гривенъ за пудъ, а они заупрямились и повезли хлѣбъ въ другое мѣсто, а въ этомъ другомъ мѣстѣ опять же никого, кромѣ Деруновскихъ прикащиковъ, нѣтъ,—ну, и пришлось отдать еще дешевле, по полтиннику. Деруновъ одобряетъ, что мужиковъ проучили за упрямство, но прибавляетъ:

— Однако это, братъ, въ нашихъ мѣстахъ новость. Скажи, пожалуй, стачку затѣяли! Да за стачки-то нынѣче, знаешь, какъ! Что же ты исправнику не шепнулъ?

— Ничего, папенька, покамѣстъ еще своими мѣрами справляемся-сь.

— Ну, ладно. И то сказать, окромя насъ и покупателей-то здѣсь солидныхъ нѣтъ. Испугать вздумали! Нѣтъ, братъ, ростомъ не вышли! Бунтовать не позволено!

— Истинный, папенька, бунтъ былъ. Просто, какъ есть стали всѣ за одно и шабашъ. Вы, говорятъ, изъ всего уѣзда кровь пьете. Даже смѣшно-сь.

— Никогда прежде бунтовъ не бывало, а нынѣче, смотри-ко, бунты начались.

— Да какой же это бунтъ, Осипъ Ивановичъ?—вступился я.

— А по твоему, баринъ, не бунтъ? Мнѣ для чего хлѣбъ-то нуженъ? самъ что ли экую махину съѣмъ? въ амбарѣ что ли я его гноить буду? Въ казну, сударь, въ казну я его ставлю! Армію, сударь, хлѣбомъ про-

довольствую! А ну какъ у меня изъ-за нихъ, курицыныхъ сыновъ, хлѣба то не будетъ? Помирать что ли арміи-то? По твоему это не бунтъ?

Этотъ неожиданный оборотъ разговора, въ связи съ другими подобными же благонамѣренными рѣчами Дерунова, заставляетъ автора пружадуматься: есть ли Деруновъ дѣйствительно «столпъ», или онъ, напротивъ, принадлежитъ къ числу «самыхъ злыхъ и отъявленныхъ отрицателей собственности, семейнаго союза и другихъ основъ?» Повидимому, здѣсь нѣтъ мѣста никакимъ такимъ сомнѣніямъ. Деруновъ богатый собственникъ и уже по одному этому чтитъ собственность; онъ держитъ въ порядкѣ семью и слѣдовательно чтитъ семейный союзъ; онъ заботится объ арміи, жертвуетъ на «общепольное устройство», его грудь украшена медалями, — значитъ онъ чтитъ союзъ государственный. *«Но понимаетъ ли онъ самъ, что онъ «поборникъ»? Не говоритъ ли въ этомъ случаѣ одно его нутро, безъ всякаго участія въ томъ его сознанія?»* Будь это сознаніе налицо, Дерунову пришлось бы, можетъ быть, одно изъ двухъ: либо прекратить свои благонамѣренныя рѣчи, либо измѣнить характеръ своей дѣятельности. Потому что какъ же связать уваженіе къ принципу собственности съ желаніемъ даже при помощи исправника получить чужую собственность за несообразную цѣну? По крайней мѣрѣ автору, послѣ его свиданія съ благолѣпнымъ старцемъ, приснился такой сонъ. Видитъ онъ становаго пристава, получившаго высшее образованіе и имѣющаго дипломъ доктора философіи. Сидитъ будто этотъ становой и пишетъ: «Проявился въ моемъ станѣ купецъ 1-й гильдіи Осипъ Ивановъ Деруновъ, который собственности не чтитъ и въ дѣйствіяхъ своихъ по сему предмету представляется не безопаснымъ. Искусственными мѣрами понижаетъ онъ на базарахъ цѣну на хлѣбъ и тѣмъ вынуждаетъ мѣстныхъ крестьянъ сбывать свои продукты за безцѣнокъ. И даже на дняхъ, встрѣтивъ чемезовскаго помѣщика (имя рекъ), наглými и безстыжими способами вынуждалъ онаго продать ему свое имѣніе за самую ничтожную цѣну. А потому благоволитъ вышнее начальство онаго Дерунова изъ подвѣдомственнаго мнѣ стана извлечь и поступить съ нимъ по законамъ, водворивъ въ мѣста болѣе отдаленныя и безопасныя». Это былъ сонъ, а проснувшись, авторъ съ достовѣрностью

узнаетъ, что Деруновъ сверхъ того и снохачъ. Благолѣпный старецъ, такъ краснорѣчиво говорившій о прелестяхъ семейной жизни («истинный рай земной!»), отнялъ жену у собственнаго сына...

Очеркъ «Превращеніе» рисуетъ Дерунова на еще высшей степени великолѣпія. Онъ уже бросилъ непосредственное кровопійство, предоставивъ эту черную работу сыну и прикащикамъ, а самъ занялся «отвлеченнымъ» грабежомъ, высшими финансовыми операціями, при которыхъ не слышать протестовъ въ видѣ стоновъ, оханій, проклятій, «бунтовъ» и которыя, однако, даютъ рубль и два рубля на рубль въ такіе сроки, въ какіе непосредственное кровопійство даетъ на рубль гривенникъ. Сверхъ того, Деруновъ, еще бодрый и крѣпкій старикъ, рветъ цвѣты наслажденія: ѣздитъ въ Петербургъ, задаетъ лукулловскіе пирры, носитъ брилліантовыя запонки и открыто живетъ съ савицей-снохой.

Чурилинъ («Кандидатъ въ столпы»), Стрѣловъ («Отецъ и сынъ»), Хрисашка Полушкинъ («Опять въ дорогѣ»), затѣмъ Груздевъ, Разуваевъ («Убѣжище Монрепо»),—все это разновидности Деруновскаго типа. Въ «Предостереженіи» сатирикъ подвелъ имъ итогъ кличкой «чумазые». Это такіе же безсознательные лицемѣры, какъ Іудушка Головлевъ, кузина Машенька, Батищевъ и мать его, Проказнинъ и мать его и множество другихъ дѣйствующихъ лицъ сатиръ Салтыкова. Все это люди, отлично помнящіе десять заповѣдей, но исключительно въ буквальной формѣ ихъ повелительнаго наклоненія, то-есть въ формѣ обращенія ко второму лицу: *ты* не укради, *ты* не убей, *ты* не прелюбы сотвори. А затѣмъ отъ степени изворотливости даже не ума ихъ, а только языка—зависитъ удача или неудача достиженія истинной цѣли ихъ жизни: сбросить съ себя лично узду этихъ самыхъ заповѣдей. Но «чумазые» выдѣляются изъ всего персонала лицемѣровъ своимъ общественнымъ положеніемъ. Они пробились снизу вверхъ. Они новые люди въ исторіи. Въ дореформенную эпоху они были возможны развѣ въ видѣ рѣдкихъ исключеній и во всякомъ случаѣ никакого новаго теченія внести въ жизнь не могли. Бывали случаи, что, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, «мужичекъ» пролѣзалъ на-верхъ, но онъ стано-

вился при этомъ такимъ же бариномъ, какъ и прирожденные баре, растворялся въ барскомъ слоѣ: заводилъ себѣ непомѣрную дворню, въ теплые края путешествовать ѣздилъ, бросалъ деньги направо и налево, а при случаѣ и книжки читалъ и библіотеки, музеи, школы заводилъ. «Чумазые», какъ новый дирижирующій слой, стали возможны только съ тѣхъ поръ, какъ «порвалась цѣпь великая, порвалась, раскачалась—однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Не потому, разумѣется, они стали возможны, что порвалась великая постыдная цѣпь, а благодаря обстоятельствамъ, сопровождавшимъ это событіе. Неумѣлый баринъ и обремененный мужикъ — вотъ два источника, изъ которыхъ и на счетъ которыхъ «чумазые» черпаютъ свою силу. Деруновъ уловляетъ и чемезовскаго барина, пользуясь его безпомощностью, и крестьянъ, выжидая моментъ, когда кормы повыберутся и недоимки понуждать начнутъ. Разуваевъ опутываетъ владѣльца Монрепо и мужику спуску не даетъ, памятуя, что «йень достанить».

Въ финансовомъ девизѣ Разуваева лежитъ ключъ къ разумѣнію разницы между тѣмъ обездоленіемъ, которому могъ подвергать мужика баринъ, и тѣмъ, которое зависитъ отъ алчности чумазыхъ. Баринъ могъ проиграть свою Маниловку или Заманиловку въ карты, могъ промѣнять крестьянскую семью на пару борзыхъ собакъ, могъ совершать всякія безобразія и жестокости, но онъ не могъ не знать и не принимать въ соображеніе той границы матеріальнаго обездоленія, за которою «йень» уже ничего не «достаните». А еслибы онъ и перевелъ обитателей своей Маниловки за эту границу, то, во-первыхъ, это отозвалось бы на немъ самомъ; а во-вторыхъ, дальше своихъ владѣній онъ былъ не въ силахъ распространять раззореніе. Сфера же дѣятельности чумазыхъ, можно сказать, безпредѣльна; для нихъ «йень» всегда «достанить», потому что если этотъ «йень» даже съ голоду умретъ, такъ на его мѣсто совершенно такой же свѣжій «йень» явится; да и самъ чумазый, опустошивъ Маниловку, можетъ свободно перенестись въ другую Маниловку, третью и т. д., безъ конца. Кромѣ того, надо помнить, что баринъ все-таки былъ не чуждъ наукъ и искусствъ, онъ иногда слушалъ Грановскаго и читалъ Бѣлинскаго, былъ способенъ предаваться «меч-

таніямъ», конечно, въ большинствѣ случаевъ, платоническимъ и празднымъ. Чумазый, же на вопросъ: что есть истина? твердо и неукоснительно отвѣчаетъ: «распивочно и на выносъ!» Чумазый, какъ мы видѣли на примѣрѣ Дерунова, можетъ подняться очень высоко, начисто вымыться и надѣть брилліантовые запонки, такъ что сюда относятся вообще «кабатчики, желѣзнодорожники, мѣнялы и прочіе міроѣдскихъ дѣлъ мастера». Чумазые это—нашъ *tiers-état*. Но въ отличіе отъ европейской буржуазіи, на знамени которой значатся слова: просвѣщеніе и свобода, Деруновъ ставитъ себѣ девизомъ: «насчетъ вина свободно, а начетъ чтеніевъ строго», и этимъ изреченіемъ стремится окрасить все окружающее. Въ этомъ ему существенную помощь оказываютъ благонамѣренныя рѣчи.

Мы видѣли приемы, которыми Деруновъ настигаетъ мужика: ловить моментъ безкормицы и взысканія недоимокъ, а если и за всѣмъ тѣмъ мужикъ не беретъ шести гривенъ за пудъ, то Деруновъ называетъ это стачкой и бунтомъ и готовъ прибѣгнуть къ содѣйствію властей, потому онъ армію хлѣбомъ снабжаетъ, а не умирать же арміи изъ-за нихъ, курицыныхъ сыновъ! Этотъ залпъ благонамѣренныхъ рѣчей за счетъ властей и арміи есть *ultima ratio*. Такъ и съ «господами». Понуждая чемезовскаго барина продать имѣніе задешево, Деруновъ пугаетъ его судьбой кандауровскаго барина, котораго «чуть-чуть не увезли», потому что онъ «чтеніями» занимался. Въ очеркѣ «Опять въ дорогъ» Хрисашка Полушкинъ съ братьей доносами выживаютъ помѣщика Ощирину; доносы, конечно, состоятъ изъ благонамѣренныхъ рѣчей: въ церковь Ощиринъ не ходитъ, такъ это истиннымъ сынамъ церкви обидно показалось, а какой же Хрисашка сынъ церкви, когда онъ воръ и прелюбодѣй? Владѣльца Монрепо Разуваевъ съ Ковыряевымъ выкуриваютъ всѣми возможными способами—и наглымъ нахрапомъ, и уговорами, и наконецъ угрозой политическаго доноса. Никакихъ политическихъ грѣховъ за владѣльцемъ Монрепо нѣтъ, но, въ концѣ-концовъ, онъ не выдерживаетъ этого всесторонняго натиска и продаетъ Разуваеву Монрепо: *finis* Монрепо.

Такова сила «благонамѣренныхъ рѣчей»... Вотъ три человека, въ прошломъ которыхъ есть убійство, воровство, лже-

свидѣтельство, прелюбодѣйство, — словомъ, нарушеніе чуть не всѣхъ десяти заповѣдей, — являются въ качествѣ добровольцевъ-охранителей государственнаго порядка и религіи («Охранители»). Они «извѣщаютъ» исправника о преступной дѣятельности помѣщиковъ Анпетова и Парначева. Исправникъ, хорошо знакомый съ біографіями всѣхъ трехъ доносчиковъ, отказывается дать ходъ ихъ извѣщеніямъ, потому что въ дѣйствіяхъ Анпетова и Парначева не оказывается состава преступления (одинъ самъ землю пашетъ, а другой хлопочетъ о школахъ, трезвости и сыровареніи). Однако исправникъ, все-таки, пользуется услугами извѣстителей и, кажется, не можетъ не пользоваться, потому что въ противномъ случаѣ они, чего добраго, его самого обвинятъ въ неуваженіи къ «основамъ». Обвинятъ, не моргнувъ глазомъ, ни на секунду не дрогнувъ совѣстью, хотя они-то и есть настоящіе разрушители основъ. Эти три доносчика настолько глупы и невѣжественны, что формулируютъ свои извѣщенія такъ: «Каммуны дѣлаетъ, протолеріатъ проповѣдуетъ, прокламацію выпускаетъ, все, словомъ сказать, весь ядъ! — Главнѣйше же путямъ провидѣнія не покоряется: дождь, напрімѣръ, не отъ Бога, а отъ облаковъ». Но благонамѣренныя рѣчи отнюдь не всегда отливаются въ такія безграмотныя и бессмысленныя формы. Напротивъ, онѣ поддаются болѣе или менѣе благообразной, въ техническомъ смыслѣ, обработкѣ и складываются въ цѣлыя литературныя теченія, отъ чего однако ни мало не измѣняется ихъ суть. Суть же въ томъ, что на защиту основъ поднимаются разрушители основъ, сохраняя при этомъ столь полную ясность духа, что не знаешь даже чему ее приписать — безграничной ли наглости, или младенческой наивности. Во всякомъ случаѣ этотъ странный маскарадъ, гдѣ все безъ церемоніи валится съ больной головы на здоровую; гдѣ возможна «притча о мерзавцѣ, на доброй стезѣ стоящемъ» («Письма къ тетенькѣ»); гдѣ «разбойниками печати» ругаются именно тѣ, кому этотъ титулъ приличествуетъ; гдѣ уличенные развратники кричатъ о святости семейнаго начала; гдѣ казнокрады заподозрѣваютъ Щедриныхъ въ недостаткѣ патріотизма, — маскарадъ этотъ внушилъ сатирику ядовитую мысль, которую онъ впрочемъ облекъ въ комическую форму «Современной идилліи».

Одурманенные хоромъ благонамѣренныхъ рѣчей, герои «Современной идилліи» припоминаютъ свое прошлое: чего-чего тамъ только не было,—«и восторгъ по поводу упраздненія крѣпостнаго права, и признательность сердца по случаю введенія земскихъ учрежденій, и свѣтлыя надежды, возбужденныя опубликованіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, и торжество, вызванное упраздненіемъ предварительной цензуры, съ оставленіемъ ея лишь для тѣхъ, кто, по человѣческой немощи, не можетъ вмѣстить безцензурности». Съ точки зрѣнія Терпибѣдовыхъ и Граціановыхъ, Разуваевыхъ и Очищенныхъ, все это такія преступленія, которыя вопіютъ о торжественномъ и блестящемъ искупленіи. И вотъ герои «Современной идилліи» спѣшатъ сдѣлаться «участниками преступленій, въ надеждѣ, что общій уголовный кодексъ защититъ ихъ отъ притязаній кодекса уголовно-политическаго». Они стремятся уподобиться Терпибѣдовымъ и Граціановымъ, погружаются въ пучину низости, мерзости, грязи, совершаютъ рядъ постыдныхъ и прямо преступныхъ дѣяній и, наконецъ, достигаютъ своей цѣли: Терпибѣдовы, Граціановы, Разуваевы и весь сонмъ лицемѣровъ признаютъ ихъ людьми благонамѣренными. Но тутъ является на сцену «Стыдъ»...

VII.

Умѣренность и аккуратность

«Въ основѣ современной жизни лежитъ почти исключительно мелочь... Ахъ, эти мелочи! Какъ чесоточный зудень, впиваются онѣ въ организмъ человѣка и точатъ, и жгутъ его... Мелочи, мелочи, мелочи заполонили всю жизнь».

Такъ вздыхалъ Салтыковъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній, разумѣя при этомъ не только русскую, а и европейскую жизнь. Понятно, однако, что наибольшее вниманіе онъ удѣляетъ нашей жизни. Въ томъ сравнительно небольшомъ произведеніи, изъ котораго взяты приведенныя слова («Мелочи жизни»), сдѣланъ смотръ разнымъ положеніямъ русскихъ людей. Передъ читателемъ проходятъ: «Хозяйственный мужичокъ», сельскій священникъ, помѣщикъ, «міроѣды», груп-

па «молодыхъ людей», группа «читателей», группа «дѣвушекъ», группа, поставленная за общую скобку заглавія «Въ сферѣ сѣянiя» (газетчикъ, адвокатъ, земскій дѣятель, праздношатающійся), затѣмъ отдѣльныя фигуры «Портнаго Гришки», «Счастливица», «Имярека». По задачѣ это нѣсколько напоминаетъ некрасовское «Кому на Руси жить хорошо». Но поэтъ не успѣлъ отвѣтить на свой вопросъ, а отвѣтъ Салтыкова на-лицо. Отвѣтъ грустный; именно грустный. Всякій другой эпитетъ, хотя бы даже справедливый по существу дѣла, былъ бы все-таки неумѣстенъ, въ виду того тона, которымъ этотъ отвѣтъ проникнутъ. Въ смыслѣ господствующаго тона, «Мелочи жизни» можетъ-быть самое цѣльное изъ произведеній Салтыкова, если брать ихъ такъ, какъ онъ ихъ писалъ,—цѣлыми серіями. Въ «Мелочахъ жизни» нѣтъ той смѣны спокойнаго разсужденія и изображенія взрывами заразительнаго смѣха, а этого смѣха негодованіемъ, которую мы видимъ и въ «Губернскихъ очеркахъ», и въ «Помпадурахъ», и въ «Господахъ Ташкентцахъ», и въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ», и въ «Пошехонскихъ разсказахъ», и въ «Письмахъ къ тетенькѣ» и т. д. Въ этомъ отношеніи рядомъ съ «Мелочами жизни» можетъ быть поставлена только «Пошехонская старина», но объ ней у насъ пойдетъ рѣчь особо. Въ «Мелочахъ жизни» сатирикъ является какъ бы уставшимъ смѣяться и негодовать. Онъ можетъ только грустить. Грустить онъ о томъ, что мелочи заполонили всю жизнь, что всѣ, куда ни взглянешь, да и самъ онъ, сатирикъ, затянуты тиной мелочей, въ которой даже, повидимому, наиболѣе счастливые почерпаютъ только тусклую, сѣрую жизнь изо-дня-въ-день, безъ намека на настоящее счастье, безъ манящаго просвѣта въ будущее. О какой-нибудь утрировкѣ или о тенденціозномъ подборѣ фактовъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Салтыковъ выбираетъ для своего обзора отнюдь не худшія положенія. Совсѣмъ даже напротивъ. Такъ изъ крестьянской жизни онъ беретъ не какую-нибудь голь перекатную, раздавленную нуждой и горемъ, а «хозяйственнаго мужичка», разумнаго, честнаго, у котораго домъ, по-крестьянски, полная чаша. И однако, сдѣлавъ добросовѣстный обзоръ его жизни, авторъ приходитъ къ грустному вопросу: «съ какой стороны подойти къ этому

разумному мужику? Какимъ образомъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ?» Мелочи, тягучія, липкія мелочи, опутывающія всю жизнь хозяйственнаго мужичка, не даютъ ему подняться выше «хлѣба единого», обрѣзываютъ его душѣ крылья, да и въ сферѣ ежедневныхъ интересовъ онъ все-таки не спокоенъ. Хорошо онъ живетъ, полная чаша его домъ, но подъ старость, когда ему приходится передать бразды правленія большаку-сыну, онъ видитъ, что дѣло его жизни начинается вразбродъ идти. «Умру, все растащутъ!—думается старику, и болитъ—ахъ, болитъ его хозяйственное сердце!» А уйти отъ этой боли некуда,—весь онъ тутъ, въ этихъ мелочахъ.—Вотъ сельскій священникъ: хорошій попъ, и никакихъ особенныхъ, экстренныхъ несчастій судьба ему не посылаетъ. Тѣмъ не менѣе, жизнь его есть не что иное какъ «сказка объ изнурительномъ жизне-строительствѣ», и резюмируется словами: «Горькое начало, горькое существованіе, горькій конецъ».—Но вотъ, пропускаю нѣсколько фигуръ, наталкиваемся на исключительнаго удачника. Газетчикъ Иванъ Непомнящій устроился блистательно: обладая, вмѣсто убѣжденій и знаній, лишь бойкимъ перомъ и наглостью, онъ въ изобиліи пожинаетъ деньги тамъ, гдѣ сѣтъ вздоръ, сплетни, гаерство. Онъ задаетъ роскошные обѣды, держитъ при своей особѣ «льстеца», «разсказчика сценъ» и «разорившагося жуира», собирается купить въ Италіи замокъ Лампопо съ принадлежащимъ къ нему княжескимъ титуломъ,—словомъ, можетъ сказать себѣ: пей, ѣшь и веселись. Онъ и пьетъ, и ѣстъ, но не веселится. И его жизнь слагается изъ удручающихъ мелочей изо-дня въ день, такъ что онъ начинаетъ, наконецъ, ненавидѣть свою газету, а бросить ее не можетъ...

Таково ли дѣйствительно положеніе Ивана Непомнящаго, въ самомъ ли дѣлѣ онъ удрученъ мелочами жизни, или, напротивъ, душа его ничего иного не проситъ, до этого намъ дѣла нѣтъ. Мы говоримъ о настроеніи Салтыкова, объ его собственномъ отношеніи къ мелочамъ жизни. Онъ представлялся ему чѣмъ-то ужаснымъ и вмѣстѣ унижительнымъ, какимъ-то засасывающимъ болотомъ, выбраться изъ котораго не легко, даже при полномъ сознаніи, что погружаешься во что-то гряз-

ное, липкое и зловонное. Салтыковъ очень хорошо зналъ, что есть люди, способные довольствоваться мелочами. Вотъ, на-примѣръ, помѣщикъ Лобковъ «совершенно доволенъ, что его со всѣхъ сторонъ обступили мелочи,—ни дыхнуть, ни подумать ни о чемъ не даютъ; цѣною этого онъ сытъ и здоровъ, а больше ему ничего и не требуется». Или «Ангелочекъ», или «Полковницкая дочь» (обѣ изъ группы «Дѣвушекъ»), да мало ли ихъ, малымъ довольныхъ. Какъ бы однако они ни были по-своему счастливы, со стороны на нихъ можно посмотреть разнo. Можно, памятуя изреченіе: «Лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольной свиньей», негодовать на узколюбіе или черствость, необходимыя для благополучнаго погруженія въ мелочи жизни; можно осмѣять рыцарей вершка и золотника. Но можно и пожалѣть ихъ. Ангелочекъ, полковницкая дочь, Лобковъ, Иванъ Непомнящій и проч.,—все это люди малые, но все же они люди. Могли бы вѣдь и они, при другихъ условіяхъ, вкусить отъ настоящей жизни, взять съ нея все, что она способна дать человѣку, а они, бѣдные, даже не подозрѣваютъ о существованіи тѣхъ подчасъ мучительныхъ, а подчасъ и радостныхъ и во всякомъ случаѣ расширяющихъ личное существованіе тревогъ, которыя даютъ высшія проявленія жизни. Что ужъ это за жизнь безъ любовнаго участія къ чьей бы то ни было чужой жизни, безъ мечты, безъ жажды подвига, безъ подъема къ какому бы то ни было небу... жалкая, сиротская, нищенская жизнь!

На этой именно точкѣ грустной жалости стоитъ Щедринъ въ «Мелочахъ жизни». Онъ ни на кого не сердится, никого не осмѣиваетъ,—онъ жалѣетъ, и въ этой его жалости находятъ себѣ одинаковый пріютъ и всѣми безжалостно поруганный портной Гришка, и великолѣпный газетчикъ, и бездушный Ангелочекъ, счастливо превращающійся въ княгиню Сампантре, и оставшаяся «Христовой невѣстой» Ольга Васильевна. Очень это различные люди и очень различныя ихъ положенія, но они одинаково засосаны мелочами. Это не надменный укоръ человѣка, взобравагося на пьедесталъ. Авторъ и самого себя чувствуетъ опутаннымъ сѣтью мелочей. На краю могилы «онъ чувствуетъ, что сердце его горитъ, и что онъ пришелъ къ цѣли поисковъ всей жизни, что только теперь его

мысль установилась на стезѣ правды... Онъ простираетъ руки, ищетъ отклика, онъ жаждетъ идти, возглашать... И сознаетъ, что сзади у него повисъ ворохъ крохъ и мелочей, а впереди—ничего, кромѣ одиночества и оброшенности» («Имярекъ»).

Очеркъ «Имярекъ» произвелъ въ свое время сильное впечатлѣніе, какъ личная исповѣдь знаменитаго автора. Онъ получалъ много писемъ. Одно изъ нихъ пришло въ моемъ присутствіи, и Салтыковъ, жалуясь на слабость зрѣнія, просилъ меня прочитать его. Я никогда не забуду этой сцены: слушая письмо. Салтыковъ, по обыкновенію, ворчалъ и въ то же время плакалъ... Авторъ письма называлъ его «святѣмъ старикомъ», доказывалъ, что не крохи и мелочи у него въ прошломъ, что не одинокъ онъ и не можетъ быть одинокъ, что русское общество не можетъ забыть его заслуги, какъ бы ни умалять ихъ размѣры онъ самъ. Письмо было хорошее, звучало искренностью, и если автору его попадутся на глаза эти строки, пусть онъ приметъ отъ меня благодарность за тѣ минуты умиленія, которыя онъ доставилъ больному и мнительному старику. Корреспондентъ былъ настоящій «читатель-другъ», общеніе съ которымъ Салтыковъ, какъ мы видѣли, считалъ драгоцѣннымъ для каждаго убѣжденнаго писателя. Но письмо было не просто утѣшительно, въ немъ была правда. Конечно, только мнительность и болѣзнь могли внушить Салтыкову мысль, что «сзади у него повисъ ворохъ крохъ и мелочей, а впереди—ничего, кромѣ одиночества и оброшенности». Все относительно. Ядовитыя мелочи не пощадили и Салтыкова, и въ его жизнь и дѣятельность онѣ внесли свою долю горькой отравы. Но сдѣланнаго имъ, разумѣется, слишкомъ достаточно для того, чтобы не предаваться скорби Имярека. Хотя бы уже потому, что въ его дѣятельности широкая полоса была отдана именно борьбѣ съ мелочами жизни. До конца дней своихъ не оставалъ онъ звать насъ въ тотъ міръ идеала и дѣйственной вѣры въ будущее, который только и можетъ спасти отъ губительной цѣпкости мелочей. Вглядываясь въ безнадежно сѣрые тоны нашей жизни, воспроизведенные имъ коснѣющею рукою въ предсмертной страничкѣ «Забытыхъ словъ», онъ боялся: «Кто знаетъ,—можетъ быть недалеко время, когда самыя скромныя ссылки на идеалы будущаго будутъ возбуждать

только ничѣмъ не стѣсняющійся смѣхъ («Пошехонская старина»). Увы! это время уже наступило, слова: «вѣра въ будущее», «идеалы» уже возбуждаютъ смѣхъ, столько же наглый, сколько и глупый. А впрочемъ, *rire bien qui rire le dernier...*

Къ торжеству мелочей Салтыковъ не всегда относился только съ грустью, какъ въ послѣдніе годы своей жизни. Раньше онъ встрѣчалъ его то бурнымъ негодованіемъ, то безпощаднымъ смѣхомъ.

Въ сказкѣ «Добродѣтели и Пороки» парламентаромъ отъ Добродѣтелей во враждебный лагерь Пороковъ, въ концѣ-концовъ, отправляется Лицемѣріе. Но сначала Добродѣтели отправили было «двухъ бобылокъ—Умѣренность и Аккуратность». Выборъ этотъ онѣ сдѣлали по указанію Опыта, который посоветовалъ: «отыщите такое сокровище, которое и Добродѣтели бы уважало, да и отъ Пороковъ было бы не прочь». Умѣренность и Аккуратность вполнѣ соотвѣтствовали этимъ требованіямъ, потому что съ одной стороны въ добродѣтельскихъ селеніяхъ жили, а съ другой—торговали корчемнымъ виномъ и потихоньку Пороки у себя принимали. Однако миссія Умѣренности и Аккуратности не удалась. Пришли онѣ въ лагерь Пороковъ и начали канитель разводить: «помаленьку-то покойнѣе, а потихоньку вѣрнѣе»; ну, ихъ и прогнали.

Умѣренность и аккуратность несомнѣнно живутъ въ добродѣтельскихъ селеніяхъ и питаются тѣми самыми мелочами, которыя, по Салтыкову, калѣчатъ жизнь человѣческую. Понятно, что большаго благоволенія къ этимъ почтеннымъ качествамъ сатирикъ не могъ чувствовать. И дѣйствительно, еще въ самомъ раннемъ своемъ произведеніи, въ «Запутанномъ дѣлѣ», онъ съ совершенно недвусмысленною неприязнію относится къ той программѣ умѣренности и аккуратности, которою отецъ героя снабжаетъ отъѣзжающаго въ Петербургъ сына. Это можно бы было пожалуй поставить на счетъ молодости. Салтыкову было всего двадцать два года, когда онъ писалъ «Запутанное дѣло»; ну, а въ эти благодатные годы умѣренность и аккуратность натурально претятъ: «то кровь кипить, то силъ избытокъ». Надо быть Молчалинымъ, чтобы посвятить себя культу умѣренности и аккуратности *à la fleur de l'âge*. Потомъ, когда цвѣты отцвѣтутъ, когда уходятъ бурку

крутыя горки,—другое дѣло. Суровая житейская практика поукротить молодой задоръ, поубавить молодыхъ силъ, мелочи жизни сдѣлають свое дѣло, и умудренный человѣкъ сожжетъ все, чему поклонялся, поклонится всему, что сжигалъ. Съ улыбкой,—и хорошо еще если съ улыбкой, а не со стыдомъ или зубовнымъ скрежетомъ,—будетъ онъ вспоминать золотые сны молодости и предъявить ту самую программу умѣренности и аккуратности, которую когда-то гордо и пылко браковалъ. Ахъ, это очень обыкновенная исторія,—до такой степени обыкновенная, что когда я вижу юношу, съ негодованіемъ рвущаго знамя умѣренности и аккуратности, я по-неволѣ вспоминаю примѣры происходившихъ на моихъ глазахъ превращеній и думаю: на долго ли этого задора хватитъ? Горькія думы, но еще горше видѣть молодость безъ ея естественныхъ атрибутовъ, а это бываетъ. Салтыковъ держался на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленнаго мнѣнія. Онъ писалъ: «Кто въ двадцать лѣтъ не желалъ и не стремился къ общему возрожденію, про того трудно даже сказать, что у него было когда-нибудь сердце, способное сочувствовать и сострадать». Отсюда его особенная ненависть къ молодымъ ташкентцамъ всякаго рода: пусть бы ужъ старики ташкентствовали, если эта чаша не можетъ миновать насъ совсѣмъ.

Какъ бы то ни было, но съ Салтыковымъ лично не произошло, на всемъ протяженіи его жизни, никакого превращенія по части умѣренности и аккуратности. Какъ онъ выступилъ на литературное поприще съ презрѣніемъ къ этимъ бобылкамъ, живущимъ «на задворкахъ добродѣтельскихъ селеній», такъ и въ могилу сошелъ безъ уваженія къ нимъ. Онъ всегда понималъ губительную цѣпкость мелочей и ихъ засасывающую силу. Поэтому онъ сравнительно благодушно отнесся даже къ Молчалину («Въ средѣ умѣренности и аккуратности»), несмотря на всѣ его «уступочки» и «обстановочки». Правда, какъ мы видѣли, онъ пригрозилъ ему страшной карой сыновняго суда, но это уже собственно за то, что Молчалинъ былъ способенъ окровавленными руками пирогъ съ капустой рѣзать. Это вѣдь ужъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ. Но затѣмъ Молчалинъ просто маленькій, слабый человѣкъ, самъ сознающій свое ничтожество, и вы ясно видите, что са-

тирикъ по челоуѣчеству сочувствуетъ его горестямъ и труднымъ положеніямъ. Иное дѣло, когда представители умѣренности и аккуратности воображаютъ, что они-то и суть настоящіе большіе корабли, которымъ предстоитъ большое плаваніе, когда они, гордо закинувъ голову и воинственно потрясая мечомъ, набрасываются на все, что не отмѣчено клеймомъ умѣренности и аккуратности. Этимъ Салтыковъ не давалъ пощады. Въ сущности онъ только требовалъ, чтобы всякій сверчокъ зналъ свой шестокъ, чтобы вещи назывались ихъ подлинными именами: вершокъ—вершкомъ, аршинъ—аршиномъ, и, кажется, требованіе это нельзя назвать чрезмѣрнымъ или несправедливымъ. А между тѣмъ за это за самое онъ претерпѣлъ нападокъ можетъ быть больше, чѣмъ за какую бы то ни было другую струю своей дѣятельности.

Полемика, происходившая въ началѣ семидесятыхъ годовъ между *Отечественными Записками* и *С.-Петербургскими Вѣдомостями*, нынѣшнему поколѣнію читателей совершенно чужая. Благодаря разнымъ неожиданностямъ, подрывающимъ преемственность нашего литературнаго развитія, нынѣшнимъ читателямъ не только трудно проникнуться интимной, живой подкладкой той полемики, но едва ли многіе даже просто помнятъ и знаютъ ее. Къ этому надо еще прибавить неполноту документовъ, относящихся къ дѣлу: сочиненія Салтыкова на-лицо, со всею ихъ полемическою рѣзкостью, а кому же нужда или охота разыскивать старые номера *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*? Они были и быльемъ поросли. Ознакомиться съ ними не трудятся, повидимому, даже тѣ, для кого это, по обстоятельствамъ, обязательно.

Одинъ, вообще говоря, очень благосклонный критикъ дѣлаетъ по поводу упомянутой полемики упрекъ сатирику въ «преувеличеніи», «несправедливости» и «ошибкѣ». Не возражая противъ щедринской оцѣнки «пѣнкоснимательства» вообще, онъ находитъ несправедливость и ошибку въ приуроченіи его «къ одному лицу и къ одной газетѣ». Этотъ упрекъ прежде всего фактически несправедливъ. Подъ «Старѣйшей Всероссійской Пѣнкоснимательницей», конечно, разумѣются *С.-Петербургскія Вѣдомости*, но рядомъ съ ними у Щедрина фигурируютъ и другіе органы печати, напримѣръ, журналъ

«Вѣстникъ Пѣнокосниманія», еженедѣльное изданіе «Обыватель Пѣнокоснимающій», газета «Истинный Россійскій Пѣнокосниматель». Что же касается «одного лица», то Менандръ Прелестновъ, къ которому только и можетъ относиться эта аллюзія, пользуется даже нѣкоторымъ сочувствіемъ сатирика. Менандръ Прелестновъ видалъ лучшія времена литературы и помнить ихъ. Въ минуту откровенной бесѣды онъ говоритъ автору: «ну, скажи на милость, развѣ Бѣлинскій, Грановскій, ну, Добролюбовъ, Писаревъ что ли... развѣ писали они что-нибудь подобное той слюноточивой канители, которая въ настоящее время носить названіе передовыхъ статей?.. Ты замѣтилъ ли, что этотъ Нескладинъ нагородилъ?» («Дневникъ провинціала въ Петербургѣ»). Менандръ Прелестновъ—центральная фигура картины, но онъ не инициаторъ пѣнокосниманія, а скорѣе жертва его, не принципиальный его поборникъ, а только попуститель, да и то поневолѣ. Временами по крайней мѣрѣ онъ отлично сознаетъ, чего стоятъ принципы пѣнокоснимательства и его представители, орудующіе въ «Старѣйшей Россійской Пѣнокоснимательницѣ».

Далѣе, упомянутый критикъ говоритъ, что Салтыковъ потратилъ въ этой полемикѣ «слишкомъ много слишкомъ тяжелыхъ снарядовъ», но о томъ, какіе снаряды пускались въ ходъ пѣнокоснимателями, не говоритъ ни единого слова. Это придаетъ всей исторіи невѣрное освѣщеніе. Полемика *Отечественныхъ Записокъ* съ *С. Петербургскими Вѣдомостями* была не поединкомъ Салтыкова съ Менандромъ Прелестновымъ, а борьбою двухъ направленій, и въ этой борьбѣ не одна же только сторона тратила «снаряды». Здѣсь, конечно, не мѣсто припоминать подробности полемики, но всякій, кто пожелаетъ справиться въ подлинныхъ документахъ, увидитъ, что въ *Отечественныя Записки*, отъ которыхъ Салтыковъ никогда себя не отдѣлялъ, и лично въ самого Салтыкова летѣли изъ лагеря пѣнокоснимателей снаряды, начиненные всѣмъ порохомъ, какого только у нихъ хватало. Что не они порохи выдумали, это правда, но это уже другой разговоръ.

Дѣло именно въ томъ, что пѣнокоснимательство занимало въ ту пору воинствующее положеніе. Конечно, уже самые его принципы не могли быть симпатичны сатирику. «Наше время—

не время широкихъ задачъ»; «съ одной стороны надо признаться, но и съ другой стороны нельзя не сознаться»,—это не могло быть по душѣ человѣку, которому умѣренность и аккуратность рисовались въ видѣ бобылокъ, живущихъ на задворкахъ добродѣтельскихъ селеній. Если этому вилянію и этому аккуратно-умѣренному погруженію въ мелочи жизни предается какой-нибудь Молчалинъ, такъ пожалуй и Богъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ выше сферы своей не лѣзетъ, жаръ-птицы изъ себя не изображаетъ и никогда не забываетъ пословицы, предписывающей протягивать ножки по одежкѣ. Но литература! Литература, идея которой, по Салтыкову, граничить съ вѣчностью! .. Какое такое можетъ быть время, что литература не найдетъ въ немъ широкихъ задачъ? Что задачи могутъ, по характеру своему, измѣняться, переходя отъ теоріи къ практикѣ и обратно и въ каждой изъ этихъ областей отъ одной группы вопросовъ къ другой,—это вѣрно. Что внѣшнія обстоятельства могутъ насильственно сѣздить сферу дѣятельности литературы,—это, къ сожалѣнію, опять-таки безспорно. Но чтобы литература сама накладывала на себя руки и возводила узость задачъ въ руководящій принципъ,—этого Салтыковъ, въ своемъ благоговѣйномъ отношеніи къ роли литературы, ни понять, ни простить не могъ. И пусть бы эта самоубійственная литература по крайней мѣрѣ сознавала глубину своего ничтожества и позора, пусть бы она клевала выѣденныя яйца и прочія мелочи жизни, краснѣя отъ стыда или хоть только со скромнымъ видомъ, приличествующимъ бобылкамъ, которыя на задворкахъ добродѣтельскихъ селеній живутъ. А то вѣдь она что говоритъ?—Она говоритъ: мы соль земли! а вы, говоритъ, которые о широкихъ горизонтахъ хлопчете, празднословы, неспособные подняться на высоту научнаго пониманія задачъ времени. Нескладинъ отстаиваетъ «проектъ упраздненія» противъ «проекта уничтоженія». Авторъ «Дневника провинціала» осмѣливается ему замѣтить, что это, кажется, одно и то же и что «сердце отказывается вѣрить»... Нескладинъ надменно перебиваетъ: «А такъ какъ я имѣю дѣло съ фактами, а не съ тревогами сердца, то и не могу ничего сказать вамъ въ утѣшеніе!» Неуважай-Корыто, по поводу какого-то Чурилки, тоже съ величественною сухостью отрѣзы-

ваетъ: «Ну-съ, на этотъ счетъ наша наука никакихъ утѣшеній преподать вамъ не можетъ!» Наука! Они вѣдь серьезно думали, что это наука, а отстаиваніе «проекта упраздненія» противъ «проекта уничтоженія» — либерализмъ. Что касается либерализма, то дальнѣйшія превращенія многихъ дѣятельнѣйшихъ пѣнокоснимателей уже сами по себѣ свидѣлствуютъ, въ какой мѣрѣ былъ правъ Салтыковъ, не давая этому либерализму той цѣны, которую тотъ самъ запрашивалъ.

Умѣренность и аккуратность сами по себѣ отнюдь не постыдныя какія-нибудь качества. Притомъ же есть такія сферы жизни и такія положенія, въ которыхъ онѣ рѣшительно необходимы. Но имъ приличествуетъ скромность. Грибоѣдовскій Молчалинъ боится «свое сужденіе имѣть». Его и Софья-то полюбила за то, что онъ «врагъ дерзости, всегда застѣнчивъ и не смѣлъ». Да и не одна Софья. Самъ Щедринъ оцѣнилъ скромность Молчалина и сообразно этому внесъ въ грибоѣдовскій образъ нѣкоторыя любопытныя поправки. Щедринскій Молчалинъ рѣшительно отрицаетъ приписанныя ему Грибоѣдовымъ амурныя шашни съ Софьей. Онъ рассказываетъ дѣло такъ: «Я въ ту пору на флейтѣ игрывалъ, — ну, Софья Павловна и приглашала меня, собственно, на предметъ аккомпанимента... Однажды точно что послѣ игры ручку изволила дать мнѣ поцѣловать, однако, я такъ благороденъ на этотъ счетъ былъ, что тогда же имъ доложилъ, что въ ихнемъ званіи и милости слѣдуетъ расточать съ разсужденіемъ». Съ Лизой у него шашни дѣйствительно были, — ну, Софья Павловна и разсердилась, что «такой пассажъ — и возлѣ самыхъ ея апартаментовъ». Этимъ объясняется знаменитая сцена послѣ бала. Чацкій въ послѣдствіи самъ сознался, что погорячился; онъ-таки женился на Софьѣ Павловнѣ, и оба они всегда благоволили къ Молчалину, а Софья кромѣ того и дѣтей у него всѣхъ крестила. На зубокъ новорожденному она всегда двадцать пять полуимперіаловъ дарить. «А я, — рассказываетъ Молчалинъ, — не будь простъ, сейчасъ къ Юнкеру, да внутренняго займа съ выигрышами билетецъ-съ! Можетъ-быть когда-нибудь на наше счастье тыщенокъ двадцать пять — обѣ двухстахъ-то ужъ мы не думаемъ — и выпадетъ!» («Въ средѣ умѣренности и аккуратности»). Въ этой щедринской передѣлкѣ Молчалинъ выходитъ гораздо сим-

патичнѣе, чѣмъ у Грибоѣдова; а эта сравнительная привлекательность зависитъ отъ того, что передѣланный Молчалинъ искреннѣе и послѣдовательнѣе въ своей умѣренности и аккуратности: онъ скромнѣе, онъ знаетъ свой шестокъ.

Своей передѣлкой Молчалина Салтыковъ показалъ, что онъ можетъ очень мягко относиться къ умѣренности и аккуратности, кѣгда онѣ украшаются скромностью. Какъ всякій истинно большой человѣкъ, Щедринъ не презиралъ ни маленькихъ людей, ни маленькихъ дѣлъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они не маскировались большими людьми и большими дѣлами. Съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть и на статью «Новый Нарцисъ или влюбленный въ себя», надѣлавшую въ свое время много шума и вызвавшую много нареканій на автора. Либеральные критики негодовали на сатирика за нападки на «наши молодыя земскія учрежденія». Что Салтыковъ раздѣлялъ надежды всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей на земское самоуправленіе, это, не говоря о прочемъ, видно уже изъ «Писемъ о провинціи» (въ особенности седьмого и восьмого письма). Но, говорилъ онъ, «чтобы отвѣтить на эти ожиданія мало-мальски достойнымъ образомъ, надлежало, чтобы земство съ самаго начала поняло свои задачи въ самомъ широкомъ смыслѣ. Съуженіе задачъ вообще плохая школа для вновь выступающихъ учрежденій». Изъ этого, какъ и вообще изъ «Писемъ о провинціи», явствуется, что Салтыковъ понималъ роль земскихъ учрежденій много выше и шире, чѣмъ тѣ, кто напустился на «Нарциса». Онъ очень хорошо понималъ настоятельность задачъ, волнующихъ умы героевъ «Нарциса»: вопроса о заготовленіи нижняго бѣлья для больныхъ гражданскаго вѣдомства, вопроса о полудѣ рукомоѣйниковъ, вопроса о становомъ приставѣ, позволяющемъ себѣ ѣздить на трехъ лошадяхъ вмѣсто двухъ, и т. д. Все это безспорно важно и нужно уладить. Но вѣдь не въ этомъ же все дѣло, и во всякомъ случаѣ все это еще не составляетъ резона для великолѣпныхъ разговоровъ о «новыхъ путяхъ», «твердыхъ упованіяхъ», «свѣтлыхъ надеждахъ», «великомъ будущемъ» и проч. Будьте умѣренны и аккуратны, поскольку это дѣйствительно необходимо, но не погружайтесь исключительно въ мелочи и подробности; если же вы только умѣренностью и аккуратностью блистать хотите

и никакой обширности вмѣстить не можете, такъ будьте по крайней мѣрѣ скромны, не сотрясайте воздуха трубными звуками, своею громогласностью отнюдь не соответствующими дѣламъ вашимъ. Вотъ, собственно говоря, вся мораль «Нарциса».

Читатель видитъ, что мораль эта, въ своемъ общемъ выраженіи, вполне примыкаетъ къ морали «Благонамѣренныхъ рѣчей». Тамъ вѣдь тоже требовалось уравненіе слова съ дѣломъ: не воруй, а ежели ты воръ, такъ не изображай собою столпа, поддерживающаго принципъ собственности; не развратничай, а ежели ты развратникъ, такъ не разглагольствуй о святости семейнаго начала; не грабь казну и народъ, а ежели ты казнокрадъ, такъ не блистай патріотизмомъ. И тамъ, и тутъ сатирикъ преслѣдуетъ маскарадное поведеніе. Разница, однако, въ томъ, что ораторы благонамѣренныхъ рѣчей замаскированы «столпами» и, въ случаѣ грамотности, охотно говорятъ о себѣ: мы консерваторы. Ораторы же умѣренности и аккуратности склонны, напротивъ, называть себя либералами. Положеніе сатирика среди этихъ двухъ маскарадовъ было необыкновенно трудное. Съ одной стороны «столпы» говорятъ такъ много и такихъ азартныхъ благонамѣренныхъ рѣчей, что около нихъ сгустилась атмосфера относительной неприкосновенности. Всякую попытку совлечь съ нихъ маскараднѣй костюмъ они истолковываютъ въ смыслѣ посягательства на тѣ принципы, которымъ они якобы служатъ, и этотъ фортель имъ слишкомъ часто удается. Съ другой стороны, рыцари умѣренности и аккуратности столь же ни къ селу, ни къ городу вопіютъ объ оскорбленіяхъ, якобы наносимыхъ принципамъ свободы, просвѣщенія, «нашимъ молодымъ учрежденіямъ», когда рѣчь идетъ вовсе не объ этихъ прекрасныхъ вещахъ, а только о томъ, что умѣренность и аккуратность на задворкахъ добродѣтельскихъ селеній живутъ.

Маленькая подробность. Изъ всѣхъ очерковъ, вошедшихъ въ составъ сборника «Мелочи жизни», только два снабжены эпиграфами, и это какъ бы подчеркиваетъ ихъ значеніе. Надъ очеркомъ «Имярекъ» стоитъ: «О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?» Это понятно, если припомнить, что «Имярекъ» есть личная исповѣдь автора: удрученный болѣзнью и житейскими невзгодами сатирикъ съ преувеличенною мнитель-

ностью не видитъ въ своей жизни ничего, кромѣ поля, усѣяннаго мертвыми костями... Другой очеркъ, снабженный эпиграфомъ, называется «Чудиновъ». Эпиграфъ гласитъ: «Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ, летѣть». Я уже упоминалъ объ этомъ очеркѣ въ главѣ «Вѣра въ будущее». Чудиновъ «вздумалъ летѣть», а безжалостная судьба подкосила ему крылья прежде, чѣмъ онъ успѣлъ ихъ расправить. Авторъ нашелъ неудобнымъ дать Чудинову подняться на воздухъ и прикончилъ его не тѣми опасностями и трудностями, которыя грозилъ ему въ самомъ процессѣ полета, а просто чахоткой. Остается фактъ сочувствія автора къ самому намѣренію «летѣть» изъ міра мелочей жизни въ область идеала и подвига. Защита того, что рыцари умѣренности и аккуратности презрительно обзываютъ «мечтами» и «фантазіями», составляла какъ бы задачу жизни Салтыкова. Онъ очень часто къ ней возвращался и, между прочимъ, утверждалъ, что самые фантастическіе мечтатели,—это именно тѣ, кто, зарывшись въ мелочи, вопіетъ изъ ихъ глубины противъ «мечтаній». Устами Крамольникова Салтыковъ спрашивалъ: «Да развѣ это не самое грубое, не самое противоестественное мечтаніе: человека, одареннаго даромъ слова—заставить молчать? человека, одареннаго способностью мыслить—заставить не мыслить?» И далѣе: «Одни видятъ высшую задачу человѣческой дѣятельности въ содѣйствіи къ разрѣшенію вопросовъ всесторонняго человѣческаго развитія и эту задачу называютъ дѣломъ; другіе, напротивъ, не признавая неизбежности человѣческаго развитія, ту же самую задачу называютъ мечтаніемъ, фразой... Разсудите ужъ сами, кому въ данномъ случаѣ болѣе приличествуетъ кличка мечтателей» («Пошехонскіе рассказы»).

По мнѣнію Салтыкова,

„одна изъ характеристическихъ чертъ пѣнкоснимательства,—это враждебное отношеніе къ такъ-называемымъ утопіямъ. Не то, чтобы пѣнкосниматели прямо враждовали, а такъ, галдятъ. Всякій пѣнкосниматель есть человекъ не только ограниченный, но и совершенно лишенный воображенія; человекъ, который самою природой осужденъ на хладное пережевываніе первоначальныхъ, такъ сказать, обнаженныхъ истинъ... Пѣнкосниматель не только свободенъ отъ всѣхъ мечтаній, но даже гордъ этой свободой. Онъ не понимаетъ, что утопія точно также служитъ цивилизаціи, какъ и самое конкретное научное открытіе. Онъ уткнулся въ

заборъ и ни о чемъ другомъ, кромѣ забора, не хочетъ знать“. („Дневникъ провинціала“).

Крылатая мысль Салтыкова никогда не могла успокоиться на тѣхъ заборахъ, въ которыхъ доктринеры умѣренности и аккуратности видятъ предѣлъ, его же не преjdeши. Любопытны его автобіографическія показанія въ «За рубежомъ». Онъ рассказываетъ тамъ, что, только-что оставивъ школьную скамью, онъ примкнулъ къ западникамъ. «Но не къ большинству западниковъ, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. *Разумѣется*, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сень-Симона, Кабэ, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество». Рассказывая далѣе объ интересѣ, съ которымъ молодежь слѣдила за тогдашними французскими событіями, онъ пишетъ: «Можно ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться этою неистощимостью жизненнаго творчества, которое вдобавокъ отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось захватить все далѣе и далѣе?» Эту любовь къ Франціи и этотъ живой интересъ къ ея судьбамъ Салтыковъ сохранилъ навсегда. Статья «Сила событій», можно сказать, брызжетъ скорбнымъ сочувствіемъ къ Франціи, раздавленной «пятой лихтенштейнца», и ненавистью какъ къ этому умѣренному и аккуратному лихтенштейнцу, такъ и къ позорному игу Наполеона, приготовившему поражение Франціи. Но и за всѣмъ тѣмъ сатирикъ остается полонъ вѣры въ «галльскаго пѣтуха», ибо не можетъ такъ-таки совсѣмъ погаснуть «пламя, согрѣвавшее исторію человѣчества». Эта неискоренимая вѣра въ творческую силу Франціи, какъ небо отъ земли, далека отъ зауряднаго западничества, составляющаго одинъ изъ параграфовъ кодекса политической умѣренности и аккуратности.

Историческія заслуги Европы Салтыковъ цѣнилъ, конечно, не меньше, чѣмъ наши чистокровные, умѣренные и аккуратные западники. Для національнаго самохвальства онъ слишкомъ ясно видѣлъ и слишкомъ близко къ сердцу принималъ наши многочисленные язвы и грѣхи; для мистической стороны славянофильскаго ученія онъ слишкомъ любилъ свѣтъ, ясность,

подлинную жизнь; а для узкаго, доктринерскаго западничества онъ слишкомъ любилъ просторъ. Не «Европа» и въ частности не «Франція» была для него тѣмъ магическимъ словомъ, которое окрыляло его сердце надеждой и вѣрой. Его симпатіей пользовалось лишь совершенно опредѣленное теченіе европейской жизни, получившее особенно яркое выраженіе во Франціи, въ которой, однако, тутъ же рядомъ существуютъ и совсѣмъ другія теченія. Если Салтыковъ былъ далекъ отъ разговоровъ о «гніеніи Запада», то, съ другой стороны, никто и никогда не могъ бы его упрекнуть въ «преклоненіи передъ Европой». Имѣвшая когда-то свой смыслъ, но уже давно исчерпанная тяжба славянофильства съ западничествомъ всегда была для него чужимъ дѣломъ, по той простой причинѣ, что Европа никогда не представлялась ему чѣмъ-нибудь цѣлостнымъ и однороднымъ, заслуживающимъ обобщеннаго почитанія или порицанія. Движеніе—вотъ единственная общая черта, которую Салтыковъ склоненъ усвоивать европейской жизни вообще. Говоря о несовершенствѣ политическихъ и общественныхъ формъ, выработанныхъ Западною Европой, онъ замѣчаетъ: «но здѣсь важна не та или другая степень несовершенства, а то, что Европа не примирилась съ этимъ несовершенствомъ, не покончила съ процессомъ созданія и не сложила рукъ, въ чаяніи, что счастье само свалится когда-нибудь съ неба». («Господа ташкентцы»), Салтыковъ зналъ, однако, что и движеніе, неустанность творческаго процесса жизни не есть все-таки безусловно необходимый атрибутъ европейской исторіи на всемъ ея протяженіи. Не далеко ходить: «Современному французскому буржуа ни героизмъ, ни идеалы уже не подъ силу. Онъ слишкомъ отяжелѣлъ, чтобы не пугаться при одной мысли о личномъ самоотверженіи, и слишкомъ удовлетворенъ, чтобы нуждаться въ расширеніи горизонтовъ. Онъ давно уже понялъ, что горизонты могутъ быть расширены лишь въ ущербъ ему» («За рубежомъ»). А такъ какъ именно этотъ самый буржуа управляетъ современной Франціей, то страна, озарившая молодость Салтыкова лучами нравственнаго свѣта, носитъ теперь на себѣ клеймо «безъидейной сытости» и духовной неподвижности. Но это не можетъ тянуться безъ конца. «Ясно, что идетъ какая-то

знаменательная внутренняя работа, что народились новые подземные ключи, которые кипят и kloкочутъ съ очевидною рѣшимостью пробиться наружу. Исконное теченіе жизни все больше и больше заглушается этимъ подземнымъ гудѣніемъ; трудная пора еще не наступила, но близость ея признается уже всѣми». («Мелочи жизни»).

«Безъидейная сытость» современнаго французскаго буржуа отразилась, между прочимъ, и на беллетристикѣ, которая «для того, чтобы скрыть свою низменность, не безъ наглости подняла знамя реализма». Слово это знакомо и намъ, русскимъ. «Но,—говорить Салтыковъ,—размѣры нашего реализма нѣсколько иные, нежели у современной школы французскихъ реалистовъ. Мы включаемъ въ эту область *всего* человѣка, со *всѣмъ* разнообразіемъ его опредѣленій и дѣйствительности; французы же главнымъ образомъ интересуются торсомъ человѣка и изо всего разнообразія его опредѣленій съ наибольшимъ раченіемъ останавливаются на его физической правоспособности и на любовныхъ подвигахъ. Съ этой точки зрѣнія Викторъ Гюго, наприм., представляется въ глазахъ Золя чуть не гороховымъ шутомъ» («За рубежомъ»).

Золя, какъ извѣстно, провелъ и въ русскую литературу свое предпріятіе—свергнуть Виктора Гюго и Жоржъ-Занда съ ихъ поэтическихъ престоловъ. Кое-кто и у насъ видѣлъ въ этомъ предпріятіи какое-то трезвенное слово, нужную и полезную борьбу съ чѣмъ-то ненужнымъ и вреднымъ. Золя дѣлалъ это мало достойное дѣло во имя трезвости, умѣренности, аккуратности, а такъ какъ онъ обнаруживалъ при этомъ еще совершенно пустопорожную надменность, то понятно негодованіе Салтыкова. Тѣмъ болѣе понятно, что,—по словамъ нашего сатирика,—изъ старой французской литературы «лилась на насъ вѣра въ человечество». Золя, при всемъ своемъ талантѣ, котораго Щедринъ не отрицалъ, не преувеличивая, однако, его размѣровъ, былъ въ его глазахъ все-таки нѣчто въ родѣ пѣнкоснимателя, то-есть человѣка, который подъ той или другой благовидной маской (наука, либерализмъ, реализмъ) наровитъ подрѣзать человечеству крылья, отнять у него право мечты и идеала и засадить за умѣренное и аккуратное пережевываніе мелочей жизни.

VIII.

С о ю з ы.

До сихъ поръ мнѣ всего одинъ разъ пришлось цитировать послѣднее произведеніе Салтыкова, «Пошехонскую старину»; а именно въ подтвержденіе того, что на краю могилы онъ былъ столь же горячимъ защитникомъ «мечты», руководящихъ идеаловъ, какъ и въ первые годы своей литературной дѣятельности. Это не единственная черта, свято донесенная имъ до конца дней и отразившаяся въ «Пошехонской старинѣ».

Салтыковъ оговаривается, что «Пошехонская старина» не есть автобіографія. Онъ не отрицаетъ присутствія въ ней автобіографическаго элемента, но говоритъ, что туда допущено и кое-что, имъ лично не пережитое, а частью и просто фантазія. Но во всякомъ случаѣ въ основаніи этого произведенія лежатъ подлинныя факты, если не всегда автобіографическіе, то все-таки видѣнные, слышанные, вообще наблюденные авторомъ въ дѣтствѣ. Дѣло въ томъ, что Салтыкова въ послѣдніе годы его жизни постигла старческая память, при которой образы и картины далекаго прошлаго встаютъ какъ живые, во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ, и иногда въ ущербъ недавно минувшему. Заканчивая «Пошехонскую старину», Салтыковъ писалъ: «Масса образовъ и фактовъ, *которую пришлось вызвать*, подѣйствовала на столько подавляющимъ образомъ, что явилось невольное утомленіе». Подчеркнутое выраженіе не точно. Салтыкову ничего не пришлось вызывать, — воспоминанія дѣтства помимо его воли всплыли на поверхность сознанія и овладѣли имъ съ такою силой, что едва ли могъ бы онъ приняться за что-нибудь другое, не сваливъ пр едварительно хоть часть этого груза на бумагу. Но, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, отмѣченныхъ нами раньше, Салтыковъ не пассивно отдался напору стихійной силы воспоминаній. Хлынувшія на него далекія первыя житескія впечатлѣнія овладѣли имъ настолько, что вытѣснили всякій другой фактической матеріаль и не позволяли ему оперировать надъ чѣмъ бы то ни было, кромѣ нихъ. Но онъ не просто записывалъ свои воспоминанія въ хронологическомъ или какомъ дру-

гомъ порядкѣ. Онъ комбинировалъ ихъ въ художественные образы и картины, онъ творилъ, и творилъ какъ всегда, при свѣтѣ нравственныхъ убѣжденій, непоколебимо сохранившихся въ немъ до самой смерти. Такимъ образомъ въ «Пошехонской старинѣ» мы имѣемъ, если можно такъ выразиться, разъ и корни, и плоды жизни сатирика, — яркость первыхъ впечатлѣній дѣтства и безповоротную законченность идей умирающаго человѣка.

«Пошехонская старина» имѣетъ задачей воспроизведеніе крѣпостнаго быта. Фабула крѣпостнаго права завершилась, говоритъ Салтыковъ. Но, «кромѣ фабулы, въ этомъ трагическомъ прошломъ было нѣчто еще, что далеко не поросло быльемъ. Фабула исчезла, но въ характерахъ образовалась извѣстная складка, въ жизнь проникли извѣстныя привычки». Дѣйствительно, хотя клеймо крѣпостнаго права по необходимости стирается теченіемъ исторіи, но что оно далеко не стерлось и по сіе время, объ этомъ свидѣлствуютъ всенародно заявляемыя вождедѣнія такъ называемой консервативной печати. Собственно говоря, ей менѣе всего приличествуетъ названіе консервативной, потому что она не охраненіемъ занимается, а напротивъ исключительно проектами ломки того зданія нашей гражданственности, во главу угла котораго легло освобожденіе многомилліонной крестьянской массы. Если же она что и стремится въ самомъ дѣлѣ охранять, такъ развѣ именно только ту «складку» и тѣ «привычки», которыя остались жить и по окончаніи фабулы крѣпостнаго права. А потому и самая фабула имѣетъ для насъ отнюдь не историческій только интересъ. Прошли тѣ времена наивнаго ликованія, когда такой во всякомъ случаѣ чуткій человѣкъ, какъ Писаревъ, могъ серьезно упрекать Салтыкова за то, что онъ, *спустя два года* послѣ отмѣны крѣпостнаго права, пишетъ рассказы изъ крѣпостнаго быта, — устарѣлая, дескать, тема! Увы, скоро сказка сказывается, а дѣло не скоро дѣлается. Салтыковъ писалъ: «Я выросъ на лонѣ крѣпостнаго права, вскормленъ молокомъ крѣпостной кормилицы, воспитанъ крѣпостными мамками и, наконецъ, обученъ грамотѣ крѣпостнымъ грамотѣмъ. Всѣ ужасы этой вѣковой кабалы я видѣлъ въ ихъ наготѣ» («Мелочи жизни»). Когда безъ остатка вымрутъ поколѣнія, которыя могутъ ска-

зять о себѣ эти страшныя слова, такъ и то можетъ быть еще будетъ давать себя знать «извѣстная складка», составляющая и нынѣ наслѣдіе крѣпостнаго права. Въ чемъ же Салтыковъ полагалъ эту складку?

Отстаивая право человѣчества на «мечту» отъ посягательствъ съ одной стороны ораторовъ благонамѣренныхъ рѣчей и ихъ пособниковъ, а съ другой—представителей умѣренности и аккуратности, Салтыковъ, конечно, не рекомендовалъ самоуслажденія праздною фантазіею. Онъ для этого слишкомъ хорошо зналъ и любилъ жизнь. Въ «Мелочахъ жизни» есть страничка (въ V главѣ 1-й части), посвященная «стариннымъ утопістамъ», тѣмъ самымъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которыхъ сложились первыя убѣжденія Салтыкова, въ особенности Фурье. Рѣшительно защищая общія основанія «утопій», Салтыковъ признаетъ однако естественность и законность претерпѣннаго ими фіаско, именно потому, что они старались уловить, регламентировать своего рода мелочи жизни будущаго, и все это оказалось праздною фантазіею. Но, повторяю, общія основанія и тенденцію «утопій» онъ всегда высоко цѣнилъ. Помню, между прочимъ, что когда я еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ началъ писать въ *Отечественныхъ Запискахъ*, то Салтыковъ чуть ли не въ первомъ же разговорѣ предложилъ мнѣ написать статью о французскихъ соціальныхъ системахъ,—онъ находилъ необходимымъ напомнить ихъ русскому обществу (я уклонился отъ этой работы). Во всякомъ случаѣ та «мечта», о правахъ которой Салтыковъ хлопоталъ, имѣла ярко соціальный характеръ, хотя въ подробностяхъ и не вполне опредѣленный. Это была мечта о тѣсномъ единеніи людей, объ общественномъ союзѣ. А между тѣмъ въ разныхъ произведеніяхъ Щедрина, въ особенности въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ», можно найти много выраженій рѣзко подчеркнутаго ироническаго или презрительнаго или даже озлобленнаго отношенія къ «союзамъ»: Деруновъ—«рьяный и упорный поборникъ всевозможныхъ союзовъ»; «союзы опутали современнаго человѣка» и т. п. Дѣло, конечно, объясняется очень просто тѣмъ, что «союзы», поборниками которыхъ являются Деруновы и которые вызываютъ отрицательное отношеніе сатирика, очень отличаются отъ тѣхъ, которые состав-

ляютъ его завѣтную мечту, его идеаль. Это такъ. Но любопытно было бы опредѣлить наиболѣе общія черты тѣхъ и другихъ союзовъ, въ каковыхъ общихъ чертахъ должны заключаться указанія на причины такого или иного отношенія къ нимъ сатирика.

Крѣпостное право санкціонировало извѣстный союзъ барина и мужика. Что это былъ за союзъ, мы узнаемъ изъ «Пошехонской старины». Авторъ отнюдь не задавался мыслью рассказать непременно какіе-нибудь ужасы. Напротивъ, вотъ, наприм., «тетенька-сластена» — добрая, мягкая, и всѣмъ у нея хорошо, и дворня веселая, ласковая. Или вотъ въ домѣ самого рассказчика умираетъ староста Ѳедотъ, нелицемѣрно преданный мужикъ, и суровая помѣщица ухаживаетъ за умирающимъ, искренно горюетъ. Правда, авторъ не даетъ высокой цѣны этимъ добрымъ проявленіямъ союза, но вѣдь они и въ самомъ дѣлѣ не дорого стоятъ, да и не этими двусмысленными идилліями была главнымъ образомъ отмѣчена пошехонская старина. Не ими, но пожалуй и не звѣрствами, которыя въ каждомъ данномъ случаѣ могли быть и не быть. За характерной чертой основнаго пошехонскаго союза не зачѣмъ далеко ходить, — она заключается въ самомъ его названіи. Черта эта — крѣпость одного человѣка другому, подневольность и неизбывность.

Сатиръ-скиталецъ (одна изъ лучшихъ фигуръ «Пошехонской старины») самъ по себѣ не особенно претерпѣлъ отъ страшнаго союза, хотя, конечно, по крайней мѣрѣ виды видалъ въ достаточномъ количествѣ. Онъ врагъ союза, врагъ принципиальный, союзъ представляется ему грѣховнымъ, но грѣхъ лежитъ не на господахъ, а на рабахъ: «мы прежде вольные были, а потомъ сами свою волю продали; изъ-за денегъ господамъ въ кабалу продались; за это насъ судить будутъ». На томъ свѣтѣ будетъ этотъ судъ, а потому единственная мечта Сатира состоитъ въ томъ, чтобы предстать предъ Богомъ не въ рабскомъ состояніи. Но ущемленная сознаниемъ грѣха мысль Сатира не можетъ придумать иного выхода изъ союза, иного пути освобожденія, какъ принятіе «ангельскаго чина». Больной, онъ отпрашивается у помѣщицы въ монахи, но не успѣваетъ поступить и умираетъ рабомъ.

Авторъ имѣлъ однако жалость послать ему предсмертный сонъ, въ которомъ исполняется его желаніе, такъ что Сатиръ умираетъ якобы «инокомъ Серапіономъ». Сатиръ-скиталецъ умеръ во снѣ, и авторъ не могъ знать его сновидѣнія. Это—добавка фантазіи, добавка жалостливая, любовная, и самое присутствіе ея свидѣтельствуется о подлинности Сатира-скитальца и о томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на автора въ дѣтствѣ. Въ этомъ и въ другихъ подобныхъ впечатлѣніяхъ надо искать корня интереса Щедрина въ той смутной работѣ народной души, о которой мы говорили въ главѣ «Честь и совѣсть».

Сатиру-скитальцу ненавистный, грѣховный союзъ представляется столь неразрывнымъ, что нечего и думать объ его прекращеніи на землѣ, и хорошо бы хотъ къ божьему-то престолу явиться не въ рабскомъ видѣ. Наличность союза слишкомъ несомнѣнна, слишкомъ осязательна и такъ или иначе даетъ себя знать на всѣхъ путяхъ жизни обѣихъ сторонъ. Особенно интересны отраженія ея на другихъ союзахъ и прежде всего на союзѣ семейномъ.

Съ «безчастной Матренкой» случился грѣхъ,—забеременѣла. Не было тутъ ни любви, ни выбора: безчастная Матренка была одною изъ представительницъ «сборища подъяремныхъ звѣрей, которые и вожделѣютъ какъ звѣри». Барыня очень разгнѣвалась, но Матренкѣ опять пришла пора и она опять забеременѣла. Тогда барыня рѣшила выдать Матренку замужъ за самого что ни на есть «гадѣнка» изъ дальней деревни. Между Матренкой и гаденкомъ происходитъ рядъ страшныхъ сценъ; гаденокъ не хочетъ жениться на Матренкѣ, Матренка не хочетъ выходить за гаденка. Но воля барыни непреклонна, а потому Матренкѣ остается только одинъ способъ уклониться отъ предлагаемаго ей семейнаго союза,—уклониться отъ самой жизни; она и кончаетъ самоубійствомъ.

Не красенъ былъ семейный союзъ и въ господской семьѣ. Разсказавъ нѣкоторыя подробности отношеній, существовавшихъ между родителями и дѣтьми, Щедринъ предвидитъ скептическія замѣчанія читателей и говоритъ: «что описываемое мною похоже на адъ, объ этомъ я не спорю; но въ то же время утверждаю, что этотъ адъ не вымысленъ мною». Эти

дѣтскія впечатлѣнія (особенно нѣкоторыя подробности въ родѣ раздѣленія дѣтей на «любимчиковъ» и «постылыхъ», материнскихъ угрозъ Суздаль-монастыремъ и т. п.) вошли потомъ въ составъ многихъ произведеній Салтыкова, каковы: «Господа Головлевы», «Семейное счастье», «Кузина Машенька», «Непочтительный Коронатъ» и проч. Но въ памяти Салтыкова остаются еще гораздо болѣе трагическія сцены и положенія по части семейнаго союза. Ради краткости, мы остановимся только на одномъ случаѣ, представляющемъ тотъ особенный интересъ, что семейный союзъ оказывается въ немъ осложненнымъ другими элементами.

Тетенька Анфиса Порфирьевна вышла замужъ за нѣкоего Савельцева, человѣка нравнаго, крутаго, необузданнаго, который ее бьетъ, издѣвается надъ ней, и все это тетенька терпитъ, съ затаенною злобою выжидая случая, когда и на ея улицу выпадетъ праздникъ. Отецъ Савельцева умираетъ. Вступая во владѣніе имѣніемъ и людьми, Савельцевъ первымъ дѣломъ засѣкаетъ до смерти любовницу отца, выпытывая у нея гдѣ деньги. Къ этому уголовному дѣлу присасываются приказныя піявки и сосутъ, сосутъ, сосутъ, пока наконецъ тетенька Анфиса Порфирьевна не придумываетъ выхода: она предлагаетъ мужу умереть. Не вправду умереть, конечно. Какъ разъ кстати умираетъ мужикъ, котораго и хоронятъ подъ видомъ Савельцева, съ подобающей помпой, а Савельцевъ остается жить подъ видомъ крѣпостнаго своей жены. вмѣстѣ съ тѣмъ для тетеньки Анфисы Порфирьевны наступаетъ часъ отмщенія за всѣ перенесенныя ею отъ мужа обиды и муки; она расплачивается сторицею и вдобавокъ поселяетъ у себя своего незаконнаго сына, прижитаго неизвѣстно отъ кого еще до брака, и вдвоемъ съ нимъ жестоко надругается надъ «покойничкомъ», который вытолкнуть изъ семейнаго союза, а въ союзѣ крѣпостномъ перечисленъ изъ господъ въ рабы. Всѣ знаютъ эту исторію, никто Савельцева иначе, какъ «покойничкомъ», не называетъ; представители закона, правосудія и благочинія, то-есть государственнаго союза, тоже знаютъ, но смотрятъ сквозь пальцы, что, впрочемъ, не дешево обходится тетенькѣ Анфисѣ Порфирьевнѣ. Тѣмъ временемъ своимъ порядкомъ идутъ всяческія тиранства надъ крестья-

нами. Тутъ есть сцена, несомнѣнно, прямо съ натуры списанная очевидцемъ, да и рассказана она, какъ личное впечатлѣніе автора, тогда еще ребенка: крѣпостная дѣвченка Наташка стоитъ на навозной кучѣ, съ завороченными назадъ и привязанными къ столбу руками; жара, съ навозной кучи поднимаются мухи и облѣпляютъ глаза и ротъ дѣвчонки... за исполненіемъ казни присматриваетъ «покойничекъ»...

Въ исторіи тетеньки Анфисы Прокофьевны мы имѣемъ поистинѣ чудовищный переплетъ трехъ союзовъ. Къ этому надо еще прибавить замѣчаніе Салтыкова, что въ пошехонской старинѣ объ отечествѣ не было и помину: «смѣшивали любовь къ отечеству съ выполненіемъ распоряженій правительства и даже просто начальства». Но и начальство разнствовалало во славѣ, такъ что иное начальство было кому начальство, а кому просто пустяки. Становой приставъ былъ, конечно, начальство для разной мелкой сошки, а иногда и не только для нея. Тетенька Анфиса Порфирьевна, пользуясь его покровительствомъ въ дѣлѣ «покойничка», не могла не видѣть въ немъ начальства. А предводитель Струнниковъ, человѣкъ властный и ни въ какихъ такихъ уголовныхъ исторіяхъ незамѣшанный, третируетъ этого оффиціального представителя государственнаго союза съ возмутительною развязностью: онъ издѣвается надъ нимъ совершенно такъ же, какъ и надъ всякимъ другимъ безсильнымъ человѣкомъ.

Мы не будемъ, однако, перебирать весь фактическій матеріалъ, собранный въ «Пошехонской старинѣ». Это въ разныхъ смыслахъ трудно. Приведеннаго, я полагаю, достаточно, чтобы видѣть, сквозь какую призму преломлялись передъ глазами умирающаго Салтыкова лучи далекихъ дѣтскихъ впечатлѣній, въ какомъ отношеніи находятся плоды его жизни къ ея корнямъ. Тамъ, вдали, на зарѣ жизни видятся сатирику не просто семья Затрапезныхъ, не просто «тетеньки-сестрицы», тетенька-сластена, дѣдушка Павелъ Борисовичъ, предводитель Струнниковъ, безчастная Матренка, буфетчикъ Кононъ, Сатиръ-скиталецъ и проч., и проч., и проч. Салтыковъ не пассивно, какъ фотографическій аппаратъ, воспринимаетъ это нашествіе пошехонскихъ воспоминаній, вызванное стихійнымъ процессомъ старческой памяти. Онъ встрѣчаетъ его сознательно выработан-

ными идейными рамками, въ которыхъ и велѣніемъ которыхъ группируются хлынувшіе изъ нѣдръ прошедшаго образы. Группируются они въ разные «союзы», причемъ оказывается, что всѣ эти союзы чрезвычайно крѣпки, до неразрывности, но крѣпки не внутреннею своею сущностью, не волею и сознаниемъ участниковъ, а исключительно только внѣшнею санкціей. Это обстоятельство создавало въ такъ-называемое доброе старое время цѣлый рядъ безысходныхъ противорѣчій, которыя и составляютъ идейное содержаніе «Пошехонской старины».

Первое и самое, разумѣется, наглядное противорѣчіе состоитъ въ томъ, что союзы добраго стараго времени не только не удовлетворяютъ цѣли всякаго союза—облегченію и расширенію личнаго существованія, но, напротивъ, составляютъ источникъ всевозможныхъ мученій, лишеній, тѣсноты и грязи жизни. Можетъ показаться, что сюда не подходитъ основной и всеопредѣляющій союзъ пошехонской старины—крѣпостное право: рабы, разумѣется, претерпѣвали, но облегченіе ихъ личнаго существованія вовсе не входило въ задачи союза, а другая сторона, господа, несомнѣнно почерпали такое облегченіе изъ союза и жили припѣваячи. Не разъ высказывалась мысль, что блестящія явленія литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ были результатомъ тѣхъ готовыхъ хлѣбовъ, которые давало крѣпостное право. Между прочимъ, и Салтыковъ воспитался, по его собственному выраженію, «на лонѣ эстетическихъ преданій и матеріальной обезпеченности». Такимъ образомъ господа почерпали въ крѣпостномъ союзѣ возможность не только сладко ѣсть и мягко спать, плодиться и множиться, но и предаваться высшимъ задачамъ духа—наукѣ, философіи, художественному творчеству. Это мысль до извѣстной степени вѣрная. Нынѣшнему Пушкину или Салтыкову, Герцену или Тургеневу приходится, можетъ быть, еще гимназистомъ разбрасываться и надрывать силы въ бѣготнѣ по урокамъ, тогда какъ въ старые годы, укрытый отъ непосредственной борьбы за существованіе, онъ могъ всецѣло отдаваться работѣ духа. Но, оставляя даже совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ о тѣхъ даровитыхъ людяхъ не-господскаго происхожденія, которые безслѣдно затирались крѣпостнымъ правомъ, надо имѣть

въ виду, что Пушкины и Салтыковы были каплями въ морѣ Затрапезныхъ, Струнниковыхъ, Савельцевыхъ и прочихъ персонажей «Пошехонской старины». Досугъ обезпечивался крѣпостнымъ союзомъ, но было что-то такое въ этомъ союзѣ, что побуждало наполнять досугъ отнюдь не высшими задачами духа. Правдивый рассказъ Салтыкова рисуетъ намъ помѣщицкую жизнь изумительно скудною и низменною. Ренанъ утверждаетъ, что «потъ многихъ позволяетъ немногимъ вести благородную жизнь». Въ «Пошехонской старинѣ» мы этого не видимъ: многіе дѣйствительно обливаются потомъ, но немногіе ведутъ жизнь по истинѣ неблагогородную, и крѣпостной союзъ не только не оказываетъ имъ въ этомъ отношеніи никакой помощи, а даже совсѣмъ напротивъ того. Самая обезпеченность вела только къ тусклой, тупой жизни изо-дня въ день, при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ высшихъ интересовъ.

Это не могло не отражаться и на другихъ союзахъ, изъ которыхъ было вытравлено всякое содержаніе, такъ что оставалась только одна форма, но форма крѣпкая, неразрывная, и въ ней человѣческія существа бились, какъ птицы въ клѣткѣ. Нечего и говорить о семейномъ союзѣ въ рабской средѣ, гдѣ Матренку съ Гаденкомъ сводили, какъ животныхъ. Но и семейные союзы Затрапезныхъ или Савельцевыхъ не имѣютъ ничего общаго съ идеальными построеніями церкви и гражданскаго закона. Это «адъ», а не союзъ. Это поприще всяческихъ злобныхъ чувствъ, то затаенныхъ, то открытыхъ, глядя по тому, на чьей сторонѣ сила. Сегодня Савельцевъ тиранитъ свою жену, даже не сознавая, что онъ дѣлаетъ, и жена покоряется, терпитъ, не ищетъ выхода, а только ждетъ случая, когда ей самой удастѣя стать въ положеніе столь же безсовѣстной силы и встрѣтить столь же безчестную слабость. Ни Савельцевъ, ни тетенька Анфиса Порфирьевна рѣшительно никакой радости, никакого облегченія жизненной тяготы другъ отъ друга не получаютъ, напротивъ составляютъ другъ для друга источникъ непрестанныхъ мученій, а между тѣмъ связаны неразрывнымъ союзомъ; по крайней мѣрѣ имъ въ голову не приходитъ возможность его разорвать, потому что высшія проявленія духовной жизни—сознаніе и воля—въ нихъ совершенно не воспитаны и въ союзѣ никакого участія не принимаютъ.

Есть анекдотъ объ испанцѣ, который попалъ въ какую-то сѣверную, очень холодную страну. На него напали собаки; онъ схватилъ камень, чтобы швырнуть имъ въ собакъ, но камень примерзъ, такъ что его нельзя было отодрать. Тогда испанецъ сказалъ: «о, удивительная страна, гдѣ камни привязываютъ, а собакъ пускаютъ бѣгать!» Это восклицаніе могло бы служить девизомъ всѣхъ союзовъ пошехонской старины. Подъ ихъ покровомъ совершалось много насилій и вообще зла, но защиту въ нихъ трудно было найти. Они не защитили тетеньку Анфису Порфирьевну отъ тиранства Савельцева, но помогли ей превратить его въ «покойничка» и въ свою очередь тиранствовать надъ нимъ.

Таковъ смыслъ «Пошехонской старины». Но здѣсь же лежитъ центръ тяжести всѣхъ произведеній Салтыкова, всей его многолѣтней и многосложной работы, ибо, повторяю, въ «Пошехонской старинѣ» мы имѣемъ одновременно и корни, и плоды жизни сатирика. Начать съ того, что «извѣстная складка», оставшаяся, въ качествѣ наслѣдія крѣпостнаго права, въ русскомъ обществѣ, и доселѣ состоитъ именно въ тяготѣніи къ подневольнымъ и безсознательнымъ союзамъ, которые, фигурально выражаясь, камни привязываютъ, а собакъ пускаютъ бѣгать. Салтыковъ съ необыкновенною проницательностью открывалъ эту складку подъ разными, иногда очень благообразными формами и настойчиво преслѣдовалъ ее, не стѣсняясь повтореніями. Съ другой стороны, завѣтную «мечту» Салтыкова, въ ея общемъ выраженіи, составляетъ вольный и сознательный союзъ, споспѣшествующій широкому и всестороннему развитію личности, пробужденію всѣхъ ея силъ и способностей, удовлетворенію всѣхъ ея потребностей. По своей специальности сатирика, Салтыковъ не могъ отдаваться прямому, положительному развитію этого идеала, но тѣмъ сильнѣе и значительнѣе была его *облеченная въ художественную форму критика общественныхъ явленій съ точки зрѣнія идеальнаго союза*. Подчеркиваю эти слова, потому что ими, мнѣ кажется, резюмируется вся дѣятельность Салтыкова.

Въ мою задачу, приближающуюся уже къ концу, не входитъ пересмотръ всѣхъ произведеній Салтыкова. Я хотѣлъ только намѣтить главные пункты его работы, притомъ преимущест-

венно такіе, которые при жизни сатирика возбуждали, а отчасти и до сихъ поръ возбуждаютъ недоразумѣнія. Кое-что, занимающее въ щедринской сатирикѣ очень видное мѣсто, но не нуждающееся въ комментаріяхъ или разъясненіяхъ, я обошелъ; кое-что освѣтилъ, вѣроятно, недостаточно. Попробуемъ теперь оглянуться назадъ, съ цѣлью пересмотрѣть и кое въ чемъ дополнить предъидущіе очерки при свѣтѣ выше подчеркнутой общей формулы.

Идеаль Салтыкова былъ слишкомъ возвышенъ, чтобы можно было думать о немедленномъ и полномъ его осуществленіи. Это далекій и въ подробностяхъ не совсѣмъ даже ясный пунктъ, достиженіе котораго будетъ стоить многого труда, борьбы, жертвъ, но который можетъ и долженъ сейчасъ руководить нами, освѣщая нашъ трудъ, борьбу и жертвы. Это свѣтлая точка, маякъ, опредѣляющій направленіе нашей дѣятельности, а затѣмъ возникаетъ вопросъ о ближайшихъ станціяхъ въ этомъ направленіи. Салтыковъ началъ свою литературную дѣятельность въ одинъ изъ самыхъ глухихъ періодовъ русской исторіи, но возобновилъ ее, напротивъ, въ пору вящей напряженности общественной жизни, когда страшный урокъ крымской войны во-очію показалъ, чего стоятъ союзы, которые камни привязываютъ, а собакъ пускаютъ бѣгать. «Губернскіе очерки» оканчиваются видѣніемъ; передъ авторомъ проходитъ похоронная процессія: то «прошлыя времена хоронятъ!». Это восклицаніе хорошо характеризуетъ тогдашнее настроеніе сатирика. Понятно, что онъ, самъ выдавшій и «покойничка», и дѣвчонку Наташку, привязанную къ столбу на навозной кучѣ, и всю прочую пошехонскую старину, долженъ былъ встрѣтить великій день 19 февраля 1861 г. какъ праздникамъ праздникъ и торжество изъ торжествъ. Вспоминая объ этомъ днѣ въ «Письмахъ о провинціи», онъ говоритъ: «Всему этому безпутному, безсознательному и ненужному злодѣйству, всѣмъ этимъ подвигамъ тьмы и безсмысленнаго варварства положило безповоротный конецъ 19-е февраля. Какъ бы ни были обширны наши притязанія къ жизни, мы не можемъ не удивляться великости этого подвига. Разомъ освободить изъ плѣна египетскаго цѣлыя массы людей, разомъ заставить умолкнуть тѣ скорбныя стоны, которые раздавались изъ края въ край по

всему лицу Россіи -- такое дѣло способно вдохнуть энтузіазмъ безпредѣльный!» Энтузіазмъ этотъ, столь естественный для человѣка, лично видѣвшаго ужасы крѣпостнаго права, въ Салтыковѣ осложнялся еще тою вѣрою въ будущее, которою онъ былъ окрыленъ отъ природы. Если рухнулъ вѣковой порядокъ, казавшійся неизбывнымъ, если оказалось возможнымъ то, что считалось невозможной и преступной мечтой, такъ законны и дальнѣйшія перспективы. Салтыковъ не могъ сказать, подобно Симеону: «нынѣ отпускаеши раба твоего, яко видѣста очи мои спасеніе». Онъ былъ для этого слишкомъ силенъ и дѣятеленъ и потому долженъ былъ напротивъ сказать: «нынѣ призываеши». Онъ спрашивалъ: «Давно ли называлось мальчишествомъ, карбонарствомъ, вольтерьянствомъ все то добро, которое нынѣ во-очію совершается? И нельзя ли отсюда придти къ заключенію, что и то, что нынѣ называется мальчишествомъ, нигилизмомъ и другими болѣе или менѣе поносительными именами, будетъ когда-нибудь называться добромъ?» («Сеничкинъ ядъ»).

Уже самые эти вопросы показываютъ, что не всѣ были въ ту пору единодушны на Руси. Дѣйствительно, всяческія подкапыванія подъ дѣло реформъ начались очень рано и многого достигли. Съ точки зрѣнія Салтыкова дѣло реформъ состояло въ устраненіи подневольныхъ и безсознательныхъ союзовъ. Не о томъ шла рѣчь, чтобы на землѣ, отягченной вѣковой наслѣдственностью грѣха, немедленно же водворилась райская жизнь, миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе, а только о томъ, чтобы эта грѣшная земля пооттаяла, чтобы хоть камни-то, нужные для обороны, не были прикованы морозомъ. Земскія учрежденія, гласный судъ, народная школа, свобода печати составляли естественное дополненіе къ основной, крестьянской реформѣ. Необходимость этихъ шаговъ была заявлена самимъ правительствомъ и признана всею благомыслящею частью русскаго общества, въ томъ числѣ и Салтыковымъ. Всѣ эти реформы имѣли цѣлью приобщить жизнь личности къ жизни общественной, дать русскому человѣку возможность сознательнаго и вольнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ; тѣмъ самымъ вносилось живое содержаніе во всякаго рода «союзы», за исключеніемъ тѣхъ, конечно, которые таковаго и выдержать не могли. Несмотря

однако на это, энтузіазмъ, о которомъ говоритъ Салтыковъ, покинулъ его, и умъ его постепенно обозлялся. Теперь это уже прошлыя времена, въ свою очередь похороненныя, а потому къ нимъ можно относиться спокойно. Но тогда мудро было спокойно смотрѣть на то, какъ дѣло реформы, при самомъ даже своемъ возникновеніи, подтачивалось руками, заматерѣлыми въ практикѣ подневольныхъ и безсознательныхъ союзовъ. Критика всѣхъ относящихся сюда явленій нашей общественной жизни и составила задачу Салтыкова.

Разбираясь въ огромной массѣ не только образовъ и картинъ, а и мыслей, пущенныхъ Салтыковымъ въ обращеніе, мы увидимъ, что элементы, противоборствующие поступательному ходу русской исторіи, какъ онъ рисовался самому Щедрину, распредѣляются по двумъ большимъ отдѣламъ. Мы ихъ намѣтили въ главахъ о благонамѣреныхъ рѣчахъ и объ умѣренности и аккуратности.

Деруновъ есть «рьяный и упорный поборникъ всевозможныхъ союзовъ», но именно подневольныхъ и безсознательныхъ союзовъ, которые бы ему, Дерунову, развязывали руки, а прочимъ — связывали. Его экономическая программа, конечно, не его языкомъ выраженная, гласитъ такъ: «Необходимо дать пошехонскому поту такое примѣненіе, благодаря которому онъ лился бы столь же изобильно, какъ при крѣпостномъ правѣ, и въ то же время назывался бы «вольнымъ» пошехонскимъ «потомъ» («Пошехонскіе рассказы»). Семейный союзъ Деруновъ чтитъ, но самъ — снохачъ. Союзъ государственный онъ тоже чтитъ, но съ тѣмъ, чтобы исправникъ призналъ бунтовщиками крестьянъ, которые не отдаютъ хлѣба по шести гривенъ. И однако Деруновъ — «столпъ». Не одинъ Деруновъ такъ устроился, даже не одни «чумазы», потому что вотъ и кузина-Машенька и другіе нечумазаго чина люди то же самое практикуютъ. Есть у нихъ и пособники, во-первыхъ, среди «озорниковъ» и «помпадуровъ», которые, впрочемъ, видя въ себѣ персонификацію «союзовъ», практикуютъ и за свой собственный счетъ. Сатирикъ отказывается признать ихъ «поборниками государственнаго союза за то только, что они видятъ въ государствѣ пирогъ, къ которому ловкіе люди могутъ во всякое время подходить и закусывать» («Круглый годъ»). Есть пособники и

въ литературѣ. Эти можетъ-быть самые страшные. Беря подъ свою защиту всякіе подневольные и безсознательные союзы и практикуя въ дѣлѣ этой защиты полную свободу, они требуютъ, чтобы всѣ, съ ними не согласно мыслящіе, были поставлены въ положеніе тѣхъ примерзшихъ камней, которыми несчастный испанецъ такъ и не могъ воспользоваться для самообороны. Вся эта разношерстная стая, пополняемая при случаѣ переметными сумами въ родѣ адвокатовъ Балалайкиныхъ и газетчиковъ Ивановъ Непомнящихъ, набрасывается на всякое дѣло и на всякаго человѣка, имѣющихъ въ виду настоящій союзъ, заслуживающій дѣйствительно этого названія. Будущій историкъ русскаго общества найдетъ у Салтыкова драгоцѣннѣйшія указанія по этой части, и не только указанія, а и готовые выводы.

Но хоромъ благонамѣренныхъ рѣчей не исчерпываются элементы, тормозящіе исторію. Уже въ «Литераторахъ-обывателяхъ» Щедринъ можетъ быть даже съ чрезмѣрною жесткостью отнестся къ тѣмъ крохоборамъ, которые носятъ со всякою мелочью, какъ съ писанной торбой. Жесткость была въ этомъ случаѣ потому чрезмѣрна, что литераторы-обыватели во всякомъ случаѣ свидѣтельствовали своимъ существованіемъ о нѣкоторомъ оживленіи провинціи. Сатирикъ самъ замѣтилъ: «Времена созрѣли, и какъ бы ни была мало искусна пѣсня Корытникова, онъ не можетъ не пѣть. Выдѣте весною на улицу, прислушайтесь, какой концертъ задаютъ тамъ воробы!... Подобно сему и Корытниковъ, объятый весеннимъ чувствомъ, поетъ возрожденіе природы, поетъ красоту гласности и самоуправленія, поетъ взволнованность своихъ собственныхъ чувствъ». Справедливая сторона насмѣшки, обращенной къ литераторамъ-обывателямъ, состояла въ указаніи на самодовольную узкость ихъ кругозора, фальшиво раздуваемую фразами вродѣ: «въ наше время, когда, казалось бы, воровство преслѣдуется повсюду», «въ наше время, когда привычки законности мало-по-малу проникаютъ во всѣ административныя трущобы» и т. п. Но если литераторы-обыватели ликовали по пустякамъ, то они все-таки не возводили крохоборства въ принципъ. Это суждено было сдѣлать гораздо позже пѣнкоснимателямъ, провозгласившимъ, что «наше время не время широкихъ задачъ». Пѣнкосниматель не то,

что ораторъ благонамѣренныхъ рѣчей,—онъ «никогда не промолвится, что крѣпостной трудъ лучше свободнаго или что гласное судопроизводство хуже судопроизводства при закрытыхъ дверяхъ; нѣтъ, никогда, ибо склады либерализма извѣстны ему въ точности». На дѣлѣ же «вамъ говорятъ о благодѣяніяхъ свободнаго труда, но въ то же время приурочиваютъ его дѣйствіе къ такой безконечно малой сферѣ, что въ сущности выходитъ лишь замаскированный крѣпостной трудъ; вамъ повѣствуютъ о выгодахъ гласнаго суда, а на повѣрку выходитъ, что рѣчь сводится къ рекламамъ въ пользу такого-то адвоката или судьи» («Дневникъ провинціала»). Можетъ быть даже не кто иной, какъ именно пѣнкосниматель, помогъ Дерунову формулировать вышеприведенную экономическую программу насчетъ «вольнаго пошехонскаго пота». По крайней мѣрѣ на это имѣются указанія въ параллели между хищникомъ и пѣнкоснимателемъ, которою заканчивается «Дневникъ провинціала»: «Хищникъ проводитъ принципъ хищничества въ жизни, пѣнкосниматель возводитъ его въ догматъ и сочиняетъ правила на предметъ наилучшаго производства хищничества». Благодаря возвышенности той точки, на которой стоялъ Салтыковъ въ своей критикѣ явленій нашей общественной жизни, его нельзя было ни подкупить, ни испугать какими бы то ни было ходячими формулами, кличками, словами, «жупелами». Къ числу такихъ жупеловъ принадлежитъ либерализмъ, къ которому Салтыковъ естественно тяготѣлъ многими своими сторонами; но онъ понималъ, что бываютъ случаи, когда «либерализмъ есть своего рода дойная корова» («Дневникъ провинціала»), и съ искусствомъ опытнаго анатома-практика вскрывалъ эту корову. Такъ и поступилъ онъ съ пѣнкоснимателями, щеголявшими либерализмомъ. Пѣнкоснимательство уже по самому существу своей умѣренности и аккуратности понижало или стремилось понизить уровень требованій жизни и тѣмъ самымъ задержать жизнь въ смыслѣ приближенія къ щедринскому идеалу. А кромѣ того оказалось, что умѣренность и аккуратность не только на задворкахъ добродѣтельскихъ сетеній живутъ, но и корчемнымъ виномъ торгуютъ, и потихоньку пороки у себя принимаютъ.

La critique est aisée et l'art est difficile,—гласить старое изреченіе. Старое, но далеко не вполнѣ вѣрное, хотя бы уже потому, что существуетъ l'art de critique. Есть критика талантливая и бездарная, проницательная и подслѣповатая, убѣдительная и неубѣдительная. Но этого мало. Есть критика, исходящая изъ пустаго мѣста, но есть и такая, которая не только имѣетъ въ своемъ основаніи совершенно опредѣленные положительные идеалы, но и самымъ процессомъ своимъ дѣлаетъ положительное, творческое дѣло. Такова была щедринская критика явленій нашей общественной жизни, и нельзя, конечно, сказать, чтобы это было легкое дѣло. Я говорю не о художественной формѣ, въ которую эта критика бѣльшею частью облекалась,—это самой-собою,—а объ ея содержаніи. Трудно объять всю огромность щедринаго дѣла, всю ту критическую энциклопедію русской жизни, которая заключена въ его произведеніяхъ, и всѣмъ вышесказаннымъ еще далеко не исчерпывается эта полная чаша. Читатель, я полагаю, однако и самъ ориентуется во многомъ, нами не затронутымъ, если будетъ помнить тотъ идеаль вольнаго и сознательнаго союза, который всегда руководилъ сатирикомъ. Конечно, онъ не сочинялъ проектовъ общественнаго устройства или переустройства, но своею беспощадною критикой онъ дѣлалъ великое положительное дѣло: будилъ сознаніе русскаго общества, каковое сознаніе составляетъ первое условіе для приближенія къ идеалу. Будилъ онъ его прежде всего глубокимъ анализомъ формъ и содержанія разныхъ «союзовъ». Пусть помпадуръ и столпы, патріоты-казнокрады и пѣнокосниматели, ташкентцы и пошехонцы, Балалайкины и Иваны Непомнящіе дѣлаютъ свое дѣло,—сатирикъ не можетъ имъ въ этомъ воспрепятствовать,—но пусть они по крайней мѣрѣ не маскируются поборниками «союзовъ», изъ которыхъ они же вытраиваютъ всякое содержаніе, защитниками «основъ», которыя они же разрушаютъ. Въ этомъ отношеніи сатира Салтыкова, конечно, достигла своей цѣли: мы, третьи лица, зрители, благодаря Салтыкову, хорошо изучили этотъ иногда комическій, иногда чудовищный маскарадъ. Но задача сатирика на этомъ не кончается. Въ основѣ всѣхъ безсознательныхъ и подневольныхъ союзовъ лежитъ сочетаніе безсовѣстной си-

лы и безчестной слабости (см. гл. IV). Наличие этих двух элементов составляет необходимое условие для мирнаго, спокойнаго, цвѣтущаго существованія подневольныхъ и безсознательныхъ союзовъ, въ томъ ли юридически-нормированномъ видѣ, въ какомъ ихъ рисуетъ «Пошехонская старина», или въ какомъ другомъ, замаскированномъ. Салтыкову надлежало поэтому будить совѣсть въ силѣ и честь въ слабости. Онъ это и дѣлалъ, то грозя судомъ исторіи и потомства, то клеймя позоромъ художественнаго воспроизведенія, то обливая ядомъ насмѣшки, то поднимаясь на высоту неподражаемаго лиризма. Но какихъ результатовъ достигъ онъ въ этомъ направленіи,—это, конечно, вопросъ.

IX.

Женскій вопросъ.

Трудно оторваться отъ Щедрина. Трудно, во-первыхъ, въ силу того исключительнаго интереса, который представляетъ его оригинальная литературная фizioномія; трудно, во-вторыхъ, еще и потому, что все боишься, какъ бы не породить какихъ-нибудь недоразумѣній, въ виду обширности и сложности щедринаскаго дѣла.

Возьмемъ какой-нибудь частный случай, достаточно значительный для того, чтобы на немъ можно было провѣрить если не все вышесказанное, то хоть наиболѣе выдающіеся пункты нашего анализа. Результаты, къ которымъ мы придемъ, пригодятся и для другихъ частныхъ случаевъ. Я выбираю такимъ пробнымъ камнемъ такъ-называемый женскій вопросъ, отчасти просто потому, что надо же что-нибудь выбрать, а отчасти и по другимъ причинамъ.

Много по женскому вопросу писано, такъ что онъ кажется и безъ Салтыкова достаточно выясненнымъ со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Сколько въ самомъ дѣлѣ на эту тему чернилъ пролито, сколько горячихъ словъ сказано, сколько литературныхъ схватокъ! Весьма не малой величины залъ потребовался бы для вмѣщенія всѣхъ книгъ и статей о женскомъ образованіи, о женскомъ трудѣ, о положеніи женщинъ,

о подчиненности женщинъ, о женщинахъ, за женщинъ, противъ женщинъ, особенно если прибавить къ нимъ романы, повѣсти, драмы, стихотворенія, въ которыхъ тотъ же женскій вопросъ трактуется при помощи образовъ и картинъ. Однако, Салтыкова не вредно выслушать и въ этомъ дѣлѣ.

Въ народной средѣ женскій вопросъ поставленъ чрезвычайно просто и весь исчерпывается въ рѣчи учителя Крамольникова на юбилеѣ Мосеича («Сонъ въ лѣтнюю ночь»). Тутъ не можетъ быть рѣчи ни о *женскомъ* образованіи, потому что въ немъ столь же нуждаются и мужчины, ни о *женскомъ* трудѣ, потому что его не меньше, чѣмъ мужскаго. Провозглашая тостъ «за улучшение участи русской крестьянской женщины, охранительницы, устроительницы русской крестьянской семьи», Крамольниковъ имѣлъ въ виду одно: чтобы мужики перестали обижать бабъ. Во всемъ остальномъ нѣтъ существенной разницы между положеніемъ мужчинъ и положеніемъ женщинъ, а стало-быть нѣтъ и почвы для возникновенія спеціальнаго женскаго вопроса. Крамольниковъ говоритъ мужикамъ, собравшимся чествовать Мосеича: «Часть тѣхъ тяжелыхъ веригъ, которыя выпали на долю русской крестьянки, идетъ отъ васъ самихъ, господа. Я знаю, что въ этомъ фактѣ виноваты не столько вы сами, сколько ваше горе, ваша нужда, но я знаю также, что одинаковость горя и равная степень нужды должны бы послужить поводомъ для круговой поруки несчастія, а не для притѣсненія однихъ несчастныхъ посредствомъ другихъ. Пора бы подумать объ этомъ, господа. Пора сказать: мы несчастны, слѣдовательно наша обязанность подать другъ другу руку, а не раздирать другъ друга». Такимъ образомъ женскій вопросъ здѣсь самъ собой расплывается въ общей «проблемѣ о мужикѣ», и если осуществленіе добраго пожеланія Крамольникова представляеть трудности, то самая постановка женскаго вопроса въ народной средѣ до-нельзя проста.

Обратимся въ другія сферы, совершенно противоположныя, гдѣ женщину не только не бьютъ, но гдѣ она напротивъ того является предметомъ поклоненія, почти культа, гдѣ ее окружають особенною атмосферою, насыщенной лестью, лаской, почетомъ, оиміамомъ сердець, ароматомъ цвѣтовъ, блескомъ

бриллиантовъ, гдѣ женщинѣ не житье, а масляница. Конечно, не въ этой душистой и сверкающей атмосферѣ зарождается женскій вопросъ, но матеріалъ для его постановки доставляется ею въ изобиліи, и Салтыковъ этимъ матеріаломъ не брезгалъ. „Дамочки“, „куколки“, „ангелочки“ не разъ останавливали на себѣ вниманіе суроваго сатирика, и несмотря на то, что портреты этихъ странныхъ видоизмѣненій человѣческаго типа разбросаны въ разныхъ его произведеніяхъ, какъ бы мимоходомъ, онъ очевидно далъ себѣ трудъ изучить ихъ съ большою пристальностью. Объ этомъ свидѣлствуетъ и повторяемость портретовъ, и чрезвычайно тонкая отдѣлка нѣкоторыхъ подробностей. Душа „куколки“—штука, разумѣется, не сложная; но все-таки это не машинка какая-нибудь, а душа, хотя можетъ быть „видомъ малая и не безсмертная“, какъ выражается въ „Исторіи одного города“ учитель каллиграфіи Линкинъ, разумѣя впрочемъ не человѣческую, а лягушечью душу. Изучить эту незложную душу тѣмъ труднѣе, что она проявляется разнаго рода внезапностями, предвидѣть которыя невозможно, если придерживаться обыкновенной логики. Все здѣсь внезапно: сужденія, чувства, поступки. Салтыковъ изучилъ однако „куколку“ такъ, какъ едва ли это удалось даже тѣмъ изъ нашихъ писателей, которые сдѣлали себѣ изъ міра женскихъ отношеній своего рода спеціальность.

Мы уже имѣли случай остановиться на двухъ экземплярахъ этой породы: м-ме Персіанова въ „Ташкентцахъ“ и м-ме Проказнина въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ“ („Еще переписка“). Обѣ эти милыя дамочки наставляютъ своихъ юныхъ, но уже многообѣщающихъ сыновей съ одной стороны въ преданности религіи, отечеству, дворянскому долгу и прочимъ „основамъ“, а съ другой—въ искусствѣ побѣждать женскія сердца и совершать адюльтеръ. Сами „куколки“ по этой послѣдней части не пропускаютъ случая. Какъ хорошенькія, ярко расцвѣченныя бабочки, онѣ перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, если только позволительно сравненіе непрекрасной половины чоловіческаго рода съ цвѣтами. Куколки охотно посвящаютъ взрослыхъ сыновей въ тайны своихъ *processes*, дабы еще разъ хоть мысленно пережить поэму любви. И юный, но уже многообѣщающій сынъ одобряетъ свою „petite mère“, ко-

торая и до сихъ поръ, несмотря на годы, столь несправедливо проведенные, „est jolie à croquer“. Безстыдный сынъ говорить это безстыдной матери въ глаза, и оба остаются другъ другомъ очень довольны, да и кругомъ всѣ довольны. Конечно, когда парижскія приключенія de la belle princesse Persianoff получаютъ уже слишкомъ громкую и скандальную извѣстность, „свѣтъ“ шокируется, но именно только потому, что ужъ слишкомъ громко и скандально. А до этого предѣла вотъ какія требованія и совѣты выслушиваетъ куколка. Вышла она замужъ почти дѣвочкой и осьмнадцати лѣтъ родила уже сына. По этому случаю „ma tante“ говоритъ ей о священномъ чувствѣ матери и о томъ, что „для мальчика главное въ религіозномъ чувствѣ и въ твердыхъ нравственныхъ правилахъ“. А дядя Павелъ Борисовичъ въ свою очередь наставляетъ молодую мать насчетъ воспитанія сына: „Il faut que ce soit un galant homme... Чтобы женщина была для него святыня! Чтобы онъ любилъ покорять, но при этомъ умѣлъ всегда сохранять видъ побѣжденнаго!“ Умираетъ у куколки мужъ. Ma tante опять наставляетъ: „Потеря твоя велика, но даже и въ самомъ страшномъ горѣ у насъ всегда есть вѣрное пристанище—это религія!“ А дядя Павелъ Борисовичъ съ своей стороны присовокупляетъ: „Я очень понимаю всю важность твоей потери, mais ce n'est pas une raison pour maigrir, mon enfant. Вспомни, что ты женщина и что у тебя есть обязанности передъ свѣтомъ. Смотри же у меня не худѣй, а не то я разсержусь и не буду любить мою куколку“. Куколка погоревала, погоревала, да и уѣхала за границу, оставивъ сына на попеченіи ma tante и дяди Павла Борисовича. „Ma tante согласилась замѣнить ему мать и взяла на себя насажденіе въ его сердцѣ правилъ нравственности и религіи. Mon oncle поручился за другую сторону воспитанія, то-есть за хорошія манеры и искусство побѣждать, сохраняя видъ побѣжденнаго“. Ну, куколка какъ съумѣла, такъ и сочетала принципы ma tante и дяди Павла Борисовича...

Такова же примѣрно исторія m-me Проказниной. Обѣ эти фигурки иллюстрируютъ собой „семейный союзъ“. Изъ всего союза, такъ тщательно оберегаемаго на словахъ въ качествѣ одной изъ основъ, сохранились только дружескія отношенія

между матерью и сыномъ, но, Боже! какія это паскудныя, ужа-сающія отношенія... М-те Неугодова въ „Кругломъ годѣ“ тоже куколка („нѣтъ ни руки, ни ноги, ни носа, ни рта, а ручка, ножка, носикъ, ротикъ“), но у нея съ сыномъ нѣтъ такихъ безстыдныхъ откровенностей. У нея другое. Она, проживая за границей, требуетъ, чтобы сынъ продавалъ одно за другимъ ихъ имѣнія, потому что ей, куколкѣ, за границей денегъ много нужно, а когда сынъ указалъ ей перспективу печальнаго исхода, она отвѣтила ему такимъ письмомъ: „я мать и знаю, что есть законъ, который меня защититъ. Законъ сей велитъ дѣтямъ почитать родителей и покоить оныхъ, послѣднимъ же даетъ право непочтительныхъ дѣтей заключать въ смиренныя и инныя заведенія“ и т. д. Письмо это, какъ оно уже и по слогу видно, писано подъ чужую диктовку. Но и при личномъ свиданіи съ авторомъ куколка Неугодова говоритъ; „Я просто попрошу, чтобы его посадили въ смиренный домъ, куда онъ не раскается“. Авторъ прибавляетъ: „Я взглянулъ на нее, думая, не прочту ли что-нибудь на ея лицѣ. И что-жь?—ничего! куколка, ну, просто куколка—и ничего больше“. Авторъ замѣчаетъ, что „это у нихъ должно-быть врожденное, то-есть у русскихъ культурныхъ маменекъ вообще. Я помню, покойница-матушка — ужъ на что, кажется, любила меня, а разсердится бывало, сейчасъ: я тебя въ Суздаль-монастырь упеку! Тогда еще Суздаль-монастырь родителей утѣшалъ, а теперь, со смягченіемъ нравовъ, смиренный домъ явился“. „Суздаль-монастырь“ дѣйствительно часто срывается съ языка маменекъ, изображенныхъ въ „Семейномъ счастіи“, „Кузинѣ Машенькѣ“, „Господахъ Головлевыхъ“, „Пошехонской старинѣ“. Но ихъ мы теперь не тронемъ, потому что то не куколки. Вотъ кузина Надежда Гавриловна („Письмо къ тетенькѣ“)—та по крайней мѣрѣ очень приближается къ куколкамъ, хотя прозвище, данное ей родственниками, есть не куколка, а „индюшка“. Это слѣдуетъ заключить изъ того, что она сына не Суздадемъ-монастыремъ пугаетъ, а смиреннымъ домомъ, а также изъ слѣдующей ея исповѣди. „Индюшка“ убѣждаетъ автора бросить сатиру и „описывать про любовь“.

„Какъ это... ну, вообще, что обыкновенно съ дѣвушками случает-

ся... Разумѣется, не нужно *mettre les points sur les i*, а такъ... Зачѣмъ такъ ужь прямо... какъ будто мы не поймемъ. Не безпокойтесь, пожалуйста! такъ поймемъ, что и понять лучше нельзя... Вотъ маменька-покойница тоже все думала, что я въ дѣвушкахъ ничего не понимала, а я однажды ей вдругъ все... до послѣдней ниточки!... Что въ самомъ дѣлѣ, за что они насъ притѣсняютъ? Думаютъ, коли дѣвица, такъ и не должна ничего знать... скажите на милость! Конечно, я потомъ, замужемъ, еще болѣе развила, но и въ дѣвицахъ... Нѣтъ, я въ этомъ случаѣ на сторонѣ женскаго вопроса стою! Но именно только въ одномъ этомъ случаѣ, *parce que la famille... tu comprends, la famille! tout est là!* Семейство—это... А всѣ эти женскіе курсы, эти акушерки, астрономки, телеграфистки, землемѣрши, *tout ce fatras*“...

Такимъ образомъ куколки въ концѣ-концовъ очень стоятъ за семейный союзъ вообще и въ частности за право родителей сажать непочтительныхъ дѣтей въ смиренный домъ, но онѣ отнюдь не хотятъ, чтобы этотъ союзъ „притѣснялъ“ ихъ въ дѣлѣ амурныхъ похожденій; въ этомъ случаѣ онѣ объявляютъ себя на сторонѣ „женскаго вопроса“, но, конечно, только въ этомъ...

Съ куколки, по части теоріи и логики, взятки—гладки. Что съ нея въ самомъ дѣлѣ возьмешь, коли для нея въ области умственныхъ упражненій существуютъ только *sujets de conversation*? Не ея совсѣмъ дѣло теоретизировать, она просто практикуетъ. Но есть теоретики кукольнаго положенія, къ которымъ и надо обратиться за разъясненіемъ. Таковъ Тебенъковъ въ очеркѣ „По части женскаго вопроса“ (въ „Благонравныхъ рѣчахъ“). Къ счастью, Тебенъковъ рѣчистъ и откровененъ. Прежде всего, что такое женскій вопросъ, котораго куколкѣ и хочется, и не хочется? Тебенъковъ отвѣчаетъ обстоятельно. „Женщина—это святыня, которой не долженъ касаться ни одинъ нечистый помыселъ! Вотъ мой женскій вопросъ-съ! И мужчина, и женщина это, такъ-сказать, двоица; это, какъ говорить поэтъ, Ладъ и Лада, которымъ суждено другъ друга взаимно восполнять. Они гуляютъ въ тѣнистой рощѣ и слушаютъ пѣніе соловья. Они бѣгаютъ другъ за другомъ, ловятъ другъ-друга и наконецъ устаютъ. Лада склоняетъ томно головку и говоритъ: *réposons nous!* Ладъ же отвѣчаетъ: *ce que femme veut, Dieu le veut!* и ведетъ ее подъ сѣнь деревъ... А *mon avis toute la question est là!*“ Итакъ,

весь женскій вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы Лада могла безпрепятственно проводить время съ Ладомъ подъ сѣнью деревъ, и этотъ вопросъ вполне разрѣшенъ. Тебеньковъ утверждаетъ, что „ежели извѣстныя формы общежитія становятся слишкомъ узкими, то весьма естественно, что является желаніе расширить ихъ. Не объ этомъ споръ: это всѣми давно признано, подписано и рѣшено. Но какъ расширить эти формы — вотъ въ чемъ весь вопросъ?“ Тебеньковъ указываетъ на *princesse de P.*, *baronne de K.*, Катерину Михайловну и другихъ прелестныхъ дамъ, которые разрѣшили этотъ вопросъ «совершенно и опредѣленно, и къ полному своему удовольствію». Онѣ разрѣшаютъ его практически, каждая сама для себя, не воздвигая никакихъ принциповъ и не требуя вмѣшательства закона. Тебеньковъ рѣшительно стоитъ «за святость семейныхъ узъ», но «не дѣлаться же княгинѣ монахиней изъ-за того только, чтобы князь Левъ Кирилловичъ имѣлъ удовольствіе свободно надѣвать на голову свой ночной колпакъ!» Княгиня просто дѣлаетъ «экскурсію въ область запретнаго», совершенно позволительную, даже необходимую и ни мало не колеблющую общественнаго зданія. Такимъ образомъ дѣло идетъ прекрасно, само въ себѣ находя нужныя поправки. Ему грозятъ однако двѣ большія опасности, которыя необходимо предотвратить. Во-первыхъ, «представь себѣ, что вдругъ *всѣ* сказали бы, что запретнаго нѣтъ, — вѣдь это было бы новое нашествіе печенѣговъ! Вѣдь они подвергли бы дома наши разграбленію, они осквернили бы нашихъ женъ и дѣвъ, они уничтожили бы всѣ памятники цивилизаціи!» Въ этомъ именно, а не въ какомъ другомъ смыслѣ надо разумѣть святость семейнаго и другихъ союзовъ: «свойства этой азбуки таковы, что для меня лично, — говоритъ Тебеньковъ, — она можетъ служить только огражденіемъ отъ печенѣжскихъ набѣговъ; съ какой же стати я буду настаивать на ея упраздненіи?» Противъ частныхъ же и негласныхъ экскурсій въ область запретнаго, Тебеньковъ не только ничего не имѣетъ, но считаетъ ихъ даже необходимыми. Такимъ образомъ все ученіе о семейномъ союзѣ (а равно и о другихъ) распадается на эзотерическую и экзотерическую части: первая доступна лишь немногимъ посвященнымъ, и бѣда, если *всѣ* «печенѣги» проникнутъ въ эту тай-

ну! Этого ни въ какомъ случаѣ допустить нельзя. Другую опасность для правильнаго разрѣшенія вопроса Тебеньковъ видитъ въ тѣхъ женщинахъ и дѣвушкахъ, которыя стремятся къ образованію и труду. Онъ видитъ въ этихъ стремленіяхъ «поруганіе надъ женскою стыдливостью, надъ цѣломудріемъ женскаго чувства, надъ этимъ милымъ невѣдѣніемъ, *ce je ne sais quoi, cette saveur de l'innocence*, которое душистымъ ореоломъ окружаетъ женщину». Женщина «есть живой ѳиміамъ, живая молитва человѣка къ Богу», «святыня, благоуханіе, кристалль» и пр. И на этакую-то священную штуку замахиваются сами женщины! «Онѣ хотятъ извратить характеръ женщины. Представь себѣ, что онѣ достигнутъ своей цѣли, что всѣ женщины вдругъ разбредутся по академіямъ, университетамъ, по окружнымъ судамъ... что тогда будетъ? *Où sera le plaisir de la vie?* Что станется съ нами, съ тобой, со мной, которые не можемъ существовать безъ того, чтобы не баловать женщину?» Тебеньковъ готовъ разрѣшить дамамъ даже слушаніе лекцій въ медицинской академіи, но съ тѣмъ, чтобы это былъ одинъ изъ *jolis caprices de femme*, а не то, чтобы всерьезу. «Женщина, и въ особенности хорошенькая, имѣетъ право быть капризною, это ея привилегія. Если она можетъ *вдругъ* пожелать парюру въ двадцать тысячъ, то почему же *вдругъ* не пожелать ей посѣтить медицинскую академію? И вотъ она желаетъ, но желаетъ такъ мило, что достоинство женщины ни мало не терпитъ отъ этого. Напротивъ, тутъ-то именно, въ этомъ оригинальномъ желаніи и выступаетъ та женственность, которую мы, мужчины, такъ цѣнимъ. *La baronne de K.*, слушающая г. Сѣченова, — можно ли вообразить *quelque chose de plus gracieux, de plus piquant?*!» И затѣмъ Тебеньковъ рисуетъ веселую картинку, какъ Лады въ сопровожденіи Ладовъ ѣдутъ на тройкахъ слушать лекцію Сѣченова, а потомъ къ Дороту, или въ другой какой-нибудь кабачокъ.

Надо отдать справедливость Тебенькову: разные внезапности куколокъ онъ сложилъ въ нѣчто вродѣ системы. Но это значитъ отдать справедливость сатирику, который съ такою ясностью изложилъ истинный смыслъ всего кукольнаго женскаго вопроса. Благоуханный и сверкающій міръ Ладъ съ его воинствующими теоретиками едва ли часто видѣлъ столь правдивое и

столь близко къ его лицу поставленное зеркало. Тутъ и комментировать нечего, ибо все ясно и не упущено изъ виду ни одной черты, характерной для ораторовъ благонамѣренныхъ рѣчей въ дѣлѣ женскаго вопроса. Куколки и ихъ теоретики, конечно, не могутъ питать за это къ Салтыкову признательности. Но женщины, настоящія жеищины, а не тебенъковскія «святыни» и «кристаллы», должны признать, что на нѣсколькихъ страницахъ очерка «По части женскаго вопроса» сконцентрировано много данныхъ для доказательства того, что женскій вопросъ есть дѣйствительно вопросъ, т.-е. нѣчто, подлежащее разрѣшенію. Положительныхъ доказательствъ здѣсь нѣтъ, но аргументація противниковъ вскрыта до самой ея интимной подкладки. Ясно, что во всѣхъ разсужденіяхъ о достоинствѣ женщины, страдающемъ отъ вступленія ея въ сферу труда и образованности, нѣтъ ничего, кромѣ лицемѣрія. Достоинство женщины! Скажите пожалуйста, какіе Шиллеры! Тебенъковъ говоритъ шлифованнымъ языкомъ свѣтскихъ салоновъ, но это ужъ такая его манера, выработанная долгой канцелярско-салонной практикой, и въ сущности онъ вовсе не скрываетъ своего мнѣнія насчетъ того, гдѣ именно зимуютъ раки. Чтобы окончательно убѣдить собесѣдника, онъ приглашаетъ его пройтись въ три часа по Невскому. Они идутъ и слышатъ разные уже и по формѣ откровенные разговоры молодыхъ и немолодыхъ людей по части женскаго вопроса. Выходитъ довольно-таки гнусно. Тебенъковъ, торжествуя, говоритъ: «А ты еще сомнѣвался, что женскій вопросъ рѣшенъ! Давно, mon cher! Еще Прекрасная Елена, ужъ та порѣшила съ нимъ!»

Указаніе на «Прекрасную Елену» не лишено нѣкотораго серьезнаго значенія. Была ли Елена прототипомъ баронессы К., княгини П., м-ме Персіановой, м-ме Проказниной и прочихъ куколокъ, или она оставила своего Менелая по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ кукольной психологіей, но во всякомъ случаѣ легенда приписываетъ ей тотъ факелъ, который возжегъ троянскую войну. Это напоминаетъ намъ, что женскій вопросъ не всегда можно изолировать, что и то простѣйшее его рѣшеніе, которое проповѣдуетъ Тебенъковъ, затрагиваетъ интересы не только Лада и Лады. Если-

бы куколки могли понимать, что «живой еиміамъ», «святыня», «кристалль» и прочія лестныя къ нимъ обращенія суть только псевдонимы вещей далеко не лестныхъ, то онѣ вѣроятно оскорбились бы и стали бы искать выхода изъ положенія, столь возвышеннаго на видъ и столь въ сущности унижительнаго. И ужь конечно не хватило бы у нихъ духу бросить камень въ тѣхъ, кто ищетъ выхода. Но куколки ничего понимать не могутъ. Ну, и Богъ бы съ ними. Но вѣдь онѣ не на необитаемомъ островѣ живутъ, не гдѣ-нибудь внѣ общей жизни. У нихъ есть мужья, которые, надо думать, не всегда похожи на Тебенькова и князя Льва Кириллыча; есть дѣти, которыя опять-таки не всегда похожи на юныхъ, но уже многообѣщающихъ сыновей т-те Персіановой и т-те Проказниной. Какія страшныя драмы могутъ разыгрываться вокругъ этихъ легкокрылыхъ созданий! какую массу зла могутъ онѣ натворить въ своемъ веселомъ порханіи! Семейный союзъ, какъ его понимаютъ куколки, есть именно такой, который камни привязываетъ, а собакъ пускаетъ бѣгать. Куколки твердо стоятъ за свое право сажать непочтительныхъ дѣтей въ смиренный домъ,—это право гарантировано союзомъ: «я мать!» Столь же твердо будутъ онѣ при случаѣ произносить слова: «я жена!» Найдутся и другія пріятныя права, гарантируемыя союзомъ. Поэтому общій пересмотръ основаній союза отнюдь нежелателенъ съ точки зрѣнія куколокъ и ихъ теоретиковъ: камни должны, непременно должны быть привязаны. Но собаки непременно должны бѣгать, то - есть не собаки, конечно, а миленькія, хорошенькія бабочки должны непременно порхать, и потому въ союзъ должны быть внесены извѣстныя практическія поправки въ смыслѣ экскурсій въ область запретнаго. Этого хотятъ не только сами бабочки, но и Тебеньковы, потому, что имъ нужно «баловать» бабочку. Понятно, что Тебеньковы при случаѣ всю эту механику заведутъ съ другаго конца и торжественно воскликнуть: «я отецъ!» «я мужъ!», то-есть прибѣгнуть подъ защиту того же союза, и прибѣгнуть именно тогда, когда имъ захочется выпустить собакъ и привязать камни. И опять драмы, опять терзанія... Неужели же это въ самомъ дѣлѣ «союзъ», а не страшная клѣтка, въ которой безпорядочно и драчливо бьются человѣческія существа?

Неужели преступна мечта о замѣнѣ этой клѣтки настоящимъ союзомъ, вольнымъ и сознательнымъ, въ которомъ человѣческое достоинство не тонуло бы ни въ волнахъ кружевъ и бархата, ни въ смиренномъ домѣ, въ которомъ Лады мужскаго и Лады женскаго пола дѣйствительно помогали бы другъ другу нести бремя жизни и общеніемъ увеличивать ея радости? Тебеньковы рѣшительно отвѣчаютъ: да, преступна...

Какъ ни унизительно въ сущности положеніе куколки и какъ ни чревато оно опасностями въ случаѣ, ежели механика союза направится въ неблагопріятномъ для нея смыслѣ, но и это завидное для многихъ положеніе отнюдь не всѣмъ доступно. Для этого нужны, во-первыхъ, мужъ, во-вторыхъ, средства, мужнины или родительскія. Положеніе женщинъ, хотя бы и наклонныхъ къ кукольному существованію и обладающихъ соотвѣтственными дарованіями, но которымъ бабушка не поворожила насчетъ мужа и средствъ, входитъ очень существеннымъ элементомъ въ составъ женскаго вопроса. Салтыковъ и его не оставилъ безъ вниманія. Но мы на этомъ не будемъ останавливаться и обратимся къ другой сторонѣ вопроса.

Тебеньковъ—либераль. Онъ уже давно «проектировалъ всѣ тѣ идеи, которыми теперь нашъ общій другъ Менандръ Прелестновъ волнуешь умы въ *Старѣйшей Русской Пѣнкоснимательницѣ*». Но собственно относительно женскаго вопроса онъ не вполне держится пѣнкоснимательскаго образа мыслей. По части семейнаго союза пѣнкосниматели мямлютъ, конечно, свои обыкновенные припѣвы: «наше время не время широкихъ задачъ», «можно не соглашаться, но должно признаться» и т. д., и тутъ найдутся у нихъ точки соприкосновенія съ Тебеньковымъ. Однако они горячо стоятъ за право женщинъ на трудъ и образованіе, каковое право представляется Тебенькову чѣмъ-то въ конецъ извращающимъ женскую природу. «Горячо», — это впрочемъ слишкомъ сильно сказано, потому что къ пѣнкоснимателямъ вообще относится то, что сказано въ Апокалипсисѣ ангелу Лаодикійской церкви: «Знаю твои дѣла: ты ни холоденъ, ни горячъ; о, еслибы ты былъ холоденъ или горячъ!» Пѣнкосниматели можетъ-быть не оскорбились бы зрѣлищемъ прелестныхъ Ладъ, которымъ вдругъ захотѣлось въ медицинскую академію и которыя от-

правляются на тройкахъ слушать лекцію Сѣченова. Они не прочь и отъ нѣкоторыхъ игривостей въ Тебенъковскомъ вку-сѣ, потому что «ежели извѣстныя формы общежитія стано-вятся слишкомъ узкими, то весьма естественно, что является желаніе расширить ихъ», но нельзя же однако допустить на-шествія печенѣговъ... Однако азбуку женскаго вопроса пѣн-косниматели знаютъ удовлетворительно. Они всегда пораду-ются, если женщинамъ откроется доступъ къ какой-нибудь профессіи, дотолѣ недоступной, или если ихъ допустятъ въ какой-нибудь храмъ просвѣщенія. Они обстоятельно укажутъ благія послѣдствія такого расширенія сферы женскаго труда и женскаго образованія. И они будутъ, конечно, правы. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ, какъ не трудомъ и знаніемъ, можетъ быть прекращено позорное существованіе куколокъ, которыя вѣдь нужны только Тебенъковымъ и только въ качествѣ хорошень-кихъ и непременно невѣжественныхъ, пустопорожнихъ и без-дѣльничающихъ игрушекъ? Чѣмъ, какъ не трудомъ и знані-емъ, можетъ быть гарантированъ даже просто хлѣбъ насущ-ный множеству женщинъ, которымъ бабушка не поворожила насчетъ готовыхъ хлѣбовъ? Наконецъ, если мы, мужчины, по-лагаемъ свое достоинство въ расширеніи умственныхъ гори-зонтовъ, въ просвѣщенномъ служеніи родинѣ или человѣче-ству, въ пропитаніи трудами рукъ своихъ, то вѣдь женщина тоже человѣкъ, и мы не имѣемъ никакого права запираеть у нея передъ носомъ двери, ведущія туда, гдѣ мы, на словахъ по крайней мѣрѣ, испытываемъ столько высокихъ духовныхъ наслажденій. Мало того: суживая сферу дѣятельности жен-щины до послѣдней степени, обрекая ее на роль исключи-тельно спутника планеты-мужчины, надо признать, что лучше же имѣть спутника, способнаго войти въ ваши интересы и воспитать вашихъ дѣтей. Правда, вотъ дѣти... Женщинѣ пред-писано закономъ природы въ болѣзняхъ родить чада. Но, не говоря уже о тѣхъ женщинахъ, которыя по той или другой причинѣ обречены на бездѣтность, почему этотъ аргументъ остается у насъ въ карманѣ, когда дѣло идетъ объ актри-сахъ, балеринахъ, акробаткахъ, наѣздницахъ, пѣвицахъ и про-чихъ представительницахъ профессій эстрады, сцены, цирка? Онѣ вѣдь тоже женщины и тоже по закону природы должны

въ болѣзняхъ родити чада, но мы не вошимъ однако по этому поводу о потрясеніи основъ...

Все это извѣстно и переизвѣстно. До такой степени, что какъ-то даже странно и оскорбительно писать. Вѣдь это же азбука. Есть истины несомнѣныя, ясныя, какъ бѣлый день, которыя однако стыдно повторять, а тѣмъ болѣе доказывать и развивать, именно потому, что онѣ несомнѣнны и какъ бѣлый день ясны. Но бываютъ времена, когда общественная мысль до такой степени засоряется разными мутными теченіями, что проповѣдь элементарныхъ истинъ становится необходимою. Какъ тутъ быть писателю, памятующему свои обязанности, но и обладающему чувствомъ собственнаго достоинства? Странно, смѣшно, оскорбительно положеніе Галилея таблицы умноженія или Колумба «краткихъ начатковъ». Школьный учитель можетъ изъ года въ годъ заниматься изложеніемъ первоначальныхъ ариѳметическихъ и грамматическихъ понятій и дѣлать это съ чистою совѣстью и съ сознаниемъ исполненнаго долга. Таковъ дѣйствительно его долгъ, — онъ имѣетъ дѣло съ мальцами, впервые слышащими проповѣдуемыя имъ истины. Писатель же обращается къ обществу, въ умственномъ багажѣ котораго уже давнымъ-давно заключаются всякаго рода краткіе начатки. И не мудрено, что у писателя не повертывается языкъ повторять, что дважды два четыре. Для этого нужно большое мужество, можетъ быть не меньшее того, какимъ должны обладать провозвѣстники новыхъ истинъ, впервые озаряющихъ умственные горизонты человѣчества. Мужество провозвѣстниковъ новыхъ истинъ съ избыткомъ оплачивается гордымъ сознаниемъ этой новизны и радостью творчества. Блескъ новой истины, къ которому еще не привыкъ глазъ современниковъ или соотечественниковъ, блескомъ же отражается и на личной судьбѣ ея носителей. Пусть судьба эта бываетъ переполнена страданіями, но вѣдь и есть изъ-за чего страдать. Не современниками, такъ потомствомъ, не своими, такъ чужими (если правда, что никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ), а будетъ оцѣнена новая истина, стануть люди удивляться, — какъ это безъ нея жить можно было, и добромъ и благословеніемъ помянуть имена тѣхъ, кто ее внесъ. А ни съ чѣмъ не сравнимое счастье

творчества, созданія или открытія новой истины, оригинальнаго образа?! Разумѣется, все относительно и дѣло не въ абсолютной новизнѣ. Я хочу только сказать, что для повторенія задовъ требуется иногда не меньше мужества, чѣмъ для движенія впередъ. Если уже почему-нибудь понадобилось доказывать, что дважды два четыре, что просвѣщеніе полезно, что земля обращается вокругъ солнца, такъ, значитъ, эти довольно древнія истины такъ основательно забыты, что должны встрѣтить какія-то значительныя препятствія, какое-то противодѣйствіе, какъ бы новыя, потому-что въ противномъ случаѣ ихъ не зачѣмъ было бы и тревожить. А между тѣмъ проповѣдь ихъ можетъ доставить не какое-нибудь внутреннее удовлетвореніе, а напротивъ того — только горечь и обиду.

Салтыковъ никогда не обладалъ мужествомъ пропагандиста «краткихъ начатковъ». Онъ относился къ этимъ начаткамъ съ брезгливою нетерпѣливостью. Такъ и относительно женскаго вопроса. Онъ довольствовался въ этомъ отношеніи анализомъ аргументаціи противниковъ и оригинальнымъ освѣщеніемъ разныхъ формъ семейнаго союза. При этомъ самъ собою возникалъ вопросъ о настоящей необходимости женскаго образованія и труда, но необходимость эта представлялась Щедрину столь непререкаемо ясною, столь азбучно несомнѣнною, что ужъ не на ней надо было настаивать, а на чемъ-то другомъ.

Уже въ «Письмахъ о провинціи» Салтыковъ иронически отнесся къ нѣкоторымъ формамъ женской образованности. Тамъ сопоставлены два женскихъ міра: жены, дочери и племянницы «исторіографовъ» и жены, дочери и племянницы «пришельцевъ» или «піонеровъ».

„Тогда какъ жены исторіографовъ отличаются неслыханнымъ великолѣпіемъ одеждъ, необычайными размѣрами шлейфовъ и бѣлизною и округлостью бюстовъ; жены пришельцевъ, напротивъ, представляются слегка ошипанными и даже какъ бы не совсѣмъ кормленными... Сколько сытыя блистаютъ тѣлами и шлейфами, столько голодныя плѣняютъ основательностью и либеральною умѣренностью своихъ сужденій. Тогда какъ первыя бесѣдуютъ о различіи любви и дружбы и о другихъ предметахъ, рѣшительно не приносящихъ никакой пользы для отечества, послѣднія повѣствуютъ о гражданской честности и непреоборимой вѣрности. Случается даже слышать весьма удачныя сужденія по слѣдственной части и по части судебныхъ ошибокъ... Но... приходится сознаться, что шармы тѣлесныя рѣшительно подавляютъ и вѣроятно долго еще бу-

дуть подавлять шармы умственные. Оттого ли, что мы, провинціалы, не умѣемъ еще относиться какъ слѣдуетъ къ нетлѣннымъ красотамъ ума и сердца, или оттого, что въ самыхъ сихъ красотахъ скрывается нѣкоторый изъянъ, какъ бы то ни было, но взоры наши охотнѣе обращаются въ ту сторону, гдѣ блеститъ тлѣнная красота“.

Судейскія и слѣдовательскія жены, сестры, племянницы отбросили спеціально дамскія темы разговоровъ, обрѣзали себѣ шлейфы и щеголяютъ либеральною умѣренностью и основательностью сужденій по слѣдственной части и по части судебныхъ ошибокъ. Чего бы, кажется, лучше? Пѣнокосниматель долженъ придти въ полный восторгъ. А Салтыковъ что-то хмурится, на какой-то изъянъ въ нетлѣнныхъ красотахъ ума и сердца намекаетъ. Намекъ этотъ брошенъ въ первомъ письмѣ о провинціи, въ 1868 г., и только въ 1873 г., въ вышеупомянутомъ очеркѣ «По части женскаго вопроса», сатирикъ вернулся къ нему, опять-таки въ видѣ намека, хотя и гораздо болѣе яснаго.

Судейскія и слѣдовательскія жены, сестры, племянницы, блестящія умственными шармами,—не самостоятельныя свѣтила; онѣ заимствуютъ свой свѣтъ отъ мужей, братьевъ, дядьевъ. Не ихъ имѣетъ въ виду Тебенъковъ, когда говоритъ объ извращеніи женской природы, а «утопистокъ телеграфистики и стенографистики», какъ онъ выражается. Конечно, онъ и въ этомъ случаѣ предпочелъ бы тѣлесные шармы, шлейфы и спеціально дамское щебетанье, но просто рѣчь не о судейшахъ и слѣдовательшахъ зашла. Авторъ и Тебенъковъ были на вечерѣ, гдѣ происходили такіе разговоры:—«Хоть бы позволили въ медико-хирургическую академію! восклицаютъ однѣ.—Хоть бы позволили университетскіе курсы слушать! отзываются другія.—Не доказали ли телеграфистики? убѣждаютъ третьи.—Наконецъ, кассирши на желѣзныхъ дорогахъ, наборщицы въ типографіяхъ, сидѣлицы въ магазинахъ, все это не доказываетъ ли?—допрашиваютъ четвертыя. И въ заключеніе, склоненіе: Сулова, Суловой, Сулову, о Сулова! и т. д.» Въ тонѣ, которымъ передаются эти разговоры, ясно слышится свойственная Салтыкову нетерпѣливая брезгливость къ краткимъ начаткамъ. Затѣмъ авторъ защищаетъ «утопистокъ стенографистики и телеграфистики», но черезъ всю эту защиту проходитъ ироническая нота:

„Скажите, какой вредъ можетъ произойти отъ того, что въ Петербургѣ, а можетъ быть и въ Москвѣ явится довольно компактная масса женщинъ, скромныхъ, почтительныхъ, усердныхъ и блюдушихъ казенный интересъ? Женщины, которыя, встрѣчаясь другъ съ другомъ, вмѣсто того, чтобы восклицать: „*bonjour, chère mignonne!* Какое вчера на *princesse N* платье было!“ будутъ говорить: „а что, *mesdames*, не составить ли намъ компанію для защиты мясниковскаго дѣла?“ Какая опасность можетъ предстоять для общества отъ того, что женщины желаютъ учиться, стремятся посѣщать медико-хирургическую академію, слушать университетскіе курсы? Допустимъ даже самый невыгодный исходъ этого дѣла: что онѣ *ничему* не научатся и потеряютъ время *задаромъ*, все-таки спрашивается: кому отъ этого вредъ? Кто пострадаетъ отъ того, что онѣ *задаромъ* проведутъ свое и безъ того даровое время? Какъ ни повертывайте эти вопросы, съ какими іезуитскими приемами ни подходите къ нимъ, а отвѣтъ все-таки будетъ одинъ: нѣтъ, ни опасности, ни вреда не предвидится никакихъ.“

Далѣе сатирикъ говоритъ, что еслибы отъ него зависѣло разрѣшеніе этого вопроса, то онъ непременно «позволилъ бы». Онъ думаетъ, что это было бы съ его стороны только актомъ политической мудрости, въ интересахъ тѣхъ самыхъ «основъ», которыя выдвигаются какъ препятствіе для осуществленія женскихъ стремленій учиться и работать. Во-первыхъ, тѣмъ самымъ прекратились бы шумъ и недовольство, а во-вторыхъ, можетъ быть среди женщинъ, «которымъ *позволено*», и найдутся настоящія опоры существующаго строя, настоящіе «столбы». И почему бы въ самомъ дѣлѣ нѣтъ? Вѣдь женщины желаютъ, чтобы имъ «позволено было быть столбами наравнѣ съ мужчинами». Нѣтъ, на мѣстѣ начальства, я позволилъ бы, повторяетъ Щедринъ. «Разумѣется, прибавляетъ онъ, еслибы меня спросили, достигнется ли черезъ это «дозволеніе» разрѣшеніе такъ-называемаго «женскаго вопроса», я отвѣтилъ бы: не знаю, ибо это не мое дѣло. Еслибы меня спросили, подвинется ли хоть на волосъ вопросъ мужской, тотъ извѣстный вопросъ объ общечеловѣческихъ идеалахъ, который держитъ въ тревогѣ человѣчество, я отвѣтилъ бы: опять-таки это не мое дѣло».

Кажется, ясно. Съ точки зрѣнія сатирика предоставленіе женщинамъ права учиться и работать есть дѣло элементарной справедливости, и только тебеньковское лицемѣріе можетъ возставать противъ этого права. Осуществленіе его должно принести многія благія послѣдствія, поскольку ны-

нѣшнія драмы семейнаго союза зависятъ отъ женской пустоты, невѣжества, бездѣлья. Но сатирикъ отказывается радоваться тому, что всѣ существующія профессіи будутъ комплектоваться безразлично мужчинами и женщинами. Собственно отъ этого не произойдетъ никакого измѣненія въ общемъ ходѣ житейскихъ порядковъ, кромѣ развѣ усиленія конкуренціи, то-есть отбора способнѣйшихъ къ исполненію существующихъ профессій. Тутъ нѣтъ никакой опасности для «основъ», но нѣтъ и повода для радости съ точки зрѣнія сатирика, ибо все, что есть въ нашей жизни подневольнаго и безсознательнаго, таковымъ и останется, и мелочи жизни отъ этого ни мало не покрупнѣютъ.

Поясню эту мысль иллюстраціями. Я помню, что въ одной либеральной газетѣ, въ подтвержденіе того, что женщина не уступаетъ мужчинѣ въ способностяхъ, были приведены свѣдѣнія о какой-то американской сыщицѣ, обнаружившей въ своей дѣятельности много ума, ловкости, энергіи, знаній. Да, увлеченіе «женскимъ вопросомъ», обнаженнымъ отъ всякихъ стороннихъ соображеній, доходило у насъ до этого. Между тѣмъ, чему тутъ, собственно, радоваться? Американскій государственный союзъ нуждается въ сыщикахъ, которыхъ и выбираетъ главнымъ образомъ между мужчинами, но согласенъ взять и женщину, если она обнаружитъ достаточныя способности! Только и всего.—Въ «Недоконченныхъ бесѣдахъ» Салтыковъ посвящаетъ одну главу дѣлу Кронеберга, судившагося за истязаніе дочери. Между прочимъ, сатирикъ очень возмущается показаніемъ одной весьма извѣстной женщины-врача, каковое показаніе клонилось къ признанію за подсудимымъ права совершить то, что онъ совершилъ. Салтыкову не вспомнились тогда его соображенія насчетъ женщинъ-«столбовъ», а это недурная иллюстрація: женщина-врачъ, не хуже всякаго мужчины, оказываетъ косвенную поддержку семейному союзу, достигающему до предѣловъ истязанія отцомъ дочери. Въ чемъ же опасность для «основъ»? Но въ чемъ и радость съ точки зрѣнія Салтыкова?

Салтыковъ былъ не изъ любезниковъ. Le beau sexe ни тлѣнными, ни нетлѣнными своими шармами не могъ подкупить его критику явленій общественной жизни. Суровъ былъ по-

койникъ. Но тѣмъ цѣннѣе слова сочувствія, любви и надежды, съ которыми онъ, случилось, и къ женщинамъ обращался. Въ «Мелочахъ жизни» есть цѣлый рядъ женскихъ фигуръ, «ангелочекъ», «Христова невѣста», «полковницкая дочь», «сельская учительница», жена Черезова,—затертыхъ то просто дрянными, то презрѣнными и подлыми мелочами. И обо всѣхъ объ нихъ, за исключеніемъ развѣ «ангелочка», болитъ сердце автора. Почему болитъ? Въ семьѣ Черезовыхъ жена работаетъ не меньше мужа и, значитъ, вопросъ о «женскомъ трудѣ» разрѣшенъ, да и живутъ супруги Черезовы дружно, другъ-другу помогая, другъ-друга уважая и любя. Но... «Можетъ-быть при другихъ обстоятельствахъ, при иной школѣ, сердце ихъ раскрылось бы и для другихъ идеаловъ, но трудъ безъ содержанія, трудъ, направленный исключительно къ цѣлямъ самосохраненія, окончательно заглушилъ въ нихъ всякіе зачатки высшихъ стремленій».

Однако не вѣчно это торжество мелочей, безжалостно калѣчащихъ и мужскую и женскую жизнь одинаково. Сатирикъ въ этомъ увѣренъ, и достойно вниманія, что вѣру эту онъ предоставляетъ выразить именно женщинѣ, — Юленькѣ, въ «Дворянской хандрѣ». Юленька предсказываетъ, что не вѣчно ночь будетъ, что солнце взойдетъ... Авторъ рассказываетъ: «Я оглянулся и умилился. Глаза Юленьки горѣли, лицо ея было все, какъ въ лучахъ; даже въ голосѣ слышались мощныя, звонкія ноты».

Да будетъ же по слову хорошей дѣвушки!

Х.

Художникъ.

Какъ умѣлъ и какъ могъ, я постарался если не исчерпать содержаніе писаній Салтыкова, то хоть помочь читателю разобратъ въ огромномъ литературномъ наслѣдствѣ, которое Щедринъ оставилъ русскому обществу. Условія русской печати совсѣмъ не таковы, чтобы это могло быть теперь же сдѣлано съ надлежащею полнотою и ясностью. Говорю это не въ оправданіе пробѣловъ и другихъ недостатковъ моей работы, по-скольку

они зависятъ отъ моего умѣнья или неумѣнья. Во всякомъ случаѣ я могъ бы еще и еще продолжать эти очерки,—Салтыковъ даетъ для этого достаточно матеріала,—но чего-нибудь существеннаго прибавить не могу. Остается только поговорить о томъ, *какъ* Щедринъ дѣлалъ свое дѣло. Его критика явленій общественной жизни была облечена въ оригинальную художественную форму. Такъ вотъ объ этой формѣ.

Прошу читателя припомнить кое-что изъ сказаннаго въ первой и третьей главѣ объ основной чертѣ всей литературной фizioноміи Салтыкова. Мы видѣли, что черта эта состоитъ въ необыкновенно счастливомъ сочетаніи могучей непосредственности, богатаго сырья съ одной стороны и силы неусынно бодрствующаго сознанія съ другой. Талантъ Салтыкова былъ громаденъ, но онъ не довѣрялъ этой громадной стихійной силѣ и держалъ ее подъ строгимъ контролемъ сознанія. Онъ склоненъ былъ даже умять размѣры своего таланта, приписывая свой успѣхъ и значеніе въ литературѣ исключительно упорному труду. Надо замѣтить, что и вообще таланту Салтыковъ не давалъ той цѣны, какая ему обыкновенно дается. Лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ онъ, что талантъ есть великая сила, и былъ очень тонкимъ цѣнителемъ въ этомъ отношеніи. Но работникъ, человекъ сознанія и воли, возмущался въ немъ противъ какихъ бы то ни было привилегій таланта, противъ поклоненія этому случайному подарку природы или капризной судьбы. Иногда слово «талантливый» было у него чуть-чуть что не браннымъ или по-крайней мѣрѣ ничего лестнаго въ себѣ не заключающимъ. Въ «Губернскихъ очеркахъ» есть четыре портрета, собранныхъ подъ одно общее заглавіе «Талантливыя натуры». Заглавіе это отнюдь не ироническое: Корепановъ, Лузгинъ, Буеракинъ и Горехвостовъ дѣйствительно талантливыя натуры, но не въ хвалу имъ написаны эти портреты. Господамъ-ташкентцамъ сатирикъ усвоиваетъ, въ числѣ прочихъ качествъ, «талантливость». Не разъ и при другихъ случаяхъ онъ столь же пренебрежительно отзывался о талантливости. Въ «Письмахъ къ тетенькѣ» онъ, устами дяди Григорія Семеновича, даетъ такое опредѣленіе: «талантливость все равно, что пустая бутылка,—какое содержаніе въ нее вольешь, то она и вмѣститъ». Сила таланта, какъ и всякая другая

стихійная сила, получала для Салтыкова значеніе только по тому направленію, которое она принимала подъ вліяніемъ человѣческаго сознанія и воли. Этой печати сознанія и воли Салтыковъ, какъ мы видѣли, требовалъ отъ всѣхъ проявленій жизни. Честь и совѣсть, пробужденія которыхъ онъ такъ страстно желалъ, суть формы сознанія, притомъ формы, обязывающія къ дѣйствию, то-есть къ напряженію воли. Общественный союзъ, составлявшій его идеалъ, отмѣченъ тою же печатью сознанія и воли. Сознаніе и воля, высшія способности человѣческаго духа, должны царить надъ всѣмъ міромъ, надъ всѣми силами природы и исторіи, подчиняя ихъ себѣ въ качествѣ служебныхъ орудій, обрабатывая ихъ какъ сырой матеріалъ, наконецъ, если нельзя иначе, претерпѣвая ихъ гнеть, но такъ, какъ терпитъ гордый плѣнникъ тюрьму, какъ носилъ свои цѣпи Прометей, то-есть все-таки не подчиняясь. Мнѣ чтить тебя? за что? спрашиваетъ гётевскій Прометей (*ich dich ehren? wofür?*). Съ такимъ вопросомъ обратился бы Салтыковъ къ любой стихійной силѣ, въ томъ числѣ и къ Таланту, еслибы онъ потребовалъ почтенія къ себѣ. Талантъ, случайная комбинація наслѣдственности и приспособленія въ моментъ зачатія, не есть заслуга. Продуктъ слѣпыхъ силъ, онъ и самъ есть только даровой, незаработанный придатокъ личной силы, получающій свое значеніе, великое или презрѣнное, только отъ того направленія, которое ему даютъ сознаніе и воля. Не талантъ долженъ владѣть человѣкомъ, увлекаая его помимо воли и сознанія, а наоборотъ человѣкъ долженъ владѣть своимъ талантомъ. Къ такъ-называемому «вдохновенію» Салтыковъ относился очень скептически. Онъ не сказалъ бы, подобно Гёте, что геній есть терпѣніе,—чему, мимоходомъ сказать, и самъ Гёте едва ли вѣрилъ,—но во всякомъ случаѣ талантъ самъ по себѣ былъ для него только пустая бутылка, которую надо еще наполнить и, смотря потому, чѣмъ она наполнена, такая ей и цѣна.

Когда плебей презрительно отзывается о знатности происхожденія и негодуетъ на преимущества, связанные съ такимъ происхожденіемъ, то всегда найдутся дешевые скептики, которые объясняютъ этотъ протестъ завистью: дескать, самъ не можетъ щегольнуть родословнымъ древомъ, ну, и ворчитъ.

Мудрено было бы пустить въ ходъ это подозрѣніе примѣнительно къ взглядамъ Салтыкова на талантливость. Огромный талантъ Салтыкова стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, кажется, для самыхъ отъявленныхъ его враговъ. Съ этой стороны слышатся даже иногда фарисейскія сожалѣнія, что такое значительное дарованіе тратилось на дѣло, господамъ критикамъ неугодное. Едва ли не самый злостный критикъ, и тотъ нашелся вынужденнымъ признать за Салтыковымъ по крайней мѣрѣ «несомнѣнный талантъ глумленія и нахальства». Талантъ глумленія и нахальства... Бѣдный сердитый критикъ! Онъ ничего не понимаетъ. Станнымъ образомъ, однако, подобныя замѣчанія трогали Салтыкова, какъ это видно изъ часто попадающихся у него не то, что оправданій, а по крайней мѣрѣ упоминаній о «балагурствѣ», писательствѣ «по смѣшной части», «смѣхѣ для смѣха», «глумленіи». Упреки эти столь бессмысленны, что Салтыковъ смѣло могъ бы проходить мимо нихъ, какъ слонъ мимо лающей москы. Въ самомъ дѣлѣ, припомните хоть только группы Разумова и сына («Больное мѣсто») и Молчалина и сына («Въ средѣ умѣренности»). Надъ кѣмъ бы, кажется, и глумиться сатирику, если не надъ этими стариками, руки которыхъ обогрѣны безсознательнымъ преступленіемъ и которые, какъ курица, высидѣвшая утятъ, не имѣютъ съ своими дѣтьми ничего общаго, кромѣ связи рожденія. Пусть безсознательно, а не какъ истые злодѣи, но этотъ Разумовъ и этотъ Молчалинъ загубили на своемъ вѣку не мало молодыхъ жизней. Не даромъ одна изъ матерей обозвала Разумова «сатаной». И вотъ теперь, когда на нихъ самихъ надвигается та бѣда, которую они кругомъ себя сѣяли, какъ легко, какъ, не скажу законно, но по крайней мѣрѣ естественно было бы злорадное торжество. Но ни единой черты глумленія не позволилъ себѣ сатирикъ. Передъ вами одна изъ самыхъ страшныхъ драмъ, какія только могутъ быть созданы фантазіей и дѣйствительностью, и въ виду глубины ея стушевывается политическая, если можно такъ выразиться, вражда автора къ старикамъ Разумову и Молчалину.

„Разумовъ думалъ, что сынъ—утѣха, а вышло, что онъ—просіаніе. Какимъ-то проклятымъ образомъ переплелись эти два совсѣмъ несовмѣстныя понятія, и нѣтъ возможности распутать ихъ. И утѣха и просіаніе—

какой адъ! Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! Утѣха, утѣха, утѣха! Слышишь ли ты это? Степа? Подсказываетъ ли тебѣ сердце, что какое бы громадное несчастіе ни придавило тебя, это же самое несчастіе во сто кратъ, въ тысячу кратъ тяжелѣйшимъ молотомъ придавить безпомощную голову твоего отца! Нѣтъ у этого отца ни настоящаго, ни будущаго, нѣтъ даже прошлаго, но вѣдь и въ этомъ человѣкъ-обрывкѣ трепещетъ сердце... Тобой полно это сердце, тобой, однимъ тобой!“

Я опять напоминаю читателю, что съ точки зрѣнія Салтыкова Разумовъ есть злодѣй, хотя и безсознательный. Но во имя лютой скорби, переживаемой этимъ злодѣемъ, великій художникъ, ни въ чемъ не измѣняя себѣ, своимъ убѣжденіямъ, сростается съ его душой и шагъ за шагомъ переживаетъ вмѣстѣ съ нимъ всю драму. Это «глумленіе», «балагурство»? Если бы Салтыковъ написалъ въ этомъ родѣ только «Больное мѣсто», такъ и то упрекъ въ балагурствѣ былъ бы безсмысленнѣйшей изъ клеветъ, которая сама-собою обрушивается позоромъ на головы клеветниковъ. А сверкающая слезами рѣчь Крамольникова въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь»? А трагическая фигура Іудушки и въ особенности конецъ его и «племяннушки» Анниньки? Надо быть очень веселымъ человѣкомъ, чтобы читать эти страницы безъ содроганія, и очень неумнымъ человѣкомъ, чтобы увидать тутъ глумленіе. А «Мелочи жизни», насквозь проникнутыя грустью о погибающихъ въ проклятомъ болотѣ человѣческихъ жизняхъ? А «Христова ночь» и другія сказки? А страстныя рѣчи въ честь и въ защиту литературы, которыя мы видѣли въ первой главѣ?

Талантъ Салтыкова представляетъ собою сумму очень многихъ и очень разнородныхъ слагаемыхъ. Бываютъ таланты яркіе, сильные, но, такъ сказать, одноцвѣтные. Талантъ Салтыкова я бы назвалъ радужнымъ, и переливы этой блистательной радуги составляютъ столько же прекрасное, сколько и рѣдкое въ литературѣ зрѣлище. Что касается формы въ смыслѣ рубрикъ, на которыя теорія дѣлитъ художественныя произведенія, то Салтыковъ обращался съ ними вполне безцеремонно, подчиняя ихъ основной струѣ своего творчества. Можно бы было, напримѣръ, сказать, судя по «Драматическимъ сценамъ» въ «Губернскихъ очеркахъ» и «Недавнимъ комедіямъ» въ «Сатирахъ въ прозѣ», что драматическая форма не давалась Щедрину. Можетъ быть оно такъ и есть въ са-

момъ дѣлѣ. Можетъ быть Щедринъ органически не могъ настолько отодвинуть свое личное чувство за кулисы, насколько это требуется самыми условіями драмы. Но онъ и не смотрѣлъ никогда на «сцены» «Губернскихъ очерковъ» и «комедіи» «Сатиръ въ прозѣ», какъ на драматическія произведенія; да и никто на нихъ такъ не смотритъ. Еще бы къ діалогу «мальчика въ штанахъ» и «мальчика безъ штановъ», или къ разговору Свиныи съ Правдой, или къ «Драмѣ въ кашинскомъ окружномъ судѣ» (въ «Современной идилліи») предъявлять требованія, какимъ должно удовлетворять драматическое произведеніе! Эти *quasi*-драматическіе наброски удовлетворяютъ совершенно другимъ требованіямъ, художественнымъ же, но стоящимъ внѣ всякой связи съ дѣленіемъ словесности на роды и виды. Салтыковъ утилизировалъ всѣ эти роды и виды, но тасовалъ ихъ, какъ колоду картъ, то, напримѣръ, въ «Современной идилліи», перебивая комическій рассказъ страстнымъ стихотвореніемъ въ прозѣ «Властитель думъ», то иллюстрируя публицистику діалогомъ «Свиныи съ правдой», то, наоборотъ, обрывая художественный рассказъ публицистической экскурсіей, то неожиданно вводя струю сказочной фантастики въ реальнѣйшее изъ реальныхъ описаній. Припомнимъ, для образчика, маленькую, всего въ нѣсколько строкъ, но истинно поразительную сцену, которую я уже приводилъ въ главѣ «Вѣра въ будущее». Молчалинъ, возвратившись съ обогранными безсознательнымъ преступленіемъ руками домой, этими самыми руками спокойно рѣжетъ пирогъ съ капустой; авторъ указываетъ ему на руки; «я вымылъ-съ», отвѣчаетъ Молчалинъ. Это смѣлое, до дерзости, сочетаніе аллегорической и страшной крови на рукахъ Молчалина съ реальнымъ и будничнымъ пирогомъ съ капустой даже можетъ быть не останавливаетъ на себѣ съ перваго раза вниманія читателя. Мысль не запинается объ эту наглядную несообразность, такъ ярко и сжато характеризующую Молчалина. Передъ нами результатъ—живой портретъ, болѣе того—живой типъ, и мы не спрашиваемъ себя въ тотъ моментъ о пріемахъ и способахъ, которыми этотъ результатъ достигнутъ. А если, анализируя свое впечатлѣніе, оглянемся на нихъ, на эти способы и пріемы, то уже, конечно, не попрекнемъ автора за ихъ наглядную несообразность. Нельзя,

напротивъ, не залюбоваться этими мощными скачками отъ дѣйствительности, вмѣщающей въ пирогъ съ капустой, къ фантазіи, обагряющей руки Молчалина, отъ комическихъ подробностей житія Молчалина къ несознаваемому имъ самимъ ужасу его обычныхъ занятій. Въ этомъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ изумительна въ особенности легкость, съ которою талантъ Салтыкова, презирая препоны отверженныхъ формъ словесности, переходитъ отъ одной изъ нихъ къ другой, отъ безпощаднаго реализма къ вершинамъ фантазіи, отъ ядовитой насмѣшки къ страстной лирикѣ. Вы не видите при этомъ никакихъ усилій автора, никакихъ слѣдовъ натуры, старанія; это чисто стихійное, самопроизвольное радужное сверканіе таланта, рѣзко выдѣляющее Салтыкова изъ среды нашихъ большихъ писателей. При всѣхъ своихъ разнообразныхъ достоинствахъ, ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ тою спеціальною силою и гибкостью таланта, которою обуславливается эта черта. Формалисты назовутъ ее можетъ быть распушенностью, безпорядочностью, невыдержанностью стиля. Ну, и Богъ съ ними.

Есть во всякомъ случаѣ у Салтыкова и такія произведенія, которыя даже самый узколобый изъ формалистовъ найдетъ безупречными въ смыслѣ выдержанности стиля. Таковы, скажемъ для примѣра, очерки, вошедшіе въ составъ «Мелочей жизни», таково «Больное мѣсто», почти всѣ сказки, такова, за вычетомъ нѣкоторыхъ отступленій, Головлева хроника. Все это — перлы въ своемъ родѣ, поражающіе яркою жизненностью образовъ, смѣлостью и спокойною увѣренностью общихъ очертаній и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкостью отдѣлки подробностей. Что касается послѣднихъ, то я напому только пейзажи въ «Конягѣ» и въ «Христовой ночи». По основнымъ задачамъ всей своей дѣятельности, цѣликомъ посвященной общественной жизни, Салтыковъ не могъ придавать пейзажу того значенія, которое онъ имѣетъ для романистовъ и поэтовъ. И тѣмъ не менѣе перечтите «Конягу» и «Христову ночь», и вы увидите, что имѣющіеся тамъ пейзажи должны быть поставлены рядомъ съ лучшими произведеніями этого рода. Перехожу къ перлу изъ перловъ — къ «Господамъ Головлевымъ».

Фигура Іудушки, совмѣщающая въ себѣ столько комиче-

скихъ чертъ и въ то же время полная глубокаго трагизма, принадлежить къ числу тѣхъ, которыя живутъ вѣка. Вы ясно видите этого словоточиваго «кровопивушку», слышите его голосъ, ощущаете непріятность его прикосновенія и, вмѣстѣ съ его сыномъ, племянницей, Евпраксеюшкой, милымъ другомъ-маменькой, брезгливо и страшливо содрогаетесь. Но удивительное дѣло: вы понимаете, что Аннинька должна была бѣжать отъ той невыносимой скуки и страха, которые распространяетъ вокругъ себя Іудушка, и могла вернуться подъ его постылый кровъ только въ конецъ одуренная пьяною жизнью; вы понимаете, что и сынъ Іудушки, и Евпраксеюшка, и милый другъ-маменька должны сторониться отъ общенія съ нимъ; вы чувствуете наконецъ, что и сами вы, встрѣтившись съ этою фигурою въ жизни, ни на единую минуту не пожелали бы продолжить эту встрѣчу. А вотъ въ художественномъ воспроизведеніи вы отъ Іудушки оторваться не можете, хотя и переживаете съ другими дѣйствующими лицами ихъ тоску и страхъ. Въ этомъ и состоитъ чудесная тайна истинно-художественнаго произведенія: властная воля великаго художника плѣнила васъ, приковала ваше вниманіе къ явленію, мимо котораго вы, свободный отъ чаръ геніальнаго творчества, постарались бы пробѣжать какъ можно скорѣе. Эффектъ этотъ достигается иногда и совершенно заурядными писателями, но, во-первыхъ, въ совсѣмъ другомъ кругѣ читателей, а, во-вторыхъ, не силою таланта, а чисто внѣшнимъ образомъ, нагроможденіемъ кричащихъ подробностей въ самой фабулѣ. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ чарованіемъ искусства, а съ тою странною притягательною силою, которую для многихъ людей имѣютъ кровь, опасность, уголовщина, съ тою странною силою, которая сгоняетъ толпы зрителей на головоломныя представленія акробатовъ, бои быковъ, на уличные драки и площадные скандалы. Любители этого рода зрѣлищъ найдутъ «Господъ Головлевыхъ» слишкомъ прѣснымъ произведеніемъ. Тутъ и фабулы-то почти никакой нѣтъ. Пожалуй, есть она въ видѣ матеріала, зародыша, и заурядный писатель могъ бы извлечь много головокружительныхъ эффектовъ, на-примѣръ, изъ трагической развязки жизни обоихъ сыновей Іудушки, но у Щедрина обѣ эти развязки происходятъ за

кулисами. Съ другой стороны самыя потрясающія страницы Головлеvской хроники посвящены необыкновенно простымъ, въ смыслъ обыденности, вещамъ. Рожденіе незаконнаго сына и отправка его въ воспитательный домъ,—Господи! да вѣдь это каждый день совершается, не попадая даже въ полицейскую хронику наравнѣ съ кражей, пожаромъ, паденіемъ изъ третьяго этажа и проч. Дрянной старикашка пьетъ съ племянницей изъ ярмарочныхъ пѣвицъ водку,—что можетъ быть ничтожнѣе такого сюжета? Многіе изъ нашихъ чрезвычайно бойкихъ романистовъ пройдутъ мимо этихъ темъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ, и они будутъ до извѣстной степени правы, потому-что имъ въ самомъ дѣлѣ ничего не сдѣлать изъ такихъ заурядныхъ явленій. Можно, кажется, установить такую общую формулу, допускающую, конечно, исключенія: заурядному таланту нужна исключительная фабула, исключительный талантъ довольствуется заурядной фабулой.

Я сказалъ, что формула эта допускаетъ исключенія: мнѣ вспомнился Достоевскій. Это былъ могучій тоже талантъ, тоже обладавшій чарующею силою приковывать вниманіе читателя къ явленіямъ, отъ которыхъ, казалось бы, надо бѣжать, замуря глаза. А между тѣмъ онъ всегда норовилъ эксплуатировать исключительныя фабулы: кровавыя сцены, безумные герои, напряженныя положенія.

Въ статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», написанной чисто *pro domo sua*, нашъ извѣстный романистъ Гончаровъ дѣлаетъ мимоходомъ слѣдующее сопоставленіе Достоевскаго и Салтыкова. Оба ищутъ правду жизни—«одинъ въ глубокой, никому, кромѣ его, не достигаемой пучинѣ людскихъ золъ, другой въ мутномъ потокѣ мелькающихъ передъ нимъ безобразій. Одинъ содрогается и стонетъ самъ—содрогается отъ ужаса и боли его читатель, точно также, какъ этотъ читатель злобно хохочетъ съ авторомъ надъ какой-нибудь «современной идилліей» или внезапно поблѣднѣетъ передъ образомъ Іудушки». Мнѣ не совсѣмъ ясны смыслъ и цѣль этого сопоставленія, но, сколько я понимаю, въ немъ заключаются цѣнныя намеки на характеръ разницы между обоими писателями. Въ характеристикѣ Салтыкова (если можно назвать характеристикой нѣсколько вскользь брошенныхъ словъ) отмѣчены два источника

или двѣ формы художественнаго воздѣйствія на читателя: смѣхъ и ужасъ, при чемъ опредѣлительно указаны и цѣли воздѣйствія: смѣхъ именно надъ «современной идилліей», ужасъ именно передъ Іудушкой. Въ характеристикѣ же Достоевскаго имѣется указаніе только на одну форму воздѣйствія: «содроганіе и стонъ, ужасъ и боль», притомъ такъ, что въ этой формѣ заключается уже какъ будто и самодовлѣющая цѣль: стонъ для стона, боль для боли. Я отнюдь не утверждаю, что г. Гончаровъ хотѣлъ именно это сказать, но такъ сказалось, и хорошо, тонко сказалось. Въ способахъ околдованія читателей Салтыковъ былъ, конечно, безъ сравненія разнообразнѣе Достоевскаго. Смѣхъ рѣшительно не давался Достоевскому, да онъ и крайне рѣдко пытался смѣяться или смѣшить, а когда пытался, такъ выходило болѣзненно, тяжело; тогда какъ Салтыковъ былъ полнымъ хозяиномъ въ этой области, легко и свободно настраивая читателя на всѣ мельчайшіе оттѣнки смѣха, отъ добродушно веселой улыбки до «злобнаго хохота». Въ трагической области, повидимому, пальма первенства должна быть, наоборотъ, предоставлена Достоевскому. Однако, это только повидимому и въ весьма условномъ смыслѣ. Достоевскій, дѣйствительно, приковывалъ вниманіе читателя къ явленіямъ ужаснымъ и отвратительнымъ, приковывалъ съ страшною силою, такъ что, при всемъ желаніи сбросить съ себя иго навѣваемыхъ имъ мучительныхъ впечатлѣній, отдѣлаться отъ нихъ трудно. Но вопросъ, во первыхъ, въ средствахъ, которыми это достигалось, а во-вторыхъ, въ цѣляхъ, ради которыхъ читатель подвергался этому мучительскому искусу. По разсчету д-ра Чижа, высоко цѣнящаго психіатрическое чутье Достоевскаго, четверть всего числа его дѣйствующихъ лицъ поражена душевными болѣзнями; припадки эпилепсіи и приступы бѣшенства происходятъ на глазахъ читателей; затѣмъ, убійства, покушенія на убійство, самоубійства, можно сказать, переполняютъ романы и повѣсти Достоевскаго; рассказываются они длинно, подробно, мучительно подробно и длинно: удары, выстрѣлы, стоны, кровяныя пятна,—цѣлый арсеналь кричащихъ эффектовъ. Ничего подобнаго у Салтыкова. Припомните, напримѣръ, щедринскихъ самоубійцъ, которыхъ довольно много. Убиваютъ себя сынъ Іудушки и молодой Разумовъ; но на сценѣ

самоубійства нѣтъ, имѣются только извѣстія о совершившемся фактѣ. Іудушка тоже кончаетъ самоубійствомъ, но очень любопытно, что и онъ, и Матренка безчастная въ «Пошехонской старинѣ» замерзають, — самоубійство выходитъ по крайней мѣрѣ безкровное. Смерть сельской учительницы въ «Мелочахъ жизни» изображена въ двухъ строкахъ: «Она дошла до середины мостковъ, переброшенныхъ черезъ плотину, и бросилась головой впередъ на понырный мостъ». Портной Гришка бросается съ колокольни. Но даже слова «бросился» нѣтъ въ описаніи этого страшнаго финала горькой жизни.

„Онъ невольно перекрестился и поклонился на всѣ стороны.

Никто ничего не слыхалъ. Но минутъ черезъ десять, когда служба кончилась, дьячокъ, выходя изъ церкви, встрѣтилъ на пути своемъ препятствіе.

— На человѣка наткнулся! крикнулъ онъ: ишь, пьяница растянулся! — Стали тормошить „пьяницу“ — не встаетъ. Принесли фонари и опознали Гришку.

— Ахъ, расподлая твоя душа! — крикнулъ кто-то въ собравшейся толпѣ“.

Не только ни одной капли крови и ни одного стога нѣтъ въ этомъ описаніи, не только слова «бросился», но даже простаго многоточія въ замѣну его. Это въ высшей степени характерно для той бережности, съ которою Салтыковъ относился къ нервамъ читателя. Сцены въ родѣ двойнаго убійства, совершаемаго Раскольниковымъ въ «Преступленіи и наказаніи», или убійства Шатова въ «Бѣсахъ» и проч. и проч., всѣ эти разлитыя по сочиненіямъ Достоевскаго лужи крови, всѣ эти стоны и предсмертныя хрипѣнія, искаженные предсмертной судорогой лица — рѣшительно немыслимы у Салтыкова. Не потому, что великій писатель не могъ, а потому, что не хотѣлъ, или пожалуй до такой степени не хотѣлъ, что даже и не могъ. Во всякомъ случаѣ онъ явно намѣренно обходилъ тотъ арсеналъ внѣшнихъ, кричащихъ эффектовъ, изъ котораго Достоевскій черпалъ свои ресурсы; безъ нихъ умѣлъ онъ потрясать читателя и съ чарующей силой приковывать его къ трагедіи въ семьѣ Разумовыхъ, къ ужасающей фигурѣ Іудушки Головлева и проч. Обстоятельство это свидѣтельствуетъ не только о чрезвычайной мощи таланта, не нуждающагося въ побочныхъ сильныхъ средствахъ, а и о характерномъ для Салтыкова всегдашнемъ контролѣ сознанія. Несмотря на свою рѣзкую

тенденціозность, Достоевскій никогда не могъ, да и не хотѣлъ отказывать себѣ въ жестокомъ удовольствіи безпредметной игры на нервахъ читателей, именно ради самой этой игры. Прочтите, напримѣръ, въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» все, что касается несчастнаго мальчика Илюшечки. Девять десятыхъ этой эпизодической вставки не имѣютъ никакого отношенія ни къ фабулѣ романа, ни къ его задачѣ. Онѣ не нужны въ романѣ, но онѣ удовлетворяютъ нѣкоторой общей и всегдашней потребности самого Достоевскаго. Проповѣдникъ совершенно особеннаго, болѣзненнаго наслажденія—наслажденія страданія (*Wonne des Leides*, сказалъ бы нѣмецъ), онъ и въ произведеніяхъ своихъ безмѣрно обдавалъ своихъ читателей этимъ наслажденіемъ. Нельзя безъ волненія читать ни въ какомъ смыслѣ ненужныя и все-таки потрясающія злословія Илюшечки. Вы перечтете ихъ и разъ, и два, и три, все съ тѣмъ же волненіемъ, съ тѣмъ же подступомъ невольныхъ слезъ къ горлу, но это своеобразное состояніе нервовъ такъ и останется состояніемъ нервовъ, не разрѣшаясь въ какую-нибудь опредѣленную мысль или чувство, въ которомъ вы могли бы дать себѣ ясный и полный отчетъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; авторъ и хотѣлъ только художественно помучить насъ и самъ помучиться жестокимъ творчествомъ. Такая задача—Салтыкову чужая до дикости. Если онъ властно заставляетъ васъ, по выраженію г. Гончарова, «внезапно поблѣднѣть передъ образомъ Іудушки», такъ это отнюдь не для того только, чтобы вы поблѣднѣли. И вы дѣйствительно не только блѣднѣете, не безпредметно волнуетесь. Вы перечитываете сцену рожденія незаконнаго ребенка и отправки его въ воспитательный домъ, хорошо зная, что вновь и вновь испытаете чувство праведнаго гнѣва на этого безсовѣстнаго ханжу. Затѣмъ, въ сценахъ пьянства съ Аннинькой и рѣшенія Іудушки уничтожить себя (самой сцены самоубійства, собственно говоря, нѣтъ) вы, руководимый авторомъ, съ чувствомъ почти радостнаго удовлетворенія открываете и въ этомъ желѣзномъ попѣ съ каменной просвирой слѣды человѣчности, совѣсти. Да, праведенъ былъ гнѣвъ вашъ, праведно и наказаніе, наложенное Іудушкой на себя: нельзя жить этому человѣку, если въ немъ заискрилась совѣсть. При этомъ ни разу не шевель-

нѣтъ тоскливый вопросъ, неволько преслѣдующій васъ при чтеніи злключеній Илюшечки (и многого другаго у Достоевскаго): ахъ, зачѣмъ! зачѣмъ онъ и его, и меня, и себя мучить?! При этомъ, далѣе, ни единой лишней усугубляющей краски, направленной къ спеціальному ущемленію или щекотанію нервовъ. Повторяю: самоубійство Іудушки, во первыхъ, безкровное и беззвучное, а, во вторыхъ, его подробности не разсказаны. Проповѣдникъ торжества сознанія и воли, Салтыковъ сдерживалъ и направлялъ свой талантъ этими высшими силами духа и ихъ же будилъ въ читателѣ, возможно быстро и бережно проходя низшую, подготовительную ступень нервнаго волненія.

Таковъ же былъ и смѣхъ Салтыкова. Въ 1883 г. появились въ *Отечественныхъ Запискахъ* «Пошехонскіе рассказы»; ихъ «первый вечеръ» огорчилъ многихъ искреннѣйшихъ почитателей сатирика. Нельзя было не хохотать надъ этимъ сборникомъ частью скабрёзныхъ, частью просто смѣхотворныхъ анекдотовъ, но развѣ это дѣло Щедрина, учителя, вождя, отъ котораго привыкли ждать вѣскаго и вѣщаго слова?! Уже самое это огорченіе свидѣтельствуешь, что безпредметный смѣхъ былъ столь же чужой Салтыкову, какъ и безпредметный трагизмъ. Пуская въ обращеніе «Пошехонскіе рассказы», онъ очень хорошо зналъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ снабдилъ ихъ двумя презрительными эпиграфами: «По Сенькѣ шапка» и «Андроны ѣдутъ», а во «второмъ вечерѣ» пояснилъ: Пишу «для того, чтобы исправить мою репутацію. Сначала эту задачу выполню, а потомъ и совсѣмъ брошу. Я знаю, что задача эта не весьма умная, но вѣдь глупыя дѣла бываютъ вродѣ повѣтрія. Глупыя фасы вышли, вотъ и все. Но ежели глупыя фасы застрянутъ на неопредѣленное время, тогда, разумѣется, придется совсѣмъ бросить и бѣжать куда глаза глядятъ». Дѣло ясное. Разгнѣванный и оскорбленный тогдашнимъ состояніемъ русскаго общества, сатирикъ бросилъ ему шапку по Сенькѣ: серьезное слово убѣжденія и призыва отскакиваетъ отъ васъ, какъ отъ стѣны горохъ, вамъ вздору нужно,—нате, получайте! Но уже во второмъ вечерѣ сатирикъ самъ не выдержалъ этой программы безпредметнаго смѣха, а оканчиваются «Пошехонскіе рассказы» глубоко прочувствованной картиной похоронъ Ивана Рыжаго, убитаго одурѣлою толпою по подстрекатель-

ству Мазилки и Скоморохова... Можно бы было найти и другіе случаи, когда смѣхъ Салтыкова прорывался безъ осложненій гнѣва и печали и безъ удержу. Но случаи эти крайне рѣдки, и съ насъ достаточно перваго вечера «Пошехонскихъ разсказовъ», чтобы судить, что было бы, еслибы Салтыковъ дѣйствительно пускалъ въ ходъ свою способность смѣха съ тою необузданностью, какую ему приписываютъ глупые и безстыжіе люди. О, какъ бы мы хохотали!—мы, вы, они... Но, памятуя высокія обязанности литературы и лежащую на ней отвѣтственность, сатирикъ не пожелалъ этого повальнаго веселья, не пожелалъ быть писателемъ «по смѣшной части».

Онъ понималъ цѣну смѣха и отнюдь не отказывался отъ него. «Что же такое, если и карриатура?—спрашиваетъ онъ въ «Письмахъ къ тетенькѣ».—Карриатура, такъ карриатура—большая бѣда! Не все же стоять, упершись лбомъ въ стѣну; надо когда-нибудь и улыбнуться. Есть въ человѣческомъ сердцѣ эта потребность улыбки, есть. Даже измученный и ошеломленный человѣкъ, и тотъ ощущаетъ ее». Салтыковъ зналъ, во первыхъ, что есть явленія, въ которыхъ, какъ и вездѣ, можно найти смѣшныя стороны и надъ которыми, однако, по ихъ незащищенности отъ разныхъ другихъ воздѣйствій, смѣяться грѣшно, «жутко», какъ онъ выражается въ «Дневникѣ провинціала». Во вторыхъ, у него была строго обдуманная, чрезвычайно оригинальная и блистательно имъ оправданная теорія карриатуры.

Въ «Недоконченныхъ бесѣдахъ», по поводу модныхъ въ то время газетныхъ разговоровъ о «расхищеніи власти», Салтыковъ писалъ: «О выводахъ или о пожеланіяхъ нѣтъ и въ поминѣ. Людямъ, болѣе или менѣе подозрительнымъ, можетъ показаться, что вотъ-вотъ сорвется съ языка что-нибудь рѣшительное, въ родѣ «закрѣпощенія» или возстановленія старой судебной волокиты,—отнюдь не бывало! Даже этихъ немудрыхъ словъ нѣтъ». Вотъ эти-то недоговоренныя слова, эти-то выводы и пожеланія, еще смутные, но можетъ быть завтра же имѣющіе объявиться въ полной законченности, и составляютъ функцію щедринской карриатуры. Онъ самъ подробно развиваетъ эту мысль въ «Помпадурахъ и помпадуршахъ». Разсказавъ про удивительныя приключенія Ѳединьки Кротикова,

сатирикъ самъ забѣгаетъ впередъ вопросу—не слишкомъ-ли это фантастично, преувеличенно, каррикатурно, и рѣшительно отвѣчаетъ: нѣтъ.

„Я согласенъ, что въ дѣйствительности Оединька многого не дѣлалъ и не говорилъ изъ того, что я заставилъ его дѣлать и говорить, но я утверждаю, что онъ *несомнѣнно все это думалъ* (курсивъ Салтыкова) и слѣдовательно сдѣлалъ бы или сказалъ бы, еслибы умѣлъ или смѣлъ. Этого для меня вполне достаточно, чтобы признать за моимъ рассказомъ полную реальность, совершенно чуждую всякой фантастичности... Не бывальщина гораздо чаще встрѣчается въ дѣйствительности, нежели въ литературѣ. Литературѣ слишкомъ присуще чувство мѣры и приличія, чтобы она могла взять на себя задачу съ точностью воспроизвести карикатуру дѣйствительности... Многія изъ Оединькиныхъ бредней до того фантастичны, что онъ самъ старается скрыть ихъ, но я ловлю его на полусловѣ, я пользуюсь всякимъ темнымъ намекомъ, всякимъ минутнымъ изліяніемъ, и съ помощью ряда усилій вступаю твердою ногою въ храмину той другой, не обыденной, а скрытой дѣйствительности, которая одна и представляетъ вѣрное мѣрило для всесторонней оцѣнки человѣка. Не знаю, въ какой степени усилія мои увѣнчаются успѣхомъ, но убѣжденъ, что пріемъ мой во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ правильнымъ. Говорятъ о каррикатурѣ и преувеличеніяхъ, но нужно только осмотрѣться кругомъ, чтобы обвиненіе это пало само собой. Не останавливайтесь на настоящей минутѣ, но прозрѣвайте въ будущее. Тогда вы получите цѣлую картину волшебствъ, которыхъ быть-можетъ еще нѣтъ въ дѣйствительности, но которыя несомнѣнно придутъ“.

Эти замѣчательныя строки (я привелъ ихъ въ сокращеніи) бросаютъ интересное освѣщеніе на всю дѣятельность Салтыкова и даютъ драгоцѣнныя указанія критикѣ. И письменная критика, и въ особенности устная, которой Салтыковъ подвергался больше, чѣмъ кто-нибудь, такъ какъ почти каждое его произведеніе возбуждало въ обществѣ говоръ, давно замѣтила слѣдующее обстоятельство. Нѣкоторыя, совершенно, повидимому, фантастическія положенія, придуманныя щедринской сатирой, надъ которыми мы смѣялись, какъ надъ карриатурами, по прошествіи извѣстнаго времени оказывались точнымъ отраженіемъ дѣйствительности. Случалось иногда такъ, точно Салтыковъ былъ какъ бы сатирическимъ лидеромъ ненавистной ему партіи мрака, его каррикатуры точно задавали тонъ извѣстной части литературы и соотвѣтственной части общества; онѣ, эти каррикатуры, развивались, по прошествіи нѣкотораго времени, въ серьезъ, какъ нѣчто въ самомъ дѣлѣ желательное, спасительное, обязательное. Укажу для примѣра

на проект «централизаціи» отставнаго корнета Толстолобова въ «Дневникѣ провинціала» и на «проектъ обновленія» Стрѣлова въ «Пестрыхъ письмахъ». Одинъ изъ нихъ написанъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, другой—лѣтъ пять. Написаны они на смѣхъ; перечтите ихъ и скажите: фантастика ли это? карриатура ли? Изъ только-что приведеннаго объясненія самого Салтыкова видно, что эти совпаденія карриатуры съ дѣйствительностью отнюдь не были дѣломъ капризной случайности. Не нуждаются эти предвидѣнія и въ какихъ-нибудь мистическихъ объясненіяхъ. Салтыковъ самъ открылъ намъ ихъ секретъ. Онъ прислушивался, присматривался, «ловилъ на полусловѣ, пользовался всякимъ темнымъ намекомъ, всякимъ минутнымъ изліяніемъ». Результатъ достигался слѣдовательно упорной, сознательной работой, вполне опредѣленнымъ приѣмомъ изслѣдованія.

Понятно, что въ другихъ рукахъ этотъ же самый приѣмъ не далъ бы тѣхъ же самыхъ результатовъ. Иной можетъ годы прислушиваться и присматриваться и все-таки ничего не высмотрѣть и не выслушать, а иному достаточно вершка, чтобы угадать сажень. Это дѣло таланта, и именно чуткости. Чуткость Салтыкова была по истинѣ изумительна. Она особенно была въ глаза въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ жилъ, какъ монахъ въ кельѣ, отрѣзанный отъ всего міра, и все-таки чужалъ приливы и отливы этого міра. Мнѣ уже случилось однажды сравнить его съ чрезвычайно чувствительнымъ барометромъ, который, будучи запертъ въ четырехъ стѣнахъ, тѣмъ не менѣе отзывается на перемѣны въ состояніи атмосферы. Но и въ этомъ случаѣ Салтыковъ не былъ ни тѣмъ рабомъ, лукавымъ и лѣнивымъ, который зарылъ свой талантъ въ землю, ни тѣмъ себялюбивымъ счастливцемъ, который, гордясь своими случайными преимуществами, щеголяетъ ими съ единственною цѣлью поразить, ослѣпить: онъ работалъ, направлялъ свою чуткость, какъ и вообще свой талантъ, къ вполне опредѣленной, сознательно выработанной цѣли.

Выше, говоря о свойственномъ Салтыкову радужномъ сверканіи таланта, я называлъ это сверканіе чисто стихійнымъ, самопроизвольнымъ. Но самопроизвольный не значитъ самодовлѣющій. Дозволяя себѣ художественныя дерзости въ родѣ перета-

совки отверженныхъ формъ словесности и полного смѣшенія фантазіи и дѣйствительности, Салтыковъ зналъ, что онъ дѣлаетъ, и въ каждой своей строчкѣ могъ бы дать отчетъ и себѣ и другимъ. Все свое высокое дарованіе отдавалъ онъ на службу дѣлу свѣта и правды и зорко слѣдилъ за этой своей стихійной силой, чтобы она какъ-нибудь не уклонилась отъ намѣченной цѣли. Ему такъ легко было бы нарисовать, напримѣръ (одинъ примѣръ изъ сотни), картину изувѣченнаго трупа Гришки-портнаго, плавающего въ лужѣ крови, разбитаго черепа, разбрызганныхъ мозговъ, нечеловѣческихъ стоновъ. Его творческая сила нашла бы здѣсь себѣ работу, удовлетвореніе. Но эта страшная картина слишкомъ сосредоточила бы на себѣ вниманіе читателя, слишкомъ взволновала бы его, въ ущербъ сочувствію къ несчастному Гришкѣ и негодованію на загубившія его подлости. И великій писатель обошелъ эту картину. Ему можетъ быть еще легче было бы смѣшить насъ безъ удержу, смѣшить до упаду, но великій писатель не пожелалъ этого: онъ обуздалъ свой смѣхъ систематической программой. Менѣе могучій талантъ едва ли могъ бы даже выдержать такое неустанно зоркое самонаблюденіе и самообузданіе, такой контроль сознанія и воли. Салтыковъ выдержалъ.

Слава таланту! Конечно слава. Но вящшая слава человѣку, работнику, служителю свѣта и правды!

XI.

Памяти Щедрина *).

Все на свѣтѣ старѣется, изнашивается и, наконецъ, умираетъ, уступая мѣсто новой, молодой жизни. Таковъ законъ естества, неизбѣжный и неумолимый, какъ бы ни возмущалось противъ него наше чувство. Да и не всегда вѣдь оно возмущается. Смерть не страшна и не печальна, а именно

*) Глава эта написана и напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ тотчасъ послѣ смерти Салтыкова. Я не хотѣлъ ее перепечатывать, въ виду ея характера наброска, вызваннаго первымъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти сатирика. Но въ ней содержатся кое-какія черты, которыя мнѣ не удалось потомъ развить.

только естественна, когда она составляет условіе обновленной жизни, когда умираетъ то, что успѣло уже износиться и только давить собою новые ростки жизни. Такой смерти вполне приличествуетъ эпитетъ «естественная» и съ нею сравнительно легко мирится даже личное горе людей, близкихъ къ покойнику. Щедринъ умеръ въ этомъ смыслѣ не естественною смертію. Давно больной тѣломъ, онъ не изжилъ своихъ духовныхъ силъ, не одряхлѣлъ ни талантомъ, ни убѣжденіемъ, и не только не отнималъ своимъ существованіемъ мѣста у новой жизни, а напротивъ лишь о расчищеніи его и думалъ.

Тяжело было бывать у Щедрина въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Больное тѣло явно шло къ концу, а это и само по себѣ производило удручающее впечатлѣніе и, кромѣ того, отражалось на душевномъ состояніи больного мрачною мнительностью. Однако страшныя физическія страданія отравляли только, такъ сказать, интимную, личную сторону его духовной жизни: ему казалось, что его забыли, что предпринятое имъ передъ самою смертію изданіе его сочиненій не будетъ имѣть успѣха и т. п., и все это преувеличенно волновало и раздражало его. Но въ то же время онъ иногда съ почти юношескимъ увлеченіемъ говорилъ о новыхъ планахъ литературныхъ работъ. Трудно повѣрить, что такое сильное и вмѣстѣ художественно-прекрасное произведеніе, какъ «Пошехонская старина», написано среди постоянныхъ физическихъ страданій. Но еще труднѣе представить себѣ, что, только-что окончивъ «Пошехонскую старину» и уже стоя одной ногой въ гробу, Щедринъ мечталъ о новой большой работѣ, которая должна была называться «Забытыя слова». Онъ предчувствовалъ, что «Пошехонская старина» будетъ его лебединою пѣснью, и съ свойственною ему, особенною, добродушно сердитою манерой отталкивалъ всякія слова утѣшенія и надежды. Но творческая работа этого изумительно одареннаго духа не прекращалась, можно сказать, до самой смерти. «Были, знаете, слова,—говорилъ онъ мнѣ незадолго до смерти, и кто изъ знавшихъ Щедрина не припомнитъ при этомъ его басистаго голоса и добродушно-сердитыхъ глазъ, устремленныхъ прямо въ глаза собесѣдника,—были, знаете, слова: ну

совѣсть, отечество, человѣчество... другія тамъ еще... А теперь потрудитесь-ка ихъ поискать! Надо же напомнить...» Таково должно было быть содержаніе «Забытыхъ словъ».

Творческая сила Щедрина обнаружилась очень рано. Началь онъ собственно поэзіей, стихами, и подавалъ въ этомъ направленіи большія надежды. Въ Александровскомъ лицѣѣ, гдѣ воспитывался Щедринъ, со временъ Пушкина чуть не на каждомъ курсѣ школа искала преемника великому поэту, и Щедринъ былъ одинъ изъ этихъ предполагаемыхъ преемниковъ. Но скоро онъ выбралъ другой литературный путь, съ котораго никогда не сворачивалъ, на которомъ и умеръ съ «Забытыми словами» въ мечтѣ. Такъ-называемаго «искусства для искусства» Щедринъ не допускалъ; онъ считалъ его празднымъ вздоромъ или вздорнымъ празднословіемъ, хотя, самъ будучи великимъ художникомъ, высоко цѣнилъ художественныя достоинства и въ чужихъ произведеніяхъ. Обрекая свою творческую силу на служеніе обществу и извѣстнымъ нравственно-политическимъ идеаламъ, онъ понималъ эту служебную роль такъ высоко, что, по народному выраженію, шапка свалилась бы съ головы тѣхъ маленькихъ жрецовъ чистаго искусства, которые вздумали бы взглянуть на эту высоту. Большому кораблю—большое плаваніе, а маленькая лодочка и въ пруду погуляетъ. Пусть мелочь тратитъ то малое, что ей Богомъ отпущено, на воспѣваніе звѣздочекъ и цвѣточковъ, ландышей и кудрей, пурпурнаго заката и столь же пурпурнаго восхода. А Щедрины пусть напоминаютъ намъ забытыя слова: совѣсть, честь, отечество, человѣчество. Всякому свое. И кто знаетъ, какого можетъ быть первокласснаго художественнаго произведенія не получили мы съ Щедрина въ этихъ «Забытыхъ словахъ»? Талантомъ и убѣжденіемъ этотъ человѣкъ былъ такъ силенъ, что болѣзнь и возрастъ ничѣмъ не отражались на его произведеніяхъ. Напротивъ, онъ только росъ и крѣпнулъ. Сравните «Губернскіе очерки», имѣвшіе такое огромное значеніе въ литературѣ и сами по себѣ представляющіе большую цѣнность, съ «Пошехонской стариной», написанной на склонѣ дней, и вы увидите, что никакого склона дней въ литературномъ отношеніи тутъ нѣтъ, а есть напротивъ подъемъ. Щедринъ и прежде бывалъ силь-

но боленъ, такъ что опасались за его жизнь; бывали и въ его литературной дѣятельности какъ бы періоды утомленія. Но онъ вдругъ стряхивалъ съ себя и хворь, и утомленіе, и являлся въ неожиданно обновленномъ видѣ. Теперь, только-что получивъ извѣстіе о смерти Щедрина и наскоро набрасывая эту замѣтку, я не могу охватить сразу всѣ подробности его долгой и плодотворной литературной дѣятельности. Напомню только «Господь Головлевыхъ», «За рубежомъ», «Сказки», «Мелочи жизни». Всѣ эти произведенія въ разное время развертывали передъ изумленными читателями новыя стороны таланта Щедрина, который былъ, кажется, неизсякаемъ. «Забытыя слова» могли бы быть такимъ же сюрпризомъ. Намъ не пришлось его получить, а онъ былъ возможенъ. Вотъ почему мысль такъ трудно мирится съ этой смертью: не изнасилованъ еще человѣкъ, не изжилъ отпущеннаго на его долю запаса силы, и дай Богъ иному въ юношескихъ годахъ начинать свою сознательную жизнь такъ, какъ ее кончалъ въ старости Щедринъ, съ вѣрой въ совѣсть, честь, отечество, человѣчество, съ желаніемъ постоять за эти великія, но увы! въ самомъ дѣлѣ почти забытыя слова... И въ это-то трудное, смутное, тусклое время забвенія, однимъ борцомъ стало меньше... И какимъ борцомъ! Если бы Щедринъ даже не написалъ своихъ «Забытыхъ словъ», а просто бы только жилъ, существовалъ, такъ и то было бы посвѣтлѣе на Руси. Оставалась бы все-таки возможность ожиданія, оставалась бы надежда,—пускай тщетная,—что вотъ-вотъ «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой» привычное властное слово. Утѣшительно было бы даже просто сознаніе, что еще живъ человѣкъ, который такъ высоко несъ знамя литературы, что никакія брызги грязи не долетали до него и не запятнали его...

Этихъ брызговъ грязи было много. Знаменоносцемъ нельзя быть безъ риска привлечь къ себѣ много злобнаго вниманія. А Щедринъ и по натурѣ былъ не изъ тѣхъ людей, которые могутъ всю жизнь прожить припѣваячи, не наживъ ни одного врага. Для этого въ немъ было слишкомъ мало и кротости, и практичности, и желанія нравиться. Враговъ у него было много, притомъ подчасъ вполне безсовѣстныхъ, не стѣснявшихся въ выборѣ оружія. Въ частной жизни онъ былъ

безупреченъ съ точки зрѣнія самой придирчивой морали, а съ тѣхъ поръ, какъ я его помню (съ 1870 года), онъ, если можно такъ выразиться, сообщался съ жизнью только черезъ окно литературы. Весь преданный своему дѣлу, поглощенный, кромѣ чисто литературной работы, еще непомѣрнымъ обиліемъ невиднаго, чернаго редакторскаго труда, онъ жилъ какъ монахъ, чуждый «міру» съ его соблазнами. Тѣмъ не менѣе у него были враги и какъ у писателя, и какъ у редактора журнала, и, наконецъ, какъ у человѣка.

Однажды въ редакціи *Отечественныхъ Записокъ* я былъ свидѣтелемъ такой сцены. Элегантно одѣтая дама просила Щедрина о чемъ-то, чего онъ не считалъ возможнымъ сдѣлать: не то принять доставленную ею рукопись, не то ускорить ея напечатаніе, не помню. «Будьте любезны, Михаилъ Евграфовичъ»,—просила дама.—«Сударыня,—отвѣчалъ Михаилъ Евграфовичъ,—быть любезнымъ совершенно не моя спеціальность». Это была правда. Любезность отнюдь не составляла его спеціальности. Онъ часто былъ грубоватъ, рѣзокъ, раздражителенъ, несдержанъ въ выраженіяхъ. Въ одномъ изъ напечатанныхъ писемъ Тургенева есть замѣчаніе, что, дескать, у Салтыкова и наружность, и голосъ самой природой ужъ такъ устроены, чтобы ругаться. Дѣйствительно, внѣшность Щедрина еще усиливала впечатлѣніе его грубоватой манеры: рѣзкая перпендикулярная складка между бровей на прекрасномъ, открытомъ и высокомъ лбу, сильно выпуклые, какъ бы выпяченные глаза, сурово и какъ-то непреклонно смотрѣвшіе прямо въ глаза собесѣднику, грубый голосъ, угрюмый видъ. Но иногда это суровое лицо все освѣщалось такою почти дѣтски добродушною улыбкой, что даже люди мало знавшіе Щедрина, но попадавшіе подъ свѣтъ этой улыбки, понимали, какая наивная и добрая душа кроется подъ его угрюмой внѣшностью. О тѣхъ, кто его близко зналъ, нечего и говорить. Онъ не могъ не поворчать въ разговорѣ съ кѣмъ бы то ни было, и подъ конецъ его жизни эта воркотня была иногда тяжела, но всѣ знали все-таки, что это только воркотня и что въ концѣ-концовъ она ничѣмъ не отзовется на дѣлѣ и дѣйствительныхъ отношеніяхъ.

Кромѣ добродушія, эту ворчливость и грубоватость много

скрашивало еще то обстоятельство, что Щедринъ проявлялъ ее совершенно равномерно по отношенію ко всѣмъ. Это уже потому не былъ «генеральскій» тонъ, какъ утверждали нѣкоторые обиженные, что примѣнялся не только къ тѣмъ, кто такъ или иначе зависѣлъ отъ Щедрина, а и къ тѣмъ, отъ кого онъ самъ зависѣлъ. Разъ слушатели какого-то высшаго заведенія пришли просить его участвовать въ литературномъ вечерѣ. Онъ сурово отвѣчалъ: «А вотъ посидите немножко, да подождите, пока я закашляю; тогда и увидите, могу ли я публично читать». Одинъ изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ созвалъ однажды къ себѣ редакторовъ газетъ и журналовъ для предъявленія имъ своихъ требованій отъ литературы. Окончивъ оффиціальную рѣчь, министръ обратился къ Щедрину съ любезною шуткой: «Подъ какимъ вы меня соусомъ подадите теперь публикѣ, Михаилъ Евграфовичъ?» «Намъ не до соусовъ, ваше высокопревосходительство, не до соусовъ, не до соусовъ», отвѣчалъ сатирикъ, постепенно возвышая свой басъ и угрюмо отходя въ сторону. Всегда и со всѣми любезность была совершенно не его спеціальностью. Но это былъ истинно добрый человѣкъ, всегда готовый помочь нуждающемуся словомъ и дѣломъ. Мелкихъ же чувствъ мстительности, подозрительности, соперничества въ немъ не было даже самыхъ слабыхъ слѣдовъ. Понятно, какъ все это должно было отражаться на его редакторской дѣятельности.

Меня всегда поражало трудолюбіе Щедрина. Онъ и самъ имъ гордился. Онъ утверждалъ даже, что его литературная слава достигнута не талантомъ, который, дескать, вовсе не великъ, а упорнымъ трудомъ. Въ одномъ разговорѣ о воспитаніи дѣтей онъ увѣрялъ меня, что болѣе или менѣе талантливымъ писателемъ можетъ стать всякій,—надо только смолodu приучить мальчика правильно и упорно работать; «конечно, если онъ не идіотъ и не математикъ», прибавилъ онъ, разумѣя, кажется, противоположность между опредѣленною спеціальною способностью и полнымъ отсутствіемъ всякихъ способностей. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, значить, ничего не подѣлаешь, а въ этихъ предѣлахъ все доступно труду. Разумѣется, роль труда въ своей собственной литературной дѣятельности Щедринъ непомѣрно преувеличивалъ. Его рѣд-

кое трудолюбіе не только не способствовало его славѣ художника или сатирика, а напротивъ отвлекало его силы въ сторону журнальной техники. Чтеніе и исправленіе рукописей и корректуръ, всегда отнимающее много времени, у Щедрина отнимало его больше, чѣмъ у кого-нибудь. Онъ вѣдалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, кромѣ общей редакціи въ качествѣ отвѣтственнаго редактора, еще спеціально беллетристическій отдѣлъ, и если вообще принималъ близко къ сердцу интересы журнала, то въ свой спеціальный беллетристическій отдѣлъ по истинѣ всю душу свою клалъ. Всякій вновь появлявшійся въ журналѣ беллетристъ, первоначально можетъ быть нѣсколько обезкураженный рѣзкою и суровою манерою редактора, встрѣчалъ въ немъ на дѣлѣ доброжелательнѣйшаго, усерднѣйшаго покровителя и совѣтника, даже расточительно тратившаго свой трудъ и время на чужія произведенія. Помню, напримѣръ, такой случай. Молодой талантливый писатель Котелянскій (я могу его назвать, онъ умеръ) прислалъ повѣсть «Чиншевики». Щедринъ рѣшилъ ее напечатать, но по исправленіи и сокращеніи. И вотъ что онъ, между прочимъ, сдѣлалъ: вытравилъ на всемъ протяженіи повѣсти одно изъ дѣйствующихъ лицъ цѣликомъ, со всѣми его довольно сложными отношеніями къ другимъ, оставшимся дѣйствующимъ лицамъ. Котелянскій самъ говорилъ мнѣ потомъ, что онъ очень благодаренъ Щедрину за эту операцію, которая скрасила повѣсть, но удивляется, какъ онъ ухитрился это сдѣлать. И дѣйствительно, всякій мало-мальски знакомый съ редакторскимъ дѣломъ пойметъ, какого труда и вниманія стоитъ подобная операція. Вообще Щедринъ былъ образцовымъ редакторомъ. Я былъ нѣсколько лѣтъ однимъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ по веденію журнала, и хотя дѣло не всегда обходилось безъ недоразумѣній и пререканій, но ни единой капли горечи не осталось въ моихъ воспоминаніяхъ объ этомъ сотрудничествѣ и не иначе, какъ съ удовольствіемъ и чувствомъ глубокаго уваженія къ Щедрину, думаю я о томъ счастливомъ времени. Несмотря на свою рѣзкость и раздражительность, Щедринъ владѣлъ той тайной внутренняго равновѣсія, которая гарантируетъ редактора и отъ безпринципной распушенности, превращающей журналъ въ простой сборникъ

болѣе или менѣе интересныхъ или неинтересныхъ статей, и отъ ненужнаго мелочнаго вмѣшательства въ веденіе самостоятельныхъ отдѣловъ. Единство и цѣльность журнала даже въ мелкихъ подробностяхъ слагались какъ будто сами собой. Въ согласіи съ основными чертами своего открытаго, благороднаго характера и своей отзывчивости на «житейскія волненія», Щедринъ ненавидѣлъ ложь, въ чемъ бы она ни состояла, и сухой доктринерскій формализмъ. Правдивое и живое отношеніе къ дѣлу—вотъ главное, чего онъ лично требовалъ отъ сотрудниковъ и безъ чего мудрено было попасть въ *Отечественныя Записки*. При обширномъ и тонкомъ умѣ Щедрина, при его чуткости, эта формула «правдиваго и живаго отношенія» обнимала очень многое, и немудрено, что руководимый имъ журналъ постепенно выработалъ себѣ такую цѣльность и опредѣленность фizioноміи, какая не часто встрѣчается въ исторіи русской журналистики. Конечно, она могла нравиться однимъ и не нравиться другимъ...

Собственная писательская фizioномія Щедрина тоже нравилась однимъ и не нравилась другимъ. Онъ имѣлъ восторженныхъ поклонниковъ, но имѣлъ и враговъ, злобныхъ, мстительныхъ. Такова участь всякаго превышающаго средній ростъ человѣка, но въ положеніи Щедрина были свои особенности. Его великій талантъ и его значеніе, какъ литературнаго дѣятеля, едва ли не съ первыхъ же его литературныхъ шаговъ стали внѣ всякаго спора и сомнѣнія, а затѣмъ обратились въ общее мѣсто, которое даже повторять странно. Правда, кое-кто изъ оскорбленныхъ его личною рѣзкостью или его строгою, но и отвѣтственною дѣятельностью, какъ редактора *Отечественныхъ Записокъ*, безсильными, трясущимися отъ злобы руками замахивался и на его талантъ. Помню одну забавную статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, въ которой серьезнѣйшимъ образомъ доказывалось, что Щедринъ (и Некрасовъ) не можетъ идти, по таланту, ни въ какое сравненіе съ... г. Стахѣевымъ. Помню разныя полемическія упражненія газетныхъ рецензентовъ, представляющихъ собою двойную анатомическую игру природы: отсутствіе мозга и сердца, при наличности рукъ, которыя могутъ держать перо, мокать его въ чернила и потомъ водить имъ по бумагѣ. Этой мелочи Щедринъ даже

не замѣчалъ, какъ слонъ той моськи, которая на него лаяла. Были враги покрупнѣе. Были такіе, которые понимали, что прать противъ рожна глупо, и не только не отрицали таланта Щедрина, но именно въ этомъ талантѣ видѣли сугубую опасность для чего-то, будто бы, ими охраняемаго. Эти очень волновали покойнаго и многого добились.

Была пущена въ ходъ и усердно эксплуатировалась нелѣпая клевета, что Щедринъ ненавидитъ и презираетъ Россію, не вѣритъ въ нее, желаетъ ей всякаго зла и гибели, въ доказательство чего указывалось на исключительно мрачныя краски его сатирической палитры. Еслибы «патріотъ своего отечества» и «мерзавецъ своей жизни» не слились у насъ въ какой-то конгломератъ шутовской пошлости и злодѣйскаго предательства, еслибы слово «патріотъ» не было такъ захватано грязными руками, я сказалъ бы, что Щедринъ былъ великій патріотъ. Здѣсь не мѣсто, да и слишкомъ много времени потребовалось бы, подвергать сколько-нибудь систематическому критическому анализу сочиненія Щедрина въ ихъ художественномъ и общественномъ значеніи. Я просто пишу бѣглую замѣтку, и читатели не въ правѣ требовать отъ нея многого.

Щедринъ безспорно не любилъ многого въ Россіи (а кто любить все въ Россіи? не тѣ ли, кто не любитъ великаго русскаго писателя, нынѣ лежащаго въ гробу?). Не любилъ между прочимъ, и даже въ особенности, того фальшиваго, иногда слащаваго, иногда напротивъ злобнаго теченія, которое какъ бы захватило въ свои руки монополію патріотизма. Этому ненавистному для Щедрина теченію часто отъ него доставалось, его мощное слово не разъ посрамляло его представителей. Такъ, одно время представители эти усвоили себѣ кличку «культурныхъ людей» и очень носились съ нею. Тогда Щедринъ началъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* рядъ очерковъ подъ заглавіемъ «Культурные люди», но не успѣлъ даже ихъ кончить (такъ они и остались неконченными въ журналѣ и до сихъ поръ не перепечатывались въ отдѣльномъ изданіи; въ полное собраніе сочиненій однако войдутъ), — не успѣлъ даже кончить, какъ гордую кличку «культурные люди», точно траву косой, скосило. «Культурные люди» устыдились посрамленной Щедринымъ клички, — до такой степени устыдились, что

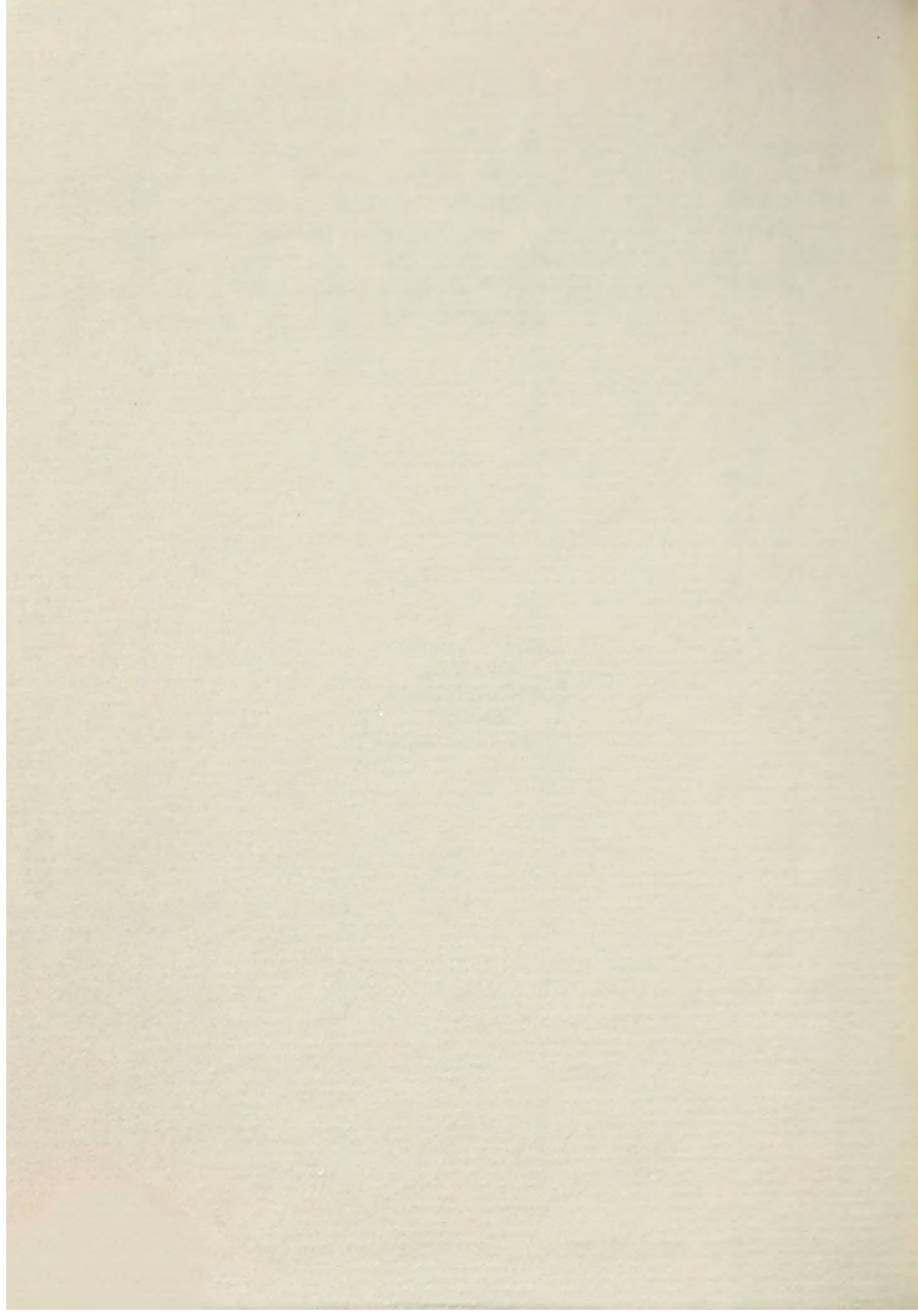
кличка такъ на вѣки и погибла, и можетъ-быть многіе изъ читателей даже не помнятъ ее. А знаменитая «торжествующая свинья»?! Но если Щедринъ неустанно клеймилъ лживое теченіе, самозванно усвоившее себѣ имя патріотизма, то только слѣпой или именно уродъ, лишенный мозга и сердца, могъ не видѣть той горячей, трогательной и заразительной любви къ отечеству и къ отечественному «мальчику безъ штановъ» («За рубежомъ»), которая сквозила изъ-подъ его ѣдкой сатиры.

Возьмемъ сравнительно безобидную область—область литературы. Разъ Щедринъ спросилъ меня, какое изъ его произведеній я считаю наиболѣе удачнымъ. Я затруднился отвѣтить, какъ затруднился бы и сейчасъ выбрать какой-нибудь цвѣтокъ изъ этого огромнаго и роскошнаго букета.—«Помо-ему, «Похороны» лучше всего, я ихъ вчера пересматривалъ; право хорошо»,—сказалъ Щедринъ. Я хорошо помнилъ «Похороны», небольшой и дѣйствительно прекрасный рассказъ, который однако трудно поставить въ ряду произведеній Щедрина въ первую голову. Это рассказъ о похоронахъ бѣднаго, маленькаго писателя, о постигавшихъ его при жизни невзгодахъ, о трудностяхъ и радостяхъ его положенія. Рассказъ проникнутъ тихою, хотя и улыбающеюся грустью и тѣмъ своеобразнымъ лиризмомъ, который въ послѣдній періодъ дѣятельности Щедрина все чаще и чаще пробивался въ его произведеніяхъ. Этотъ-то задушевный тонъ рассказа и подкупалъ самого автора. Онъ глубоко любилъ русскую литературу и интересовался судьбами самыхъ даже маленькихъ и невидныхъ ея служителей. Мерзости представителей печати, которыхъ онъ награждалъ ударами своего сатирическаго бича, не мѣшали ему вѣрить въ русскую литературу, именно какъ въ русскую, желать ей разцвѣта, свободы, почета. Не даромъ онъ и въ завѣщаніи сыну написалъ трогательныя и по праву гордые слова: «Паче всего люби родную литературу и званіе литератора предпочитай всякому другому». Не касаясь прочихъ сторонъ этого предсмертнаго пожеланія, я спрашиваю: кто же былъ истинный патріотъ, кто больше любилъ свое отечество и больше вѣрилъ въ таящіяся въ немъ силы,—тотъ ли, кто завѣщалъ своему сыну любить «родную литературу», или тѣ

«патріоты своего отечества», которые съ пѣной у рта требуютъ для этой родной литературы узды и кнута?

Великая скорбь посѣтила Россію, еще бѣльшая — русскую литературу и насъ, русскихъ литераторовъ. Почтимъ же память Щедрина не только словами и слезами, а и дѣломъ: постараемся сравняться съ нимъ, — конечно, не талантомъ; постараемся работать такъ, чтобы, подобно ему, имѣть передъ лицомъ смерти право гордиться своимъ званіемъ литератора и завѣщать эту гордость потомству...

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Franz Steckeler
Buchbinderel
8684 Höchstädt/Do.

Michajlovskij, Nikolaj Konstantinovič

Kritičeskie opyty N. K. Michajlovskago

Bd.: 2

1890

H.lit.p. 629 i-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11618921-6